

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**CITIZEN
ELECTIONS
AUTHORITY**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

**№ 4(26)
2022**

ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ
OCTOBER–DECEMBER

МОСКВА
MOSCOW

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПАМФИЛОВА Элла Александровна,
Председатель Центральной избирательной
комиссии Российской Федерации
(председатель)

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
член-корреспондент Национальной академии
Беларуси, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
(Беларусь)

ГАБОВ Андрей Владимирович, заместитель
директора Института законодательства
и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации, член-
корреспондент Российской академии наук,
доктор юридических наук, заслуженный юрист
Российской Федерации

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, директор
Института Европы РАН, член-корреспондент
Российской академии наук, доктор
политических наук, профессор РАН

ЕНИКЕЕВ Шамиль Мидхатович, доктор
политологии Оксфордского университета,
управляющий директор Оксфордского
международного центра (Великобритания)

ПРОРОК Владимир, проректор Института
международных и общественных отношений,
доктор философии (Чехия)

Главный редактор Гасанов И. Б.

Журнал выходит 4 раза в год

Свидетельство: ПИ № ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 85482

Учредитель: Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Издатель: Российский центр обучения избирательным
технологиям при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Адрес редакции:
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47
Тел.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2022

EDITORIAL BOARD

PAMFILOVA Ella Aleksandrovna,
Chairman of the Central Election Commission
of the Russian Federation
(Chairman)

VASILEVICH Grigorii Alekseevich,
Head of Department of the Constitutional Law,
Belarusian State University, Associate Member
of the National Academy of Belarus,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of Belarus Republic
(Republic of Belarus)

GABOV Andrei Vladimirovich, Deputy Director
of the Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian
Federation, Associate Member of RAS,
Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian
Federation

GROMYKO Aleksei Anatol'evich, Director
of the Institute of Europe of RAS, Associate
Member of RAS, Doctor of Political Sciences,
Professor of RAS

ENIKEEV Shamil' Midkhatovich, PhD (Pol.Sci.)
of the Oxford University, Managing Director
of the Oxford International Centre
(United Kingdom)

PROROK Vladimir, Vice-Rector of the College
of International and Public Relations
(Czech Republic)

Editor-In-Chief I. B. Gasanov

Published 4 times per year

Certificate: ПИ No. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Subscription index
in the catalogue «Russian Press» 85482

Founder: Central Election Commission
of the Russian Federation

Publisher: Russian Centre for Training in Election
Technologies under Central Election Commission
of the Russian Federation

Editorial Office:
Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow
Tel.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Central Election Commission
of the Russian Federation, 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (председатель)

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор (заместитель председателя)

БАКУШЕВ Валерий Владимирович, заведующий кафедрой парламентаризма и межпарламентского сотрудничества отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

БОРИСОВ Игорь Борисович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, председатель совета Российского Общественного института избирательного права (РОИИП), кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна, заведующий кафедрой социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета (МПГУ), профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, доцент

ВОЛКОВА Анна Владимировна, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, Председатель научной комиссии в области политических наук Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, доцент

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

EDITORIAL BOARD

EBZEEV Boris Safarovich, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of science of the Russian Federation (Chairman)

VEDENEEV Yuri Alekseevich, Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Deputy Chairman)

BAKUSHEV Valery Vladimirovich, Head of Department of Parliamentarism and Inter-Parliamentary Collaboration, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Doctor of Political Sciences, Professor

BORISOV Igor Borisovich, Member of Central Election Commission of the Russian Federation, Chairman of the Council of the Russian Public Institute of Electoral Law (ROIIP), Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, Head of the Department of Social and Political Studies and Technologies, Moscow Pedagogical State University (MPSU), Professor of the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLKOVA Anna Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Political Governance, Chairman of Scientific Commission in the Field of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLODENKOV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of State Policy of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VYDRIN Igor Vyacheslavovich, Head of the Department of Constitutional and International Law, Ural Institute of Administration — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Doctor of Law, Professor

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, главный редактор журнала «Гражданин. Выборы. Власть», кандидат политических наук

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

КОМАРОВА Валентина Викторовна, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

ПЕТРИЦЕВ Вячеслав Николаевич, ректор Международного независимого эколого-политологического университета, кандидат политических наук

ПОСТНИКОВ Александр Евгеньевич, заведующий отделом конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

СЛАТИНОВ Владимир Борисович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, доктор политических наук, доцент

СМИРНОВ Вильям Викторович, заведующий сектором теории права и государства Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, доцент

УСМАНОВ Рафик Хамматович, заведующий кафедрой политологии и международных отношений, директор департамента социально-политических и экономических исследований Евразии и Востока Астраханского государственного университета, доктор политических наук, профессор

ЧЕРНЫШОВ Алексей Геннадьевич, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

GASANOV Ismail Bairamovich, Editor-In-Chief of the Journal «Citizen. Elections. Authority», Candidate of Political Sciences

KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor

KOMAROVA Valentina Viktorovna, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Dean of the Faculty of Public Sector, Novosibirsk State University of Economics and Management, Candidate of Law, Associate Professor

OSAVELYUK Aleksei Mikhailovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

PETRISHCHEV Vyacheslav Nikolayevich, Rector of the International Independent Ecological and Political University (MNEPU), Candidate of Political Sciences

POSTNIKOV Aleksandr Evgen'evich, Head of the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

SLATINOV Vladimir Borisovich, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Doctor of Law, Associate Professor

SMIRNOV William Viktorovich, Head of the Sector of Theory of Law and State, Institute of State and Law of RAS, Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Associate Professor

USMANOV Rafik Khammatovich, Head of the Department of Political Science and International Relations, Director of the Department of Socio-Political and Economic Studies of Eurasia and East, Astrakhan State University, Doctor of Political Sciences, Professor

THERHYSHOV Aleksei Gennadievich, Professor of the Department «State and Municipal Law», Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК России) журнал «Гражданин. Выборы. Власть» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
- 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Статьи, публикуемые в журнале «Гражданин. Выборы. Власть», индексируются в Научной электронной библиотеке ELIBRARY.RU.

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира – Российская Федерация

Теория права**11 Ю.А. Веденеев**

Юриспруденция в антропологической перспективе: предмет и структура дисциплины

Конституционное право**28 Е.Ю. Вахрамеев**

Публичная власть — институт российского конституционализма как юридического метафеномена

42 А.Д. Уханов

Президент и Конституционный Суд: российский конституционный кризис 1993 года в оптике веймарских дебатов

Избирательное право**61 Э.С. Юсубов, Д.В. Сенникова**

Особенности привлечения к административной ответственности в избирательном процессе

72 А.А. Макарецв

К вопросу об исключении муниципальных избирательных комиссий из российской избирательной системы

Электоральные технологии**83 В.И. Ерыгина, А.А. Ерыгин**

Голосование по почте как вид дистанционного голосования на выборах в органы публичной власти

91 Е.Е. Семенов

Стриминговые технологии в наблюдательном процессе за выборами: новые горизонты политической публичности

Парадигмы развития**100 И.Г. Чистобородов**

Цель государственного управления в общественно-политической сфере с учетом международной обстановки

111 М.А. Аствацатурова, И.Д. Ибрагимов

Желаемые векторы функционально равновесной модели гражданского активизма в условиях современной реальной геополитики

- 120 В.В. Царьков**
Основные факторы, формирующие угрозы безопасности на пространстве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества

Актуальная трибуна

- 129 А.Р. Гончаренко**
Неправительственные организации как акторы современной гибридной войны: деятельность западных НПО в Центральной Азии

- 145 О.А. Овсянникова**
Значение украинского кризиса в глобальном и региональном измерении

Пространство молодого ученого

- 158 А.Д. Николаева**
Информационная война против Белоруссии: сравнительный анализ

- 170 Е.И. Поздняков**
Гражданское общество как субъект противодействия фейк-ньюс в системе информационной безопасности России и Китая

Атмосфера

- 179 Н.В. Богатырь**
Проблемы соблюдения законодательства об интеллектуальной собственности в информационном обеспечении выборов

- 196 Р.Р. Садыков**
Направления обеспечения безопасности «избирательного блокчейна»

- 203** Сведения об авторах

Theory of Law

- 11 Y.A. Vedeneev**
Jurisprudence from an Anthropological Perspective: the Subject and Structure of the Discipline

Constitutional Law

- 28 E.Y. Vakhrameev**
Public Power is an Institute of Russian Constitutionalism as a Legal Metaphenomenon
- 42 A.D. Ukhanov**
The President and the Constitutional Court: the Constitutional Crisis of 1993 in the Optics of the Weimar Debates

Electoral law

- 61 E.S. Yusubov, D.V. Sennikova**
Features of Bringing to Administrative Responsibility in the Electoral Process
- 72 A.A. Makartsev**
On the Question of the Exclusion of Municipal Election Commissions from the Russian Electoral System

Electoral technologies

- 83 V.I. Erygina, A.A. Erygin**
Voting by Mail as a Type of Remote Voting in Elections to Public Authorities
- 91 E.E. Semenov**
Streaming Technologies in the Election Observation Process: New Horizons of Political Publicity

Development paradigms

- 100 I.G. Chistoborodov**
Purpose of Public Administration in the Socio-political Sphere Taking into Account the International Situation
- 111 M.A. Astvatsaturova, I.D. Ibragimov**
Desired Vectors of a Functionally Balanced Model of Civic Activism in the Conditions of Modern Real Geopolitics

- 120 V.V. Tsarkov**
The Main Factors Shaping the Threats to Security in the Space
of the Member States of the Shanghai Cooperation Organization
- Actual Tribune**
- 129 A.R. Goncharenko**
Non-governmental Organizations as Actors of Contemporary Hybrid
War: the Activities of Western NGO in Central Asia
- 145 O.A. Ovsyannikova**
The Significance of the Ukrainian Crisis in the Global and Regional
Dimension
- Young Scientist's Space**
- 158 A.D. Nikolaeva**
Information War Against Belarus: Comparative Analysis
- 170 E.I. Pozdniakov**
Civil Society as a Subject of Counteraction to Fake News
in the Information Security System Russia and China
- Atmosphere**
- 179 N.V. Bogatyr**
Problems of Compliance with Intellectual Property Legislation
in the Information Support of Elections
- 196 R.R. Sadykov**
Directions of Ensuring the Security of the «Electoral Blockchain»
- 203 Our Authors**

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ПРЕДМЕТ И СТРУКТУРА ДИСЦИПЛИНЫ

***Аннотация.** Представленный материал затрагивает вопрос дисциплинарной эволюции юриспруденции. Наличный формат предметной структуры юридической науки нуждается в глубоком осмыслении как с точки зрения развития права, так и с позиции формирования новых аналитических подходов в изучении данного социального явления. Культурно-исторически ориентированная юриспруденция составляет именно то направление развития дисциплины, которое резюмировано в понятии интегральная юриспруденция. Концептуальное ядро дисциплины совмещает формально-догматическое и социокультурное измерения правовой реальности, представленной в ее и институциональной, и аналитической форме существования и выражения. Составная часть статьи включает учебную программу дисциплины.*
Ключевые слова: культурно-историческая юриспруденция, антропология права, юридические концепты власти и права, дисциплинарная матрица.

JURISPRUDENCE FROM AN ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVE: THE SUBJECT AND STRUCTURE OF THE DISCIPLINE

***Abstract.** The presented material touches upon the issue of the disciplinary evolution of jurisprudence. The current format of the subject structure of legal science needs deep reflection both from the point of view of the development of law and from the point of view of the formation of new analytical approaches to the study of this social phenomenon. Culturally and historically oriented jurisprudence is exactly the direction of development of the discipline, which is summarized in the concept of integral jurisprudence. The conceptual core of the discipline combines the formal-dogmatic and socio-cultural dimensions of legal reality, represented in its both institutional and analytical form of existence and expression. An integral part of the article includes the curriculum of the discipline.*

Keywords: cultural-historical jurisprudence, anthropology of law, legal concepts of power and law, disciplinary matrix.

Тема настоящей работы корреспондирует докладу профессора В.В. Лазарева «Полемические вопросы развития общей теории права и государства»¹. Разделяя обеспокоенность докладчика состоянием развития теоретической юриспруденции, полагаю, что развернутый диагноз положения дел самой научной дисциплины может быть поставлен только в контексте ее собственной концептуальной эволюции. Проблема определения теоретико-методологического статуса теории государства и права в общем корпусе юридической науки далеко не нова. Она всегда занимала особое место в рамках марксистско-ленинской версии понимания права и санкционированной ею одноименной научной и учебной дисциплины. Здесь вполне достаточной была апелляция к идеологической ценности проблематики исследования и государства, и права. Сегодня эпистемологическая ситуация существенно иная. В теории государства и права, прежде чем указывать другим, что есть право и государство, а что не есть право и государство, приходится трудиться над проблемой собственного самоопределения. То есть предметного и методологического обоснования своего места в общей системе современной социальной и гуманитарной науки в целом.

Мне импонирует концептуальный формат дисциплины «*Общая теория права и государства*». Однако не могу согласиться с точкой зрения, согласно которой у общей теории права и государства нет своего предмета. Предмет безусловно есть. Предметом общей теории права и государства является сама научная дисциплина — «*Общая теория права и государства*». А именно — разработка теории ее внутренней структуры, системы междисциплинарных связей с другими социальными и политическими науками, состава общих категорий и понятий, определяющих границы совмещения теории права и теории государства в рамках единого дисциплинарного комплекса.

Существуют различные версии и подходы построения общей теории государства и права. Начиная с классической формы «*Энциклопедия государства и права*» и завершая новой «*Постклассической юриспруденцией*», — юриспруденцией без права и без государства. В научной литературе активно обсуждается другой формат общей теории — «*Интегральная юриспруденция*». Хотя очевидно, что прежде чем нечто интегрировать, необходимо нечто дифференцировать. Процесс дисциплинарной дифференциации уходит в предметную бесконечность, что делает содержательно и логически невозможной обратную операцию — их объединение. Принимая во внимание постоянно расширяющееся предметное и методологическое поле юридической науки, которое получило отражение и в вопросах, выносимых на обсуждение по итогам осмысления доклада, представляется, что сегодня корректно обсуждать промежуточный или переходный формат к общей теории. А именно — формат *междисциплинарного научного комплекса*, в составе

¹ См.: «Lex Russica». 2015. № 11; «Журнал российского права». 2016. № 2.

которого центральное место должна занимать культурно-историческая юриспруденция. Разумеется, это всего лишь одно из возможных суждений.

Вместе с тем следует иметь в виду, что сама эпистемологическая конструкция «культурно-историческая юриспруденция» обязывает. Она предполагает развернутую аргументацию, выстроенную в логике предмета, который еще нужно определить. Что это? Это теория государства и права в духе социально-политических доктринальных различий М. Рейснера «Право. Наше право. Чужое право. Общее право»²; или это — теория базовых концептов дисциплины — власти и права³, что предполагает разработку, соответственно, теории общего *предмета*, теории общего *метода*, теории общего аналитического *инструментария* дисциплины; или это — поиск новой исследовательской конструкции — *нового культурно-исторического синтеза* права и государства в парадигмальной логике Карла Ясперса с его концептом «*осевого времени*» — эпохи фундаментальных цивилизационных вызовов и эпистемологических сдвигов в системах социально-гуманитарного знания?

Этот концептуальный *Вызов* ждет своего концептуального *Ответа*. На мой взгляд, решение вопроса лежит в плоскости понимания того, что все социальные, политические и юридические практики в конечном счете связаны и определяются смыслом человеческого существования, — индивидуального и коллективного, культурного и интеллектуального. А это уже предмет исторической социологии права и юридической антропологии или культурно-исторической юриспруденции. Именно на пересечении этих дисциплинарных кластеров сегодня и может быть выстроен научный фундамент Общей теории и права и государства.

Эпистемологические основания дисциплины

В системе категорий юриспруденции центральное место занимает категория «*отношение*». Относительно концептуального ядра данной категории воспроизводится весь ансамбль определений и понятий как теоретического государствоведения, так и теоретического правоведения. В основании социологии и антропологии права также лежит категория «*отношение*» в ее определенной культурно-исторической модальности «*отношение к отношениям*». То есть отношение к наличному (практикующему) государству как политическому институту и отношение к наличному (практикующему) праву как юридическому институту. Таким образом, *эпистемология* «отношение» и *эпистемология* «отношения к отношениям» могут быть положены в основании конструкции теоретической юриспруденции, объединяющей в общий дисциплинарный комплекс теорию государства и теорию права в их культурно-исторических отношениях и определениях.

² См. Рейснер М. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Ленинград. 1925.

³ См. Исаев И.А., Корнев А.В., Липень С.В. Концепты власти и права. М., 2022.

Понятие «*отношение*» имеет таксономическое или нормативное значение. То есть является обозначением статуса той или иной социальной категории в общей системе социальных категорий. В широком диапазоне оценочных квалификаций наличной реальности оно включает в себя множество форм нормативно-должного в процессах юридической организации институтов власти собственности и управления, начиная от архаических форм нормативности — «*чистое и нечистое*», «*высокое и низкое*», «*сакральное и профанное*», — и завершая современными определениями — «*действительное и недействительное*», «*правомерное и неправомерное*», «*конституционное и неконституционное*».

Понятие «*отношение к отношениям*» выявляет не декларативную, а действительную природу ценностей и юридических конструкций, лежащих в основании наличных правовых систем и государственных правопорядков. *Эпистемология* «отношения к отношениям» связана с феноменом культурного, то есть нормативного «*признания или непризнания*» формального и действующего правопорядка. И, как следствие, — с феноменом «*доверия или недоверия*» к существующим государственно-правовым институтам. Феномен «доверие или недоверие наличному правопорядку (законопорядку)» существует в границах отклонений действующего правопорядка от установленного правопорядка, установленного правопорядка от социального порядка с его социальными потребностями, социокультурными ожиданиями и нормативными требованиями. Для построения культурно-исторической юриспруденции дисциплинарный контакт социологии и антропологии права имеет существенное значение, поскольку разработка проблематики теории юридической организации социальных отношений через категории «признание» или «непризнание», «доверие» или «недоверие» наличному или декларируемому правопорядку составляет концептуальное ядро современной юриспруденции. Социология права и антропология права — составные части юридической науки. Каждая из дисциплин характеризуется своим предметом, своим категориально-понятийным аппаратом и своей проблематикой, что не исключает, а напротив, предполагает наличие и разработку общего предмета исследования⁴.

Собственный предмет социологии права — социальные основания права или влияние социальных процессов на развитие правовых систем. Право в контексте социологически ориентированной юриспруденции рассматривается в качестве социального института. Собственный предмет антропологии права — социокультурные основания права или влияние социокультурных процессов на развитие правовых систем. Право в контексте антропологически ориентированной юриспруденции рассматривается в качестве социокультурного института. Обе формы действительных оснований права выражают отдельные аспекты нормативно-должного отношения как

⁴ См. Филипп Дескола. По ту сторону природы и культуры. М., 2012.

такового — онтологически заданного фундаментального свойства человеческой (коллективной) реальности.

Государство и право — это одновременно социальные, социокультурные и политико-правовые институты. Роль социальной и культурной составляющих процессов правообразования и государствообразования очевидна. Именно процессы смены культурно-исторических типов человека (*родовой человек — культурный герой — человек религиозный — индивид — persona sui juris*), смены культурно-исторических типов социальных общностей (*социоприродная общность — религиозная общность — политическая общность — гражданская общность*) и смены культурно-исторических типов нормативно-должного (*коллективное право — октроированное право — трансцендентальное право — индивидуальное право или права человека и гражданина*) лежат в основании интегральной онтологии права и государства. Ее базовая категория — *отношение* — логично вписывает в общий предметный и концептуальный контекст широкую совокупность юридических дисциплин.

Признание как культурно-историческая категория и институт

Социальный процесс — сложная, многосоставная и многоуровневая категория. Это одновременно и политический процесс, связанный с производством и воспроизводством институтов публичной власти, и юридический процесс, определяющий нормативные условия, гарантии и ограничения организации и осуществления социальных действий и процедур. Вместе с тем это и социокультурный процесс, в котором получают свое выражение разнообразные предпочтения, социальные ориентации и оценки существующих институтов власти, собственности и управления. Их взаимодействием определяются в конечном счете конкретные параметры и перспективы развития как самой социальной системы, так и обслуживающих ее социокультурной, институциональной и нормативной подсистем.

Изучение вопроса нуждается в широком дисциплинарном контексте системного концептуального и практического осмысления. В полном объеме своего исследовательского потенциала — историко-генетическом, социокультурном и сравнительно-правовом — новый инструментарий и новое содержание разнообразных исторических практик социального общения могут быть получены и представлены именно в рамках культурно-исторической юриспруденции и ее составляющих — антропологии и социологии права, активно развивающих свой предмет и категориально-понятийный аппарат. Предметная проблематика дисциплины выстраивается через человеческое измерение социальных, политических и социокультурных процессов и отношений. Базовые концепты дисциплины определяются смыслом человеческого существования, его двойственной природой и одновременно биологической и социокультурной, профанной и сакральной, коллективной и индивидуальной.

Исследование форм и методов социального поведения применительно к различным цивилизационным, то есть культурно-антропологическим аспектам жизнедеятельности социальных институтов может составить общее введение в теорию социальных систем. Различия в культурных традициях социального общения самым непосредственным образом отражаются в структуре и динамике развития традиционных и современных обществ. Именно различия нормативных систем социальных коммуникаций прошлого и настоящего составляют собственный предмет культурно-исторической юриспруденции как составной части юридической науки и сравнительного правоведения. В основании ее предмета лежит фундаментальное различие онтологических и аксиологических оснований права — источников права и правовых репрезентаций — права как социального института и права как представления о нормативно-должном порядке отношений.

Базовая функция социального процесса — признание или непризнание существующих практик политико-правовой коммуникации. Признание — универсальная категория социального поведения. Она пронизывает все аспекты производства и воспроизводства практик социального общения. Разнообразие их исторических форм подтверждает представленный тезис. Здесь и *ритуалы*, сопровождающие значимые аспекты социальной жизни; *инициации* или практики обретения новых социальных статусов; *культурные практики и обряды почитания* своих предков и своих богов; *коронации и выборы*, обеспечивающие восхождение на высшие уровни социальной иерархии. В этом измерении категория признания образует универсальный социокультурный концепт и институт. То есть процесс, сопровождающий практически все аспекты организации и функционирования социально-политических систем как традиционных, так и современных обществ.

Именно культурно-исторически ориентированная юриспруденция дает возможность под новым углом зрения увидеть глубокие цивилизационные различия нормативных и институциональных практик организации систем социальной, политической и правовой коммуникации. В том числе их важнейшей составляющей — социокультурной легитимации или нормативного признания. Оно связано с пониманием нормативных границ существования отдельных правовых систем в исторически различных культурах социального общения. Культурно-исторический подход в изучении социальных систем и процессов позволяет уйти от классических позитивистских (объективистских) моделей описания и объяснения механизмов их воспроизводства. В основании культурно-исторического концепта действительности лежат субъективные гуманитарные (аксиологические, социокультурные, антропологические) факторы и условия развития и функционирования социальных систем.

Суть культурно-исторического измерения социальной реальности может быть выявлена в формуле «отношение к отношениям». То есть описания и объяснения культурно-исторических практик воспроизводства систем

социальных отношений в рамках бинарной оппозиции признания или непризнания их действительного смысла и назначения. Все составляющие процесса институционализации реальной действительности — *социогенез, нормогенез и политогенез* — в итоге определяются антропологически ориентированными культурно-историческими факторами и условиями человеческого развития. Категория признания выражает и репрезентирует все грани правовой реальности, ее становления и развития как правового явления, процесса и представления. Правовая реальность — это прежде всего по определению человеческая реальность. Она пронизана человеческими ожиданиями и настроениями, переживаниями смысла существования — ценностными определениями сущего.

В этом аспекте понимания места и роли категории «признание в общем механизме нормативной регуляции социальных отношений» именно признание образует соционормативное (*социокультурное*) ядро всех возможных реальных и потенциальных, нормативных и институциональных практик, границ и траекторий возможных изменений и трансформаций систем нормативной регуляции. Категория «признание» является несущей конструкцией юридической общегражданской санкции на осуществление тех или иных политик или практик. Признание дает необходимый импульс движению к новым формам социального общения. И, как следствие, вызывает дополнительный синергетический эффект изменений в наличных правовых системах и институтах. Признание — интегральная часть юридического отношения к реальности: соединяет в себе онтологические и феноменологические основания действительности, социальное как таковое и социальное в его отражении в восприятии и переживании субъектов социальных действий и предпочтений. Юридическое качество концепта признания заключено в его социальной нормативности. Признание лежит в основании определения аксиологического статуса (практической ценности) существующих, актуальных и потенциальных юридических форм, методов, способов нормативной организации социальных отношений в их общей системе. В этом плане социальный кризис есть кризис нормативности практик признания или непризнания наличного порядка отношений как правопорядка.

Генеалогия социального признания (электорального, политического, социокультурного) заключена в культурно-исторической реальности, определяющей глубинные основания права как такового, — как социокультурной по своей сути, наряду с языком и религией, формы существования и самоопределения исторического человека. Действительное право живет в форме представления о праве, нагруженного собственными предметными, ценностными и нормативными смыслами и значениями. Различные культуры характеризуются различными представлениями о праве — о его источниках и языке, содержании и границах юридической организации отношений. Культурно-историческое измерение права позволяет совместить в своих определениях как постоянные (инвариантные) признаки данного

феномена, так и меняющиеся культурно-исторические. То есть и его юридическую антропологию, и его юридическую социологию.

Эволюция правовых систем привязана к эволюции систем представлений о должном или недолжном порядке социальных отношений — к пониманию того, что есть право и что не есть право в той или иной культуре нормативного общения. Определения антропологии права имеют фундаментальное значение в понимании действительной исторической логики развития различных систем соционормативной регуляции (догосударственных, переходных, государственно-правовых обществ) их нормативного языка, семантики и структуры. Именно этим и объясняется теоретическое и практическое значение языка антропологически и ценностно ориентированной перспективы в развитии юриспруденции. Правовая реальность, основанная на признании должного и недолжного порядка отношений, различении своего и чужого, позитивного и негативного права, — это одновременно концептуальная и фактическая, языковая и институциональная реальность. Язык культурно-исторической нагруженной юриспруденции позволяет не только и даже не столько описать и объяснить отдельные аспекты реальности права, но и (прежде всего) обеспечить воспроизводство правовой реальности как человеческой реальности.

Дисциплинарный статус культурно-исторической юриспруденции открывает возможность к тому, чтобы выйти за узкие рамки позитивистской версии понимания права. Ее язык способствует воспитанию толерантного отношения к различным социокультурным традициям и практикам. Пониманию сложной архитектуры различных ментальных картин мира, определяющих юридическое лицо современного социального порядка. Культурно-историческая юриспруденция как научная и учебная дисциплина имеет прямую связь с общетеоретическими и отраслевыми курсами по теории и методологии государства и права, сравнительного правоведения и истории государственно-правовых институтов. Культурно-историческая юриспруденция, углубляя представление об основных категориях, понятиях и методах данной дисциплины, претендует на статус общей теории и методологии права. Ее целевая, теоретико-методологическая функция состоит в разработке системы представлений об исходных онтологических основаниях прав человека и гражданина, являющихся фундаментальной темой и проблемой философии права и теоретического правоведения. И в этом смысле культурно-историческая юриспруденция представляет собой теорию понимания *юридического* как сферы существования и осуществления человеческой *субъектности* в историческом времени и историческом пространстве. Культурно-историческая юриспруденция и ее базовый концепт — правовой плюрализм практик нормативного регулирования социальных отношений, играют существенную роль в понимании пределов возможной унификации национальных правовых систем в условиях глобализации.

Культурно-историческая перспектива в праве составляет одновременно и новое синтетическое направление научных исследований в составе теоретического правоведения и новый интегральный подход в изучении государственно-правовых явлений. Представляется возможным в качестве *введения в предмет* культурно-исторической юриспруденции или антропологии порядков предложить следующую тематическую структуру исследования права:

- историческая эволюция систем социального общения: *родовой субъект, культурный герой, индивид, сетевая личность*;
- сосуществование порядков отдельных социальных категорий: *лиц своего права и лиц чужого права, систем патрон-клиентских отношений, систем сетевых отношений*;
- эволюция систем нормативного регулирования: *мононорматика* (правовой синкретизм), *дуалистические системы* (сакральное – профанное), *монистические системы* (позитивное право), *универсальные системы* (цифровое право);
- эволюция систем юридических дискурсов: *мифоритуальная* (мифопоэтическая) картина мира, *дуалистическая модель* (земное и небесное, естественное и позитивное право), *логоцентризм* (рациональное право) и *метаправо*;
- эволюция юридических языков социального общения: юриспруденция *жеста*, юриспруденция *текста* (устного и письменного), юриспруденция *цифры*.

Приложение

Рабочая программа учебной дисциплины «Культурно-историческая юриспруденция»

Наименование программы «Антропология права»

Направление подготовки: юриспруденция

Профиль подготовки: юриспруденция

Квалификация (степень) выпускника: бакалавр (бакалавр)

Форма обучения: очная

1. Цели освоения учебной дисциплины

Целями преподавания учебной дисциплины «Культурно-историческая юриспруденция» является последовательное освоение ключевых понятий и категорий, образующих теоретико-методологическое основание исследования первоначальных форм социально-нормативного регулирования

общественных отношений и их трансформации в развитые институциональные системы нормативно-правовой регуляции. Для современного состояния юриспруденции как науки и учебной дисциплины характерно расширение предмета и тематики исследования, прежде всего за счет расширения междисциплинарных связей с другими социальными науками. Культурно-историческая юриспруденция, отвечая на вызовы реальной практики сосуществования в одном социокультурном пространстве множества систем нормативного регулирования, призвана дать необходимый объем знаний о системе и формах взаимодействия ее отдельных составляющих сегментов в их общем механизме.

Аналитика предмета позволяет выйти за узкие рамки позитивистской версии понимания права, помогает ориентироваться в ситуации одновременного и параллельного воздействия на поведение субъектов множества институциональных комплексов, порожденных плюралистической природой реальных систем социально-нормативного регулирования. Его изучение способствует воспитанию толерантного отношения к различным социокультурным традициям и практикам — мифологическим, сакральным, религиозным, светским, научным картинам мира, определяющим человеческое, то есть юридическое лицо современного мира.

2. Место учебной дисциплины в структуре общей программы

Культурно-историческая юриспруденция как научная и учебная дисциплина относится к дополнительной части цикла основной образовательной программы (ООП). Она имеет прямую связь с общетеоретическими и отраслевыми курсами по теории и методологии государства и права, сравнительного правоведения и истории государственно-правовых институтов. Ее предмет корреспондирует той части курса теории государства и права, которая касается вопроса происхождения и генезиса систем социально-нормативного регулирования, а также сравнительного правоведения, изучающего вопросы общего и особенного в источниках, формах и содержании нормативно-правовой регламентации общественных отношений, характерных для различных моделей правовых систем современности.

Культурно-исторически ориентированная юриспруденция, углубляя представление об основных понятиях и методах данной дисциплины, позволяет не только войти в широкий социокультурный контекст становления и развития разнообразных юридических техник и моделей социального регулирования и поведения. Ее целевая, теоретико-методологическая функция состоит в разработке системы представлений об исходных онтологических основаниях прав человека и гражданина, являющихся фундаментальной темой и проблемой философии права и теоретического правоведения. И в этом смысле антропология права является теорией понимания права как сферы существования и осуществления человеческой субъектности

в историческом времени и историческом пространстве. Антропология права и ее базовый концепт — правовой плюрализм наличных практик ценностно-нормативного регулирования социальных отношений, играют существенную роль как в объяснении границ процессов интеграции, так и в понимании пределов возможной унификации национальных правовых систем в условиях глобализации.

Антропологическая перспектива в праве составляет одновременно и новое направление научных исследований в составе теоретического правоведения и новый подход в изучении государственно-правовых явлений. Оба аспекта понимания и развития научной дисциплины — предмет и метод, открывают широкие возможности обогащения как содержательной, так и концептуальной составляющих юридической науки в целом и в отраслевых разрезах ее формирования.

3. Компетенции, формируемые в результате освоения учебной дисциплины

В результате освоения дисциплины, обучающийся должен:

1) Знать:

- историю становления и развития данной научной и учебной дисциплины в ее страноведческом и теоретико-методологическом аспектах;
- категориально-понятийный аппарат дисциплины в его исходных определениях и современном состоянии развития;
- основные нормативные и ценностные источники происхождения и формирования права.

2) Уметь:

- правильно воспринимать разнообразие нормативных систем социальной регуляции;
- анализировать исторические и современные закономерности развития правовых систем;
- последовательно обнаруживать в наличных формах и методах правового регулирования присутствие инвариантных моделей нормативной организации общественных отношений (правовые архетипы);
- применять полученные теоретические знания при описании и объяснении различных юридических ситуаций и казусов.

3) Владеть:

- методологической и понятийной базой для постановки, формулирования и исследования современной проблематики прав человека;
- навыками самостоятельного анализа различных юридических ситуаций и процессов, специфицирующих понимание места и роли человека в системах организации власти и управления;
- опытом и знаниями целостного подхода при обсуждении вопросов прав и свобод человека и гражданина.

4. Структура и содержание учебной дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины – 28 часов.

№ п/п	Раздел учебной дисциплины	Виды учебной деятельности, включая самостоятельную работу студентов и трудоемкость (в часах)			Формы текущего контроля успеваемости (по неделям семестра). Формы промежуточной аттестации (по семестрам)
1	Антропология права как наука и учебная дисциплина. Антропологическая перспектива в праве и сравнительное правоведение	Лекция (2)	Семинар (2)	Самостоятельная работа (4)	Научное обсуждение, опрос
2	История формирования и развития антропологии права. Система базовых категорий научной дисциплины	Лекция (4)	Семинар (4)	Самостоятельная работа (4)	Научное обсуждение темы, опрос
3	Основные концепции и методологические подходы. Смена исследовательских парадигм. Антропологически ориентированная юриспруденция	Лекция (2)	Семинар (2)	Самостоятельная работа (4)	Научное обсуждение темы, опрос
4	Основные правовые сообщества и формы субъектности. Переход от «общества групп» и «общества индивидов» к «сетевым сообществам»		Семинар (2)	Самостоятельная работа (4)	Эссе, научное обсуждение
5	Человек в системе традиционного права		Семинар (2)	Самостоятельная работа (4)	Эссе, научное обсуждение темы
6	Человек в системе религиозного права		Семинар (2)	Самостоятельная работа (4)	Эссе, научное обсуждение темы
7	Человек в системе современного гражданского права		Семинар (2)	Самостоятельная работа (4)	Эссе, научное обсуждение темы

8	Человек в системе современного международно-гуманитарного права		Семинар (2)	Самостоятельная работа (4)	Контрольная работа, опрос
9	Антропология права: современное состояние и новые направления развития научной дисциплины		Семинар (2)	Самостоятельная работа (4)	Историография вопроса – эссе на тему междисциплинарного статуса антропологии права
	Итого	8	20	36	

Содержание разделов дисциплины

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Содержание раздела
1	Тема 1. Антропологическая ориентация юриспруденции. Антропология права как наука и учебная дисциплина	<ol style="list-style-type: none"> 1. Антропология права и теоретическая юриспруденция. 2. Предмет, структура и функции антропологии права. 3. Место антропологии права в системе социальных и юридических наук. 4. Антропология права как учебная дисциплина. 5. Антропология права и сравнительное правоведение. 6. Антропология права и правовой плюрализм.
2	Тема 2. Антропологический дискурс в теории права. История формирования и развития правовой антропологии	<ol style="list-style-type: none"> 1. Периодизация развития антропологии права. 2. Основные школы и традиции исследования правовых сообществ. 3. Юридическая антропология в России: история и современное состояние. 4. Антропология права и историко-генетическая юриспруденция. 5. Антропология права в системе междисциплинарных связей. Антропология права и социальная антропология, политическая антропология, культурная антропология.
3	Тема 3. Основные концепции и методологические подходы научной дисциплины	<ol style="list-style-type: none"> 1. Методология исследования человека «юридического»: предмет и структура. 2. Смена научных парадигм в антропологии права. 3. Основные тенденции в развитии антропологии права. 4. Правопонимание и антропологический подход к праву.

4	<p>Тема 4. Основные правовые сообщества и формы юридической субъектности</p>	<p>1. Человек социальный (общинный, группы) и человек формальный (государственный, индивидуальный). Эволюционная парадигма: от коммунитарного права к индивидуальному праву, от коллективной субъектности к персональной субъектности. 2. Системы социально-нормативной идентификации. Институты и процедуры: от мифа и ритуала к закону и договору. 3. Цивилизационный подход: западная и восточная модели человека «юридического». Человек иерархический и человек гражданский. Системцентризм и персонцентризм. 4. Цивилизации вины, цивилизации долга и цивилизации стыда.</p>
5	<p>Тема 5. Социальная структура и культурно-исторические традиции как фактор и условие становления и развития человека юридического. Тема 6. Человек в системе традиционного права. Человек в системе религиозного права. Человек в системе этико-нормативных систем – конфуцианство, синтоизм, буддизм</p>	<p>Социальная структура и культурно-исторические традиции общества как фактор и условие становления и развития человека юридического: Homo juridicus традиционного общества; Homo juridicus индусского общества; Homo juridicus исламского общества; Homo juridicus китайского общества; Homo juridicus еврейского общества; Homo juridicus в системе обычного права.</p>
6	<p>Тема 7. Человек в системе позитивного права</p>	<p>1. Европейская правовая традиция – от сословного человека (человека группы) к гражданской личности (индивиду). 2. Европейская модель человека и гражданина: эволюция поколений прав человека. 3. Человек в отечественной традиции права.</p>
7	<p>Тема 8. Человек в системе современного гуманитарного и международного права</p>	<p>1. Международное гуманитарное право. 2. Международные стандарты прав человека. 3. Международные избирательные стандарты. 4. Международная система защиты прав человека: институты и процедуры.</p>
8	<p>Тема 9. Антропология права: современное состояние и перспективы развития научной дисциплины</p>	<p>1. Антропология права и цивилизационные вызовы. 2. Процессы глобализации-модернизации и антропология права: человек сетевых сообществ, одномерный человек и человек-функция. 3. Теоретические проблемы юридической антропологии. 4. Прикладная антропология права: юридическая техника в различных правовых традициях, культурах и системах.</p>

5. Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины и учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов

5.1. Примерные темы для написания эссе

1. Предмет антропологии права;
2. Место антропологии права в системе социальных и юридических наук;
3. Методологические подходы в развитии антропологии права;
4. Антропология права: основные школы и исследовательские подходы;
5. Юридическая антропология в Великобритании;
6. Юридическая антропология во Франции;
7. Юридическая антропология в Германии;
8. Юридическая антропология в России;
9. Человек в системе традиционного общества и права;
10. Человек в системе государственно-организованного общества и права;
11. Человек эпохи модерна и антропология права в эпоху глобализации.

5.2. Темы рефератов и курсовых работ

1. Антропология права в системе социальных и юридических наук;
2. Эволюционная парадигма и развитие антропологии права;
3. Функциональная парадигма и развитие антропологии права;
4. Структурно-функциональная парадигма в развитии антропологии права;
5. Современные подходы в исследовании правовых сообществ: структурализм и постструктурализм;
6. Человек в системе архаического права: правовые архетипы как стандарты социально-необходимого поведения;
7. Человек в системе традиционного права: правовая мифология и обычное право;
8. Человек в системе позитивного права: конфликт правовых норм и правовых ценностей;
9. Мир права человека кастового общества;
10. Мир права человека сословного общества;
11. Мир права человека религиозного общества;
12. Правовая традиция России: промежуточный человек — между анархией и государевой службой;
13. Гуманитарное право и международные правовые стандарты;
14. Европейский суд по правам человека;
15. Глобализация и права человека.

6. Учебно-информационное обеспечение учебной дисциплины

1. Антропологические традиции: Стили, стереотипы, парадигмы. М., 2012.
2. Аннерс Э. История европейского права. М., 1994.
3. Белик А.А. Культурная (социальная) антропология: Учебное пособие. М., 2009.
4. Бенуа Ален де. По ту сторону прав человека. М., 2015.
5. Бенуа-Ромер Ф., Клебес Х. Право Совета Европы. На пути к общеевропейскому правовому пространству. М., 2007.
6. Берман Г. Западная традиция права. Эпоха формирования. М., 1998.
7. Бикбов А. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М., 2014.
8. Бёрк Питер. Что такое культуральная история. М., 2015.
9. Блок Марк. Феодальное общество. М., 2003.
10. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008
11. Брольо Ф., Мирабели К., Онида Ф. Религии и юридические системы. М., 2007.
12. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М., 2006.
13. Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М., 2009.
14. Вудс Томас. Как католическая церковь создала западную цивилизацию. М., 2010.
15. Гаджиев А.Г. Онтология права. М., 2013.
16. Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избранные сочинения. СПб., 2004.
17. Зильберман Давид. К пониманию культурной традиции. М., 2015.
18. Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке: Очерки общей теории. М., 1990.
19. Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986.
20. Качанов Ю. Эпистемология социальной науки. СПб., 2007.
21. Клакхон К.К. Зеркало для человека: Введение в антропологию. СПб., 1998.
22. Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002.
23. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
24. Кребер Альфред Луис. Избранное: Природа культуры. М., 2004.
25. Лахман Ричард. Что такое историческая социология. М., 2016.
26. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2009.
27. Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М., 2013.
28. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2012.
29. Парсонс Талкотт. Система современных обществ. М., 1997.
30. Рулан Норбер. Юридическая антропология. М., 1999.

31. Социальная антропология права современного общества: Монография / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2006.
32. Социокультурная антропология права: Коллективная монография / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб., 2015.
33. Супатаев М.А. К проблематике цивилизационного подхода к праву: очерки общей теории и практики. М., 2012.
34. Харрисон Лоуренс. Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма. М., 2014.
35. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
36. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.
37. Эриксен Т.Х. Что такое антропология? М., 2015.
38. Веденеев Ю.А. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм. М., 2022.
39. Исаев И.А., Корнев А.В., Липень С.В. Концепты власти и права. М., 2022.

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ – ИНСТИТУТ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА КАК ЮРИДИЧЕСКОГО МЕТАФЕНОМЕНА

***Аннотация.** В статье исследуются особенности института публичной власти в контексте российского конституционализма как метафеномена, то есть «пограничного» явления, охватывающего как важнейшие правовые, так и некоторые неправовые явления. Особенность признака публичности рассмотрена сквозь призму таких характеристик современного конституционализма, как динамичность и тенденция к расширению конституционализации, а также с учетом влияния глобализации и цифровизации политико-правовых отношений. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что при разработке конституционных поправок 2020 года законодателем данные особенности были учтены, а сами поправки направлены в том числе на эффективную деятельность публичной власти в постоянно меняющийся информационной среде.*

***Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации, конституционализм, публичная власть, институт публичной власти, конституционализация, конституционное право, глобализация, правовая цифровизация.*

PUBLIC POWER IS AN INSTITUTE OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM AS A LEGAL METAPHENOMENON

***Abstract.** This article examines the features of the institution of public power in the context of Russian constitutionalism as a meta phenomenon, a «borderline» phenomenon covering both the most important legal and some not legal phenomena. The feature of the sign of publicity is considered through the prism of such characteristics of modern constitutionalism as its dynamism and the tendency to expand constitutionalizing, as well as considering the influence of globalization and digitalization of political and legal relations. As a result of the study, the author concluded that when developing the constitutional amendments of 2020, the legislator took these features into account, and the amendments themselves were aimed, among other things, at the effective activities of public power in a constantly changing information environment.*

***Keywords:** Constitution of the Russian Federation, constitutionalism, public power, institute of public power, constitutionalizing, constitutional law, globalization, legal digitalization.*

Закрепление института публичной власти в тексте действующей Конституции Российской Федерации характерно тем, что законодателем было решено использовать юридическую конструкцию, которая звучит как «единая система публичной власти». При обращении к Конституции Российской Федерации (далее — Конституция, Основной закон) мы можем видеть существенные черты основы данного понятия — самой публичной власти. Анализируя публичную власть в контексте актуальной редакции Конституции, нельзя не отметить тот факт, что многие исследования (в том числе весьма значимые работы авторитетных ученых) были представлены до 2020 года, то есть до внесения в текст Основного закона термина «публичная власть». Поэтому при исследовании публичной власти как конституционно-правового института представляется важным учесть и результаты исследования публичной власти отечественной конституционно-правовой наукой, и современную политико-правовую обстановку, в условиях которой вносились поправки и действует актуальная редакция Конституции.

Настоящая статья — это попытка показать всю многогранность института публичной власти в контексте российского конституционализма как метафеномена, метапонятия, то есть явления и понятия, которые выходят за изначально предполагаемые конституционно-правовые рамки. Понятие публичной власти, будучи конституционализированным в 2020 году, не стало просто формальной частью конституционного текста. Напротив, закрепленный конституционно, термин «публичная власть» оказался однозначно связан с иными элементами конституционализма. Российский конституционализм является понятием динамичным, то есть неоднородным по своему содержанию в зависимости от исторического периода и сопутствующих ему правового сознания и уровня развития юриспруденции. Одна из особенностей развития современного российского конституционализма заключается в том, что им охватываются явления не только исключительно правового характера, но и явления, которые изначально в качестве правовых не предполагались. Теперь публичная власть, став частью российского конституционализма, связана с указанными явлениями.

* * *

Институт публичной власти, как и любой другой институт конституционного права, существует не в вакууме, то есть не отстраненно, не отграничено от иных явлений отрасли конституционного права. Общим понятием, которое объединяет в себе и институт публичной власти, и иные конституционно-правовые институты, является *конституционализм*. В отечественной конституционной науке конституционализм является одним из самых популярных предметов исследований. Российскими учеными предложено большое количество определений данного явления, однако, на наш взгляд, одно из наиболее удачных замечаний по этому поводу было сделано судьей Конституционного Суда Российской Федерации в отставке

Н.С. Бондарем, который в одной из своих работ сравнил попытки дать определение конституционализма с тем, как Августин выражал свое отношение к описанию образа Бога: «Не могу дать ему определения, но я знаю, что такое безбожие» [1, с. 4–5].

Конституционализм, таким образом, действительно представляется явлением масштабным и объемным настолько, что было бы проще указать на те вещи, которые им не охватываются. Однако и эта задача не представляется такой простой, какой она может показаться на первый взгляд. Многие ученые отмечают, что конституционализм — это не только правовое, но и философское, культурное явление. По нашему мнению, с учетом его основополагающей связи с наличием конституции, это означает следующее: предметом регулирования Конституции как основного источника конституционализма могут являться не только те общественные отношения, которые изначально предполагались в качестве явно подлежащих правовому регулированию (например, закрепление и гарантирование прав и свобод человека и гражданина), но и отношения, так или иначе потенциально связанные с правом, но изначально им не регулируемые, имеющие иное самостоятельное, самобытное и отличное от правового значение, существующие в иных, не только правовых сферах общественных отношений.

Может показаться, что данная характеристика конституционализма (его всеобъемлемость) придает ему некоторую абстрактную черту. Действительно, мы можем четко перечислить те элементы, которые однозначно включаются в конституционализм (например, права и свободы, порядок осуществления государственного строительства, демократизм, законодательный процесс). И в то же время можем видеть некоторую «пограничность» конституционно-правового регулирования, когда в результате конституционно-законотворческой деятельности (которую в современной науке конституционного права иногда именуют «конституционным дизайном» или «проектным конституционализмом») Основным законом государства начинают регулироваться общественные отношения, которые могли и не восприниматься в качестве правовых. Именно распространение влияния Конституции (то есть процесс конституционализации) на новые общественные отношения делает это возможным.

Представляется, что наиболее верной отправной точкой для исследования современного конституционализма в данном подходе является обращение к нормам Конституции как к основе российского конституционализма. Например, одно из первых проявлений «пограничности» конституционализма мы видим в части 1 статьи 7 Конституции, где Российская Федерация представлена как социальное государство, политика которого направлена в том числе и на свободное развитие человека¹. Попытаемся понять, что

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-

с точки зрения закона может означать словосочетание «свободное развитие человека» и может ли закон досконально регламентировать данный процесс.

В Комментарий к Конституции Российской Федерации под редакцией Т.Я. Хабриевой сказано, что особенностью социального государства является его стремление к созданию максимально благоприятных условий жизни, реализации индивидуальных способностей, талантов, а также обеспечение высокого уровня социальной защищенности. Данные положения свидетельствуют о целях России как социального государства. Понятие «достойная жизнь» авторы Комментария связывают с наличием в государстве определенного минимального стандарта, при котором люди могли бы развиваться с учетом их потребностей в таких сферах, как культурная, творческая и научная, трудовая и иная экономическая [2, с. 34–35], подкрепляя свою позицию обращением к части 1 статьи 25 Всеобщей декларации прав человека. Прочитируем дословно ее русскоязычный вариант: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам»².

Мы видим, что Декларация использует более привычные, более близкие к юридической терминологии понятия. Перечислены понятия, применение которых привычно для российского права: жилище, медицинский уход, социальное обслуживание, здоровье, семья, безработица, старость, материнство, социальная защита и так далее. Однако это несколько не умаляет значение Конституции Российской Федерации и несколько не противоречит правильности высказанной в Комментарий позиции. А подтверждает лишь то, что конституционная категория «достойная жизнь» многогранна, и чтобы ее описать, раскрыть, дать ей толкование и уяснить ее смысл, необходимый не только для граждан, но и для правоприменителя, мы используем как специфическую юридическую терминологию, так и те слова и словосочетания, которые являются общеупотребительными в обыденной, бытовой речи, и обращаемся к примерам из обычной жизни. Например, ни в Конституции Российской Федерации, ни во Всеобщей декларации прав человека термин «талант» не используется. Тем не менее, говоря о достойном уровне жизни, мы действительно подразумеваем, что он должен обеспечивать возможность раскрывать таланты каждого человека, а способ, которым они будут проявлены, найдены и раскрыты,

портал правовой информации: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (дата обращения: 19.10.2022).

² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.10.2022).

законом не описываются. Закон устанавливает самое главное — условия для данного процесса в широком смысле их понимания.

В Комментарий есть подтверждение и той позиции, согласно которой конституционализм — понятие, состоящее не только из правовых, но и, например, духовных элементов. Авторы указывают, что обеспечение достойной жизни зависит не только от социальных, экономических параметров, оно связано также и с духовной сферой социума. Поэтому главная задача социального государства — это обеспечение справедливых, равных возможностей личности для ее развития [2, с. 35–36].

Таким образом, смысл содержания рассматриваемых понятий сводится к тому, что государством не устанавливается конкретный вектор развития личности. Человеку дается свобода в сфере духовного роста и личностного развития. Развитие может происходить в разных направлениях: духовном, научном, физическом, техническом, творческом, общесоциальном и других. Задача государства в данном случае заключается именно в обеспечении возможности такого развития, а не в детальном регулировании каждого варианта свободного развития человека, поскольку первый вариант правового регулирования предполагает определенную возможность законодательного усмотрения в текущем законодательстве, а второй вариант попросту невозможен. Право не может и не должно регулировать каждое проявление свободного развития человека. Сам смысл свободы как юридического понятия заключается в отсутствии закрытого перечня проявления свободы и закрепления ее смысла как понятия. Государством устанавливается общий критерий свободного развития, а его юридическая конкретизация в случае необходимости может происходить в текущем законодательстве либо практике органов публичной власти. И в этом нам видится проявление метафеноменальности российского конституционализма.

В.В. Шаханов, исследуя метафеноменальность в праве, отмечает, что у любых явлений существуют границы, в том числе и у права, а также внутри самого права. Ученый относит право к идеальным объектам и указывает, что для разграничения таких объектов наиболее логичным было бы использование термина «граница смыслов». Однако в праве границы строгих очертаний не имеют, а отграничение теории права от философии права может колебаться в пределах, охваченных правовыми метафеноменами теоретического и философского уровней. В.В. Шаханов к теоретическим метафеноменам относит принципы права, функции права, правовые аксиомы и правовые модели, общевидовые правовые теории, понятийные ряды правовых категорий, юридические конструкции, общетеоретические правовые категории, правовые методы. Теоретические метафеномены задействуются в развитии познания явлений теоретического уровня. К правовым метафеноменам философского уровня он относит правовые парадигмы, стили юридического мышления и правовую картину мира. Данными явлениями отражается феномен познания. «Многоуровневость права позволяет

говорить о его метафеноменальности, которая позволяет отображать внутренние механизмы изучаемых процессов, выходить за рамки объектной, т.е. познаваемой, теории» [3, с. 59–60, 64–65]. Представляется, что с этих позиций мы и конституционализм можем обозначить как метафеномен.

Устанавливая базовые правила регулирования, конституционализм «углубляется» тем самым в те слои общественных отношений, которые правом досконально не регулируются, и достигает их границ. Конституция устанавливает свободу творчества в части 1 статьи 44. Однако в ней не указано, каким должно быть наше творчество, при этом возможность творить определена термином «свобода», — термином, который отражает многовариативность поведения, невозможность установления строго закрытого перечня действий. Границы, устанавливаемые Конституцией в свободе творчества, продиктованы необходимостью. Так, частью 2 статьи 29 запрещена пропаганда или агитация (в том числе в форме научных и творческих произведений), которая была бы направлена на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды³.

Указанная нами «пограничность» некоторых институтов конституционализма не означает, что литературное творчество должно быть урегулировано конституционным правом, должна быть определена тематика и способ написания рассказа или стихотворения. Образно выражаясь, конституционализм «берет под крыло» саму свободу творчества, — будучи изначально явлением неправовым, гарантирование свободы творчества обеспечивает свободное и полноценное, достойное развитие личности, что в свою очередь регулируется в том числе и конституционным правом. Через свободу творчества проявляется сама личность, ее видение мира, возможность высказываться и быть услышанным, и именно эти возможности отстаиваются конституционализмом.

Отметим, что вопрос определения границ конституционно-правового регулирования является частью более общей методологической научной проблемы, а именно вопроса о пределах абстрагирования научных понятий. Конституционализм — сложное и многоаспектное понятие. В философии науки отмечается, что сложные и постоянно преобразующиеся (буквально — «подвижные») системы не являются статичными объектами, а обладают своей историей развития [4, с. 462]. Так и российский конституционализм, — начинавшийся в качестве попыток реорганизовать государственное устройство в Российской империи и представляющий собой в это время поданные российским государям предложения об учреждении тех или иных органов власти, к сегодняшнему дню представляет собой не только состоявшийся концепт, но и смысл, устремленный в будущее и постоянно расширяющийся в силу новых вызовов для законодательного регулирования.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

Таким образом, конституционализм — не абстрактное явление в буквальном смысле этого слова. Им охватываются конкретные конституционно-правовые явления, давно ставшие классической частью конституционного права и как отрасли права, и как научной дисциплины. Однако современный российский конституционализм характеризуется динамичностью, которая в совокупности с его всеобъемлемостью проявляется в потенциальной возможности регулирования тех общественных отношений, которые на данный момент в качестве правовых не рассматриваются. Тем же явлениям общественной жизни, которые ранее не были охвачены текстом Конституции, а в данный момент в него включены (то есть конституционализированы), придан определенный правовой смысл.

* * *

Обратимся теперь к институту публичной власти и конституционным поправкам 2020 года, в которых проявилась тенденция к расширению границ конституционализма. Представляется важным акцентировать внимание на том, что конституционное право предлагает такое понятие, как конституционализация, то есть распространение действия конституции на разные сферы жизнедеятельности. По замечанию профессора И.А. Кравца, конституционализация может происходить горизонтально, то есть распространяться на основании имеющихся норм конституции, и вертикально — с помощью внесения новых норм в конституцию [5, с. 138]. Конституционализация термина «публичная власть» изначально происходила по первому пути, описанному И.А. Кравцом: публичная власть исследовалась наукой конституционного права (уже тогда многие ученые-конституционалисты в ее состав включали как государственную власть, так и местное самоуправление) и, что немаловажно, данный термин применялся Конституционным Судом Российской Федерации в его судебной практике задолго до 2020 года. Однако в 2020 году конституционализация термина произошла с помощью второго способа, то есть с помощью включения понятия «публичная власть» в Основной закон.

Примечательным представляется то, что новое по своим политико-правовым качествам явление публичной власти вместе с уникальными по своей значимости категориями, имеющими не только правовое значение, присоединялось к уже существующей и состоявшейся системе конституционализма. Например, Конституция была дополнена статьей 67.1, в части 2 которой говорится о тысячелетней истории России, сохранении памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, признании Российской Федерацией исторически сложившегося государственного единства. Часть 3 указанной статьи закрепляет, что Россия чтит память защитников Отечества и обеспечивает защиту исторической правды; умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается. Часть 4 закрепляет, что важнейшим приоритетом государственной политики России

являются дети; государством создаются условия, способствующие их всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим⁴.

Несомненно, что патриотическое и духовное воспитание всегда было важно для России, и все же введение в конституционный текст таких терминов, как «память предков», «вера в Бога», «тысячелетняя история» и другие, вызвали особый интерес в научных кругах. Закрепленные в статье 67.1 Конституции термины и подразумеваемые ими ценности фактически стали конституционными, то есть получили официальное конституционное значение вследствие процесса конституционализации, хотя изначально тот же термин «тысячелетняя история» не являлся таковым, — он имел значение историческое, но не правовое. Термин «память предков» теперь также обладает конституционно-правовым значением, однако изначально его смысл мог раскрываться в значении духовного развития человека, его культуры и менталитета. Мы не будем углубляться в исследование значений данных терминов, отметим то, что важно в контексте нашего исследования: термины, изначально имеющие неюридическое значение (и воспринимаемые в ином, неправовом ключе), обрели конституционно-правовой смысл путем их включения в текст Основного закона.

Думается, что законодателем изначально предполагалась одновременная конституционализация термина «публичная власть» и конституционализация указанных выше терминов. Именно поэтому Закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ носит название «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»⁵. Название целиком сосредоточено на публичной власти, а все те сферы, которые затрагиваются Законом — семья, патриотизм, культура, — по смыслу вносимых поправок связаны с публичной властью, поскольку на нее возлагаются полномочия по их признанию, гарантированию, охране и защите.

* * *

В чем заключается особенность положения публичной власти в современном российском конституционализме? Особенности нашего времени отражаются не только на физических лицах, но и на различных институтах, в том числе и властных. В последние годы учеными-юристами много усилий прикладывается для исследования права в условиях глобализации и цифровизации с учетом интеграционных процессов, изменений в воззрении на саму природу человека и его возможностей. Расширяется сфера

⁴ Там же.

⁵ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 16 марта 2020 г. № 11. Ст. 1416.

конституционализации, — многие вопросы, которые ранее не были предметами конституционно-правовых исследований, ныне становятся таковыми (например, вопросы, связанные с биоэтикой или конституционной футурологией). Полагаем, что признак публичности неспроста был применен при конструировании термина «единая система публичной власти», и связываем его наличие с современной политико-правовой обстановкой, — как в России, так и в мире.

Одно из первых научно-политических упоминаний термина «публичная власть» можно найти у Ф. Энгельса. В своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» он определял публичную власть как отличительный признак государства по сравнению с родовой организацией. Сущность публичной власти и ее виды описывались Ф. Энгельсом с точки зрения теории классовой борьбы (например, им выделялась аристократическая публичная власть и, также в качестве самостоятельного вида публичной власти, жандармерия) [6, с. 170–171]. Однако, исследуя институт публичной власти в настоящее время, мы не можем не учитывать разницу его интерпретаций.

Первое издание «Происхождения семьи, частной собственности и государства» увидело свет в 1884 году, — задолго до Октябрьской революции 1917 года, принятия первой российской Конституции в 1918 году и тем более — задолго до принятия в 1993 году Конституции Российской Федерации и внесения в нее поправок в 2020 году. Сейчас в научных трудах, посвященных публичной власти, редко можно встретить ее интерпретацию сквозь призму теории классовой борьбы. Если попытаться выделить некоторые общие варианты понимания публичной власти в современном российском конституционном праве, то можно назвать несколько позиций: публичная власть — это понятие обобщающего характера, которым объединяется государственная и муниципальная (в некоторых исследованиях — также и общественная) власть; — это самостоятельный субъект правовых отношений, который создается обществом, но продолжает свое существование уже самостоятельно; — это признак государства; в некоторых научных работах термин «публичная власть» применяется в смысле «государственная власть».

Власть — явление общественного характера. Любая власть может существовать только в обществе. Высказываясь по данному вопросу, В.Е. Чиркин говорил, что слово «власть» может употребляться в разных значениях: власть каких-либо чувств, власть вожака в стае животных и так далее. Однако данные явления не тождественны тому, о чем мы говорим, употребляя слово «власть» в правовом или политическом смысле. В этом смысле власть присуща только сформированному человеческому коллективу, обществу, которое отличается постоянным характером [7, с. 4–5].

Однако общественная среда со временем меняется. Сегодняшнее общество не похоже на общество конца XIX века, не похоже оно и на общество

начала XX века. Меняются условия, в которых публичная власть осуществляет свои полномочия. На наш взгляд, публичность может быть раскрыта как видоизменяющийся, дополняющийся со временем признак власти, имеющий в своей основе тесную связь с обществом и заботу о нем. Публичная власть существовала и до внесения поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году. Но особенности взаимодействия с обществом могут меняться. Так, и современное общество, и современное публичное пространство характерны широким использованием цифровых технологий. Благодаря цифровизации происходит более сильная интеграция института публичной власти в разные общественные материи. Процессы цифровизации и информатизации не просто открывают возможность для членов общества передавать друг другу информацию через огромные расстояния, — цифровизация позволяет делать эту информацию публичной, то есть открытой, доступной для ознакомления как другим членам общества, так и публичной власти. Цифровизация способствует более открытому выражению мнения, свободе слова. И в то же время она предполагает быстрое публичное размещение информации и такую же быструю реакцию на нее, в том числе и со стороны публичной власти. В эпоху цифровизации власть может не просто расширять или сужать свое влияние территориально, но и углубляться в объект управления. Цифровая эпоха характерна не только тем, что общество с помощью информационных систем получает дополнительную возможность так или иначе реагировать на действия власти. Власть использует эти технологии точно также, — чтобы реагировать на действия общества. Вспомним, что и современный конституционализм характерен «углублением» в общественные отношения.

Между тем вследствие цифровизации сфера публичности обязывает власть особым образом реагировать не только на то, что происходит в обществе, но и на мировые процессы, так или иначе воздействующие (или те, которые потенциально могут оказывать воздействие) на состояние общества, о котором заботится публичная власть. Современный мир характерен тем, что публичные власти разных государств, почти в буквальном понимании находясь в непрекращающемся контакте (благодаря современным средствам связи и скорости этой связи), состоят в определенной конкуренции. Количество и качество информации, поступающей от публичной власти иных государств, может в буквальном смысле «зашкаливать». Адресатом же этой информации нередко является не только и не столько публичная власть определенных стран, сколько общество, в котором эта власть существует, а также население и граждане страны. Такое использование цифровых инструментов может и, к сожалению, во многих случаях осуществляется с негативным умыслом, — для разжигания розни в обществе, создания атмосферы недоверия официальной легитимной публичной власти и так далее.

* * *

В связи с цифровизацией вспоминается и иное явление — глобализация, а также связанный с ним вид конституционализма — глобальный конституционализм. Логично предположить, что о глобальном конституционализме начали говорить не только тогда, когда отрасль публичного международного права достигла своей зрелости, но и тогда, когда конституционализм многих стран начал переходить в новую стадию своего развития. Одним из факторов, благодаря которым глобализация стала возможна, является значительное усиление мобильности, — мобильности людей и организаций, государств и их объединений, мобильности информации — правовой, политической, экономической, культурной и иной. Усиление этой мобильности происходит в первую очередь вследствие ускорения информационного обмена, который в свою очередь зависит от цифровизации.

Современный мир — включая и правовой — характерен ускоряющимся режимом взаимодействия его субъектов, в том числе и правовых субъектов. Соответственно, у государств и их публично-правовых систем не просто расширилась возможность взаимодействия друг с другом реагировать на действия друг друга, — эта возможность стала одновременно и большей обязанностью и ответственностью по скорому реагированию и эффективному быстрому разрешению публично-правовых проблем в постоянно меняющемся мире.

Публичная власть — это понятие, которое не замкнуто только на одном обществе — том, которое ее создало; сфера публичности в современном мире расширяется все сильнее, ориентируясь в первую очередь на нужды и потребности своего общества, публичная власть не может не учитывать мировую обстановку и действия публичных властей других стран.

Защита своего общества в условиях цифровизации и глобализации — одна из важнейших задач публичной власти современной России. Информационная защита общества, как нам представляется, может осуществляться следующими способами. Первый способ характерен строгими императивными предписаниями и заключается в ограничении доступа самих граждан к цифровым ресурсам, на которых размещена заведомо ложная информация, подрывающая доверие граждан к их власти или наносящая иной вред им, обществу или государству. Второй способ связан с воспитанием граждан. Представляется, что в том числе и с этой целью в Конституцию были введены поправки о семье, вере в Бога и патриотизме в совокупности с поправками, устанавливающими новые правила для властных институтов. И именно с этой целью единое, общее название данного пакета поправок связано с публичной властью. Будучи связанной с конституционализированными категориями патриотизма, истории, подвига защитников Отечества, публичная власть может обращаться к данным категориям в контексте правового воспитания граждан.

В настоящее время российская публичная власть сочетает оба метода защиты общества в контексте цифровизации и глобализации общественных отношений. С одной стороны, органами власти был ограничен свободный доступ к таким ресурсам Интернета, как Instagram и Facebook. Деятельность указанных социальных сетей была признана Тверским судом Москвы экстремистской, поскольку жителям ряда стран было разрешено размещение информации, которая содержала призывы к насилию в отношении граждан России⁶. Однако, с другой стороны, мы видим активную деятельность публичной власти в сфере воспитания: происходит информационно-разъяснительная работа, связанная с последними событиями как в мире, так и в России; проводятся мероприятия, оказывающие воспитательное, неимперативное воздействие на общество.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время российский конституционализм является развивающейся сферой, которой конституционализируются неправовые явления, требующие особого внимания со стороны публичной власти вследствие их важности. Конституционализм представляется явлением публичным, обращенным к обществу и защищающим интересы каждого из его участников; публичная власть исходя из признака публичности — субъект, основным назначением которого является забота об обществе в постоянно меняющемся мире. Власть связана с обществом, с ним связан и конституционализм. Предлагая новые идеалы обществу, конституционализм нуждается в субъекте, который претворил бы их в жизнь и защитил. Таким субъектом является публичная власть, понятие которой было конституционализировано поправками 2020 года.

* * *

В заключение хотелось бы сказать о следующем. В последнее время часто можно услышать такую фразу, как «отмена русской культуры». Под ней подразумеваются действия, предпринимаемые в определенных странах и направленные на ограничение русской культуры: отмена выступлений артистов, отмена театральных постановок, кадровые перестановки в учреждениях культуры западных государств, в результате которых с руководящих должностей уходят российские граждане. В то же время русская культура бойкотируется не только здесь и сейчас, — в наличии различного рода стремления распространить этот бойкот и на прошлое: пытаются забыть роль нашего государства в мировой истории, не замечать выдающихся деятелей русской культуры, которые оказали значительное влияние на культуру других стран. Даже подвиг советского народа хотят буквально «отменить», — не просто забыть, что советским народом был внесен решающий вклад в разгром фашистской Германии, но и сделать вид, что этого

⁶ Суд запретил в России Instagram и Facebook за экстремистскую деятельность // Федеральное государственное унитарное предприятие «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)». URL: <https://tass.ru/obschestvo/14135585> (дата обращения: 19.10.2022).

не было. Именно так и выглядят события Второй мировой войны во многих западных интерпретациях, например, в кинематографе⁷.

30 сентября 2022 года состоялось подписание договоров о принятии Донецкой народной республики, Луганской народной республики, Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации. Перед подписанием соответствующих договоров Президент Российской Федерации В.В. Путин выступил с речью. Он указал на тысячелетнюю историю духовных связей воссоединяющихся с Россией республик и областей, которая передавалась из поколения в поколение, на то, что «нет ничего сильнее решимости миллионов людей, которые по своей культуре, вере, традициям, языку считают себя частью России, чьи предки на протяжении веков жили в едином государстве. Нет ничего сильнее решимости этих людей вернуться в свое подлинное, историческое Отечество».

Президент затронул вопросы, связанные с мировой политической обстановкой, о том, как в настоящее время наша страна воспринимается некоторыми государствами, отметив, что, несмотря на сложное положение России после распада Советского Союза, мы смогли выстоять и занять достойное место в международном сообществе; что Россия сумела возродиться и окрепнуть; Запад же продолжал и продолжает искать новые возможности для ударов по нам. «Коллективный запад» в качестве угрозы воспринимает именно саму нашу мысль, саму нашу философию. Наши культура и искусство опасны для них. Именно поэтому западные страны пытаются их запретить. Происходящее Президент назвал «политическим национализмом и расизмом»⁸.

К сожалению, такова современная политико-правовая обстановка в мире. Гражданин России, находясь в быстроменяющейся информационной среде, становится объектом воздействия публичной власти других государств. В этих условиях задачей единой системы публичной власти видится защита граждан Российской Федерации: защита, которая осуществлялась бы не только императивными, но и духовно-культурными методами, чему и способствуют принятые в 2020 году поправки в Конституцию Российской Федерации.

Список литературы

1. Бондарь Н.С. Конституционализм как всеобъемлющая универсальная категория: судебный, экономический, правоохранный, экологический // Спутник высшей школы. 2022. № 2(7).

⁷ Владимир Путин: Пресловутая «культура отмены» превратилась в «отмену культуры» // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2022/03/28/vladimir-putin-preslovutaia-kultura-otmenu-prevratilas-v-otmenu-kultury.html> (дата обращения: 19.10.2022).

⁸ Полный текст обращения Владимира Путина 30 сентября 2022: Стенограмма выступления // Комсомольская правда: сетевое издание. URL: <https://www.kp.ru/daily/27452.5/4655517/> (дата обращения: 19.10.2022).

2. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / Т.Я. Хабриева, Л.В. Андрющенко, С.Б. Нанба, А.Е. Помазанский; под ред. Т.Я. Хабриевой; обращение к читателям В.В. Путина // М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2023.
3. Шаханов В.В. Метафеномены в праве: структура, элементный состав, методологические аспекты, оптимизация взаимодействия теоретического и метатеоретического уровней // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 1.
4. Дмитриева М.С., Алексеев С.А., Филатова А.Н. О пределе абстрагирования в метанауке // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Философия. Социология* // 2008. Т. 21(60). № 1.
5. Кравец И.А. Конституционное право и телеология: предмет и метод метаотрасли, сферы конституционализации и межотраслевой гармонизации // *Актуальные проблемы российского права*. 2018. № 11(96).
6. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 30 т. Т. 21: май 1883 — декабрь 1889 // М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.
7. Чиркин В.Е. Публичная власть в современном обществе // *Журнал российского права*. 2009. № 7(151).

ПРЕЗИДЕНТ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД: РОССИЙСКИЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ КРИЗИС 1993 ГОДА В ОПТИКЕ ВЕЙМАРСКИХ ДЕБАТОВ

***Аннотация.** Государственно-правовая история разворачивается в двух взаимосвязанных измерениях: как история государственно-правовых институтов и как история государственно-правовых идей. Последняя не просто является хронологически выстроенной совокупностью представлений об идеальном (должном) политическом устройстве, но и выступает хранилищем идейно-концептуальных и теоретико-методологических подходов к осмыслению политико-правовых явлений. В предлагаемой статье рассматривается один из эпизодов недавней конституционной истории России — конституционного кризиса 1993 года — через призму теоретико-прикладной полемики немецких государствоведов Карла Шмитта и Ганса Кельзена начала 1930-х годов. Возможность методологического приложения выводов немецких мыслителей к российским реалиям обусловлена схожестью социально-политического контекста существования поздней Веймарской республики, послужившего причиной дискуссии, и раннего этапа становления Российской Федерации. Вместе с тем предпринятая в работе попытка обнажает скрываемые за фасадом конкретно-исторической ситуации актуальные для любого демократического конституционного государства фундаментальные политико-правовые проблемы.*

***Ключевые слова:** конституционный кризис, гарант конституции, теоретико-методологические основания, президент, конституционный суд, веймарские дебаты.*

THE PRESIDENT AND THE CONSTITUTIONAL COURT: THE CONSTITUTIONAL CRISIS OF 1993 IN THE OPTICS OF THE WEIMAR DEBATES

***Abstract.** The state-legal history proceeds in two interrelated dimensions: as a history of state-legal institutions and as a history of state-legal ideas. The latter is not just a chronologically constructed set of ideas about an ideal (proper) political system, but also acts as a repository of theoretical and methodological approaches to understanding political and legal phenomena. The article examines one of the episodes of the recent constitutional history of Russia — the constitutional crisis of 1993 — through the prism of the theoretical and applied polemics of German statesmen Karl Schmitt and Hans Kelsen in the early 1930s. The possibility of methodological application of the conclusions of German thinkers to Russian realities is due*

to the similarity of the socio-political context of the existence of the late Weimar Republic, which caused the discussion, and the early stage of the formation of the Russian Federation. At the same time, the attempt exposes fundamental political and legal problems that are relevant for any democratic constitutional state, hidden behind the facade of a concrete historical situation.

Keywords: *constitutional crisis, guarantor of the constitution, theoretical and methodological foundations, president, constitutional court, weimar debate.*

Историю государства и права можно аналитически представить как двуединство истории государственно-правовых институтов (социальная история) и истории государственно-правовой мысли (интеллектуальная история). Между этими сферами существует весьма прочная связь. Государственно-правовая мысль возникает как попытка рефлексии по поводу существующего политико-правового устройства (отражение реальности в понятийно-категориальной форме), тогда как последнее учреждается и трансформируется под влиянием требований, рождающихся в ходе рассуждений о власти, политике и праве (сущее подтягивается под должное). Одно из измерений этой связи состоит в том, что история государственно-правовой мысли предоставляет неисчерпаемое собрание способов и приемов мышления о государственно-правовых феноменах, а их социальное воплощение в конкретно-исторических условиях дает множество объектов, к которым были приложены познавательные схемы.

При этом исторические примеры институтов и применяемые к ним теоретико-методологические схемы не всегда синхронизированы друг с другом. Зачастую случается так, что древнегреческое философско-политическое наследие с осуждением анализируется, исходя из опыта существования тоталитарных государств XX века, или же к средневековому политическому устройству предъявляются требования современных либеральных демократий. Подобное анахроничное обращение с политико-правовой практикой и мышлением о ней встречает в литературе серьезную критику [1]. Поэтому при попытке проведения диахронного анализа надлежит находиться в пространстве одной эпохи государственно-правовой истории и установить соответствие между социально-историческим контекстом и прилагаемыми к нему интеллектуальными моделями.

С учетом сказанного представляется возможным рассмотреть противостояние Президента и Конституционного суда Российской Федерации, происшедшее осенью 1993 года в рамках длящегося конституционного кризиса 1992–1993 годов, через призму дебатов Карла Шмитта и Ганса Кельзена о гаранте конституции, состоявшихся в 1931–1932 годах в условиях продолжительного социально-политического кризиса Веймарской республики. Думается, что рассматриваемое событие не только соответствует выбранной исследовательской оптике в качестве объекта, но и обладает высокой степенью исторической однородности с тем контекстом, внутри которого эта оптика возникла.

В обеих ситуациях речь идет о кризисе конституционного демократического государства (погибающего в Германии в начале 30-х годов [2, с. 150–165] и рождающегося в России в начале 90-х годов прошлого века). В то же время, имея конкретно-историческое содержание, первоначально связанное с попыткой К. Шмитта путем формулирования политико-правовой доктрины повлиять на социально-политические процессы [3], дискуссия приобрела теоретико-методологическое значение, выходящее за рамки исторического момента.

Поэтому солидаризируясь в данном контексте с высказыванием М.А. Краснова о том, что нет необходимости воспроизводить саму дискуссию [4], обратимся к ней как к методологической рамке для оценки противостояния Президента и Конституционного Суда в контексте конституционного кризиса 1993 года. Следовательно, можно сформулировать три основных задачи: во-первых, проанализировать указанный кризис, выявив его неочевидные стороны и составляющие; во-вторых, продемонстрировать теоретико-методологическое значение дискуссии немецких мыслителей; в-третьих, выйти через рассматриваемый кейс на фундаментальные политико-правовые проблемы современных конституционных государств.

Социально-политический контекст событий осени 1993 года

Началом конституционного кризиса следует считать декабрьские события 1992 года, последовавшие после открытия VII Съезда народных депутатов РСФСР. В тот момент были обозначены ключевые участники и конфигурации кризиса. Основное противостояние шло между органами представительной власти в лице Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР и органами исполнительной власти, представленной Президентом и Правительством РСФСР. При этом, несмотря на положение Декларации от 12 июня 1990 года «О государственном суверенитете РСФСР»¹, закреплявшей в пункте 13 принцип разделения властей, статья 3 (с 11 декабря 1992 г.) и статья 104 действовавшей на тот момент Конституции РСФСР фактически провозглашают верховенство представительного органа². Уже это обстоятельство при наличии различных взглядов на будущее развитие России становится прологом к ожесточенной конфронтации Президента и парламента: каждый из них мешает друг другу проводить желаемую политику.

Конституционный Суд, не примыкая ни к одной из сторон, с самого начала конфликта стремится выполнять миротворческую функцию, что удается ему 12 декабря 1992 года [5, с. 86]. Здесь следует отметить, что после своего учреждения 12 июля 1991 года Конституционный Суд весьма

¹ Декларация РСФСР от 12 июня 1990 года № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // КонсультантПлюс.

² Конституция Российской Федерации – России 1978 года (в редакции от 10 декабря 1992 года) // КонсультантПлюс.

активно включился в надзорную деятельность и не раз признавал акты иных органов государственной власти неконституционными³. В частности, самым первым решением Конституционного Суда от 14 января 1992 года был признан неконституционным Указ Президента РСФСР от 19 декабря 1991 года «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР».

По мере усиления противоречий и радикализации политических акторов в течение 1993 года Конституционный Суд все сильнее втягивается в конфликт и занимает в нем определенную сторону, которая более близка позиции Съезда: «Проблематичным было, например то, что в феврале 1993 года он (Председатель Суда — А.У.) выступил в поддержку моратория на проведение референдума, который был желателен для Ельцина, но внушал страх Верховному Совету и впоследствии был отклонен им, а равным образом то, что Зорькин без поддержки Конституционного Суда дал оценку оглашенному Президентом в телевизионном обращении от 20 марта 1993 года указу, на основе которого Ельцин хотел ввести «особый порядок управления» [6].

Промежуточным результатом политической конфронтации становится роспуск Президентом в сентябре 1993 года законодательных органов и приостановление в октябре 1993 года деятельности Конституционного Суда. В более широком понимании итогом «конституционного переворота» становится принятие действующей Конституции Российской Федерации.

Во всей этой канве историко-политического процесса нас непосредственно интересует эпизод, длящийся с 21 сентября по 7 октября 1993 года и выражающий собой высшую точку противостояния Президента и Конституционного Суда, когда каждый из них фактически заявлял (не проговаривая это прямо) о своей претензии на статус хранителя конституции и конституционного строя⁴.

Говоря более предметно, следует начать с того, что 21 сентября 1993 года Президент издал известный Указ под номером 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». В первую очередь данным Указом прекращалась деятельность законодательных органов государственной власти, устанавливался приоритет Указа по отношению к остальному

³ См. целый ряд решений Конституционного Суда: Постановление от 2 апреля 1993 года, Постановление от 17 июля 1992 года, Постановление от 30 ноября 1992 года, Постановление от 3 июня 1993 года, Постановление от 26 февраля 1993 года, Постановление от 14 января 1992 года, Постановление от 12 февраля 1993 года.

⁴ Ключевое значение для анализа той ситуации имеют следующие правовые акты: Конституция Российской Федерации — России 1978 года (в редакции от 10 декабря 1992 года); Закон РСФСР от 12 июля 1991 года № 1599-1 «О Конституционном Суде РСФСР» (в редакции от 25 февраля 1993 года); Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 года № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации»; Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 сентября 1993 года № 3-2 «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, связанных с его Указом «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года № 1400 и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года»; Указ Президента Российской Федерации от 7 октября 1993 года № 1612 «О Конституционном Суде Российской Федерации».

законодательству (включая конституции), а также гарантировались установленные Конституцией права и свободы граждан Российской Федерации⁵.

Реагируя на это, 21 сентября 1993 года Конституционный Суд вынес Заключение о соответствии Конституции действий и решений Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, связанных с Указом «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» и его Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года. Рассмотрев в судебном заседании действия и решения Президента, Суд приходит к двум ключевым выводам:

– *во-первых*, с точки зрения Суда Указ и Обращение Президента не соответствуют целому ряду положений действующей Конституции, что делает их неконституционными;

– *во-вторых*, неконституционность действий и решений Президента влечет отрешение последнего от должности, либо немедленное прекращение им полномочий.

Интерес представляет не столько Заключение органа конституционного контроля, сколько особые мнения судей к этому заключению, заявленные судьями Т.Г. Морщаковой, Э.М. Аметистовым, А.Л. Кононовым и Н.В. Витруком. На наш взгляд, именно эти особые мнения обнажают весьма значимые проблемы, которые и могут быть проанализированы через призму веймарских дебатов немецких мыслителей. Итак, аргументы, содержащиеся в особых мнениях судей и изложенные в обоснование несогласия с Заключением, условно можно разделить на две группы: «формальные» и «содержательные».

Под «формальными» аргументами понимается совокупность аргументов, высказанных в пользу отсутствия материально- и формально-правовых оснований для рассмотрения дела. «Содержательными» аргументами выступают доводы, высказанные против признания Указа Президента неконституционным, то есть такие, которые были бы в случае, если бы конституционность Указа стала предметом отдельного рассмотрения, начатого и проведенного с соблюдением требований, установленных к осуществлению конституционного правосудия. Особые мнения Т.Г. Морщаковой, Э.М. Аметистова и А.Л. Кононова содержат аргументы двух видов, а отзыв Н.В. Витрука полностью построен вокруг аргументов первого вида.

Представляется возможным рассмотреть по отдельности «формальные» и «содержательные» аргументы, выходя при этом на фундаментальные проблемы политико-правовой реальности, возникающие со всей очевидностью в условиях государственно-правового кризиса.

Правовая форма в контексте проблемы гаранта Конституции

Во всех четырех особых мнениях указано, что вместо дачи заключения о соответствии действий и решений Президента фактически Суд рассмотрел

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации».

Указ на конституционность, чего он не мог делать по собственной инициативе, поскольку это напрямую запрещено пунктом 3 статьи 74 Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», так как Указ является нормативным правовым актом⁶. Судом не была соблюдена процедура рассмотрения подобных дел, предусматривающая среди прочего участие в судебном заседании заинтересованных лиц⁷; Суд сделал вывод о возможности применения к Президенту положений Конституции об импичменте без обязательной постановки этого вопроса Съездом народных депутатов⁸ и прочее. В целом в особых мнениях перечисляется около восьми нарушений законодательства, допущенных Судом при вынесении решения.

Зафиксируем, что не только Президент (с точки зрения Суда), но и сам Суд (с точки зрения отдельных судей и Президента, как в дальнейшем будет видно из Указа о Конституционном Суде) не имели полномочий для совершения предпринятых ими действий. Иными словами, требования правовой формы, предъявляемые к порядку совершения органами государственной власти юридически значимых действий, был нарушен как Президентом, так и Судом, что делает их признание недействительным. Однако ключевой вопрос, составляющий суть проблемы гарантирования Конституции, состоит в том, *кто* способен признать их таковыми и будет ли это решение исполнено? Оставим этот вопрос пока без ответа и двинемся дальше.

Следует остановиться на другом весьма важном аргументе, встречающемся в явном виде у Т.Г. Морщаковой и Э.М. Аметистова и лишь косвенно в форме изложения обстоятельств, помешавших всестороннему и объективному рассмотрению дела, присутствующем у Н.В. Витрука. Речь идет об указании на политический характер вопроса, рассмотренного Судом 21 сентября 1993 года, и политическую ангажированность ряда судей (включая Председателя Суда).

Так, Т.Г. Морщакова отмечает, что, ставя вопрос об отрешении Президента от должности, Суд «выражает активную политическую позицию»⁹. На то же указывает и Э.М. Аметистов, заявляя, что Суд нарушил положения Закона о Конституционном Суде, запрещающие ему рассматривать политические вопросы¹⁰. Вместе с тем Аметистов не оставляет без внимания то обстоятельство, что Председатель Суда совместно с другим судьей еще до вынесения Заключения высказали негативную оценку относительно содержания Указа Президента и Обращения к гражданам, что, по его мнению, прямо свидетельствует о заинтересованности некоторых членов Суда в определенном решении и требует их самоотвода¹¹.

⁶ Заключение Конституционного Суда РФ от 21 сентября 1993 г. № 3-2. С. 3, 8, 14, 20.

⁷ Там же. С. 5, 10, 14.

⁸ Там же. С. 4, 9, 21–22.

⁹ Заключение Конституционного Суда РФ от 21 сентября 1993 г. № 3-2. С. 4–5.

¹⁰ Там же. С. 8.

¹¹ Там же. С. 9.

В октябрьском Указе о Суде будет воспроизведено это обвинение (в том числе с опорой на мнение судей, не поддержавших Заключение Конституционного Суда) и отмечено, что Суд «принял одностороннее политическое решение», а «Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, проводя активную политическую деятельность, участвовал в политических акциях, все более вовлекая в них Конституционный Суд Российской Федерации»¹².

Действительно, Закон о Конституционном Суде в целом ряде статей отказывает Суду в возможности рассмотрения политических вопросов, а судьям — в вынесении решений на основе политических взглядов (ч. 3 ст. 1, ч. 3, 4 ст. 6, ч. 3 ст. 14). Более того, Закон содержит прямое указание на то, что Конституционный Суд должен отклонить запрос о даче заключения, если он касается политического вопроса (п. 3 ч. 1 ст. 77).

Хотя внешне эти аргументы и говорят об одном и том же, все-таки они обращают внимание на два разных аспекта. Во-первых, поднимается проблема юстициальности политических вопросов. Из Закона о Конституционном Суде совершенно неясно, какой вопрос является политическим. Какое-либо пояснение самого Суда о том, какой вопрос можно считать политическим, на тот момент отсутствовало¹³. И, во-вторых, речь идет о независимости судебной власти, имеющей среди прочего основание в институциональной оформленности судебной власти. Считается, что подобная независимость судебной власти и может являться предпосылкой для судебного гарантирования конституции.

Именно эти два момента и могут быть проанализированы с опорой на доктринальные труды К. Шмитта и Г. Кельзена, которые на возможность юстициальности политических вопросов смотрят противоположным образом. Первый относится к рассмотрению политических вопросов судом весьма негативно, опасаясь «политизации юридического» [7, с. 54–72], что с его точки зрения, противоречит природе юстиции. Второй не является противником судебного рассмотрения политических вопросов, более того, он полагает само противопоставление юстиции и политического ложным [8, с. 368], намекая скорее на «юридизацию политического», соответствующую «специфическому для правового государства принципу максимального усиления правового характера функций государства» [7, с. 359].

Позиция К. Шмитта близка к логике рассматриваемого выше Закона о Конституционном Суде Российской Федерации, однако гораздо более радикальна. Политическое и юридическое в судебном аспекте должно

¹² Указ Президента Российской Федерации от 7 октября 1993 г. № 1612 «О Конституционном Суде Российской Федерации».

¹³ Лишь осенью 1995 года в связи с отказом в принятии к рассмотрению запроса о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» Конституционный суд впервые попытался объяснить, какие вопросы являются политическими. См. подробнее: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 1995 г. № 77-О.

быть строго разделено. Смысл юстиции состоит в ее отстраненности от политических споров и разрешении дел в строгом соответствии с законом. Вторжение политического в сферу юстиции означает гибель последней. В некотором смысле Шмитт отстаивает постулат о независимости судебной власти, которая предполагает ограничение юстиции определенными рамками за пределами политики. В этом плане любой конституционный суд в силу возможности отменять нормативные правовые акты парламента и правительства, несмотря на любые заверения закона о его политической нейтральности, будет политическим органом, принимающим политические решения, что противоречит самой сущности юстиции. В целом это выступает аргументом против конституционного правосудия как такового [6, с. 72–86].

Г. Кельзен кардинально не согласен с данной интерпретацией. Ссылаясь на международно-правовые споры, он пишет, что «любой правовой спор — политический спор, и каждый конфликт, который называется конфликтом интересов, властным или политическим конфликтом, *может разрешаться как правовой спор*, если он направлен именно на вопрос: обосновано ли *международным правом* притязание, выдвигаемое одним государством в отношении другого государства, отказывающегося его выполнять — и в этом заключается любой конфликт» [8, с. 369]¹⁴. Иными словами, перенося сказанное на уровень государственного правопорядка, Кельзен не видит проблемы в рассмотрении политизированных вопросов конституционным судом, поскольку любой вопрос урегулирован нормами права (отсутствие нормы относительно некоторой ситуации означает правомерность этой ситуации).

Исходя в том числе из изложенных постулатов, нам следует выяснить: обоснованы ли действия и решения Президента Российской Федерации, связанные с изданием Указа и Обращением, действующим правом? Если ответ положителен, то действия и решения являются конституционными, если же он отрицателен, то они выступают неконституционными. И в том, и в другом случае решение суда было бы вынесено вне зависимости от его содержания. Поэтому учитывая, что Закон о Конституционном Суде прямо не разъясняет, что может считаться политическим вопросом, а Суд на тот момент не формулировал никаких правовых позиций по этому поводу, то отнесение какого-либо вопроса к политическим становится удобным риторическим средством для ограничения конституционного правосудия.

Второй момент касается политической ангажированности судьи. Кельзен говорит о институциональной оформленности конституционного суда, создающей условия для вынесения независимого решения. Речь идет о его независимости от парламента и правительства, что позволяет суду

¹⁴ Схожая идея о юридизации различных сфер человеческой жизни прослеживается и в иных трудах Г. Кельзена. Например, его рассуждения о противоречиях права и морали содержательно весьма схожи с рассуждениями о соотношении права и политики. См. Харт Герберт Лайонел Адольф. Посещение Кельзена // Ежегодник теории права. 2021. № 4. С. 570–591.

выступать третьей стороной, напрямую не заинтересованной в исходе дела: «и поскольку в важнейших случаях нарушений конституции *конфликтующими сторонами* являются парламент и правительство, целесообразно для разрешения спора призвать третью инстанцию, которая находится *вне этого противостояния* и сама *никоим образом не участвует в осуществлении власти*» [8, с. 392–393].

Соответственно, данная логика прямо противоположна взгляду К. Шмитта на независимость судебной власти, которая требует предметных ограничений. Кельзен же настаивает на том, что принцип независимости судебной власти требует его расширения и переноса на новые сферы, одной из которых является область осуществления высшей государственной власти и выстраивание взаимоотношений между законодательными и исполнительными органами. Несложно убедиться, что именно эта позиция победила в ходе развития конституционализма в XX веке. Однако в суждении Шмитта есть рациональное зерно, — ведь, действительно, если орган конституционного правосудия учреждается, то в некоторых ситуациях он не может не втягиваться в сугубо политические процессы, что может как подтверждать, так и разрушать его независимость. Рассматриваемая ситуация российского конституционного кризиса 1993 года иллюстрирует этот тезис.

Возвращаясь к ней, попробуем ответить на поставленный выше вопрос о субъекте принятия решений. По большому счету, в случае, если судебный орган при наличии законодательного запрета на рассмотрение политических вопросов все-таки рассматривает их, то он выходит за границы своей компетенции, нарушая процессуально-правовую форму судебного разбирательства. Это нарушение формально не отличается от проверки на конституционность нормативного правового акта без соблюдения требований к процедуре его рассмотрения.

Вновь зафиксируем, что как Президент, так и Конституционный Суд Российской Федерации, принимая в сентябре 1993 года свои решения, выходят с точки зрения друг друга за рамки собственных полномочий. Иными словами, в подобные моменты право черпает свое основание не столько в нормативном (позитивно-правовом) порядке, сколько в решении, неотъемлемой составляющей которого является наличие в его содержании элемента, напрямую не выводимого из законодательства. Каждый из органов, втянутых в противостояние, в силу занимаемого им положения предпринимает попытку вернуть конституционную ситуацию в нормальное русло. Вместе с тем нормативно-правовой порядок не отвергается полностью, поскольку органы, принимающие чрезвычайные решения, ссылаются на него и обосновывают свои действия *по-своему понимаемыми* положениями законодательства.

Важно подчеркнуть, что указание на субъект, принимающий в этот момент какое-либо решение, является ключевой, поскольку не существует объективной позиции, которая в наиболее чистом виде и независимо от всего выражала бы напрямую положения действующего права. Лишь в деятельности

органа, уже занимающего некое место в системе органов государственной власти, право находит свою реализацию. Поэтому ключевой дискурсивной стратегией, выходящей в ходе кризисных моментов на передний план, становится апелляция к «началу и смыслу» конституции, которую необходимо рассмотреть в контексте «содержательных» аргументов.

Борьба за «начала и смысл» конституции как ключевой аспект конституционного кризиса

Мотивируя свои экстраординарные меры, вводимые Указом от 21 сентября 1993 года, Президент опирается на два юридически значимых источника: Конституцию и итоги референдума 25 апреля 1993 года, согласно которым большинство проголосовавших выразило поддержку действиям Б.Н. Ельцина. Разрыв с формальной законностью (правовой формой) объясняется тем, что «безопасность России и ее народов — более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной властью»¹⁵.

Как Конституционный Суд, так и Президент Российской Федерации ссылаются в своих решениях на положения статей 1 и 2 Конституции. Однако предположим, что ими условно не только дано разное толкование этих статей, но и сделан разный акцент на том или ином месте соответствующей статьи. В случае с первой статьей Суд указывает на нарушение Указом положений ее второй части, где сказано о народовластии, федерализме, республиканской форме правления и разделении властей. Президент так же апеллирует к народовластию, разделению властей и федерализму, настаивая на том обстоятельстве, что именно его действия позволяют защитить эти завоевания, составляющие сущность конституционного строя. Следовательно, мы сталкиваемся с разной интерпретацией.

Отличающиеся акценты, вероятно, ставятся при обращении к статье 2, гласящей о принадлежности власти народу и ее осуществлении через съезды народных депутатов или же непосредственно. Конституционный Суд акцентирует внимание на съездах народных депутатов, полномочиях по «разгону» которых нет у Президента. А для Президента важно последнее слово статьи, допускающее непосредственное осуществление власти народом. Учитывая частые ссылки по тексту Указа на итоги референдума, можно прийти к выводу, что именно в этом Президент видел непосредственное решение народа, которое он сам и взялся реализовать, полагая свое восприятие текста Конституции не формальным, а сущностным.

Поддерживая Президента, схожую позицию выражает автор особого мнения судья А.Л. Кононов: «Уклонившись от рассмотрения правовых аргументов, изложенных в Обращении и Указе Президента Российской

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации».

Федерации, и ограничившись сугубо формальными ссылками на противоречивые в целом ряде случаев и вызывающие сомнения в их правовом характере положения Конституции, Конституционный Суд лишился возможности разрешить настоящий вопрос не догматическим толкованием, а исходя из *общих начал и смысла* Конституции, из общих принципов права, что предусмотрено и Законом о Конституционном Суде (например, п. 6 части 1 статьи 62) (курсив мой — А.У.)¹⁶. Он же далее дополняет, что «Указ Президента не только не затрагивает основ конституционного строя, но и однозначно утверждает о сохранении и защите таких конституционных принципов, как народовластие, народное представительство, разделение властей, федерализм и права субъектов Федерации, парламентаризм и охрана права и свобод человека и гражданина»¹⁷. Этот аргумент воспроизводит и Т.Г. Морщакова¹⁸.

Заметим, что такое же обоснование может быть вполне справедливо адресовано в пользу возможности Судом рассмотреть подобное дело, отойдя от догматического толкования процессуальных аспектов. Иными словами, судья призывает в столь сложный момент проигнорировать правовую форму и отдать предпочтение содержанию и принципам права. Однако, как вполне убедительно показывают особые мнения судей, Суд и так обратился к началам и смыслу Конституции, отступив от требований формы и приняв экстренное решение в нарушение процессуальных требований. Поэтому дело обстоит так, что версия понимания «общих начал и смысла Конституции», предложенная Президентом (и защищаемая Кононовым), оказалась доминирующей и была утверждена в том числе активными действиями последнего.

Относительно того, кто выступает в данный момент «врагом Конституции», другой автор особого мнения Э.М. Аметистов указывает, что «действующая Конституция не дает президенту прав и полномочий, достаточных для выполнения этих его обязанностей (защита суверенитета, охрана прав и свобод человека и гражданина — А.У.) в тех случаях, когда *угроза* суверенитету, единству и целостности государства, правам и свободам человека *исходит от органов законодательной власти* (курсив мой — А.У.)»¹⁹. С точки зрения классической доктрины конституционного правосудия именно тут и должен раскрыться весь потенциал Конституционного Суда — единственного органа, способного в соответствии с правом примирить враждующие стороны.

Таким образом, мы видим, что сложность выстраивается вокруг понимания природы и смысла положений Конституции. Возвращаясь к дискуссии

¹⁶ Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 3-2. С. 15.

¹⁷ Там же. С. 17.

¹⁸ Там же. С. 5–6.

¹⁹ Там же. С. 12.

немецких мыслителей, отметим, что в ней этот аспект так же весьма сильно проблематизирован. Для Г. Кельзена конституция в строгом смысле слова выступает нормой, устанавливающей содержание и порядок принятия нижестоящих норм [9]. Соответственно, нижестоящие нормы, имеющие юридическую силу лишь в случае их соответствия положениям конституции, не могут им противоречить, иначе они лишаются своей действительности (юридической значимости). В этом плане формальное несоответствие положений актов правительства и (или) парламента, принятых с нарушением конституции, влечет их юридическую ничтожность.

Нарушает ли Указ Президента текст Конституции? Вероятно, что да, поскольку он заявляет о мерах, напрямую не предусмотренных текстом Конституции. Следовательно, такой Указ не имеет юридической силы, поскольку нормы, содержащиеся в нем, не основываются на положениях Основного закона. Данная логика весьма понятна и доступна. Однако выше мы разобрались, что и Суд принял Заключение в нарушении ряда норм. К тому же, мы убедились, что имеет место не просто следование формальному значению текста Конституции, но стремление добраться до того, что было обозначено как конституционные «начала и смыслы».

К. Шмитт предлагает расширить понимание конституции, выйдя за рамки узкой текстологической интерпретации. С его точки зрения конституция может пониматься как политическое решение народа о государственном устройстве [7, с. 102]. Согласно этой логике в основании современного политического устройства лежит мифологическое представление о суверенитете народа, пришедшее на место «монархического принципа» (суверенитет принадлежит монарху). Следовательно, апелляция к народу становится необходимым элементом раскрытия «начал и смыслов» конституции. Народ выступает той верховной инстанцией, воля которой может оправдать любые политические действия и решения. Поэтому и довольно примечательно, что в самом конце Указа Президента Российской Федерации содержится прямое воззвание к народу России: «Прошу граждан России поддержать своего Президента в это переломное для судьбы страны время»²⁰.

Пределы судебного гарантирования конституции в условиях институционального доминирования исполнительной власти

Тут мы подходим к наиболее важной составляющей рассматриваемой проблемы. Для этого обратимся к самому началу (второй абзац предисловия) сочинения К. Шмитта: «Научное изучение подобного предмета *невозможно без представления о конкретной конституционной ситуации* (курсив мой — А.У.)». Далее автор развивает этот тезис, уточняя, что «требование гаранта и хранителя конституции чаще всего есть признак *критического*

²⁰ Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации».

конституционного состояния (курсив мой — А.У.)» [7, с. 29, 30]. По оценке Шмитта актуальная для него конституционная ситуация, в которой оказалась Веймарская республика, характеризуется кризисностью, содержательно выраженной в политократии, плюрализме и федерализме. Не вдаваясь в авторские трактовки предложенных терминов, отметим, что в совокупности эти процессы расщепляют государство, разрушая его единство, напрямую зафиксированное Веймарской конституцией.

Апеллируя к кризисной ситуации, К. Шмитт прямо не указывает на фактическую способность главы государства выступить гарантом конституции. В этом плане мыслитель стремится сохранить юридическую логику рассуждений и приводит теоретико- и позитивно-правовые аргументы в пользу своей позиции, не ссылаясь напрямую на располагаемую главой государства силу. Он пытается показать, что для использования этой силы и принятия жестких мер существуют правовые основания. Поскольку все эти аргументы были изложены выше, мы можем перейти к наиболее важному для самого Шмитта (с нашей точки зрения) *аргументу от конституционной ситуации*, через который можно приблизиться к самой сердцевине модели разделения властей, актуальной для любого демократического конституционного государства.

В этом контексте подчеркнем, что рассматривая в общих чертах государственно-правовой континуум, К. Шмитт признает существование различных гарантов конституции *вообще* (т.е. теоретически) в том смысле, что в разных исторических ситуациях, характеризующихся определенным социально-политическим положением, состоянием права, распространенностью некоторых идей и так далее, в качестве гаранта конституции может выступать не только президент республики, но и иные субъекты (более того, не только государственные органы могут быть этими субъектами) [7, с. 30–42, 53–54]. Но кризисная ситуация, в которой оказывается современное конституционное государство с системой разделения властей, выдвигает на передний план фигуру главы государства.

Например, отвечая сторонникам переноса англосаксонской модели в континентальный правопорядок, Шмитт указывает, что раз за разом оказываясь в затруднительном положении, Верховный суд США теряет возможность как-либо влиять на ситуацию. Чтобы в этом убедиться, не обязательно обращаться к Гражданской войне и саботажу А. Линкольна, проигнорировавшего решение Верховного суда США. Мы можем вспомнить судебное решение, положившее начало судебному конституционному контролю в США. Уже дело Мэрбэри против Мэдисона 1803 года наглядно демонстрирует содержащийся в самой конструкции и институциональной обособленности судебной власти существенный изъян (в контексте ситуации), — невозможность выполнить решение без поддержки исполнительной власти (или широкого общественного авторитета) [10]. Здесь, обращаясь к истории США, немецкий ученый стремится донести мысль о том, что никакого иного гаранта конституции в условиях кризиса, кроме главы государства, просто нет.

Нельзя сказать, что Г. Кельзен не понимает критичность положения, однако в его трактовке она не является основанием для признания главы государства хранителем конституции в специальном смысле, — напротив, критичность выступает причиной для сворачивания теоретико- и политико-правовых дискуссий. «В политической ситуации, в которой — вынужденно — оказалась демократическо-парламентская конституция Германской империи, в тот момент, когда эта конституция — для своей защиты, как надеются ее друзья, — так сказать, сжалась до своей одной единственной статьи, статьи 48, и тем самым оказалась в слишком тесном правовом пространстве, чтобы не взорваться, при подобном положении вещей было бы разумно отложить дискуссию по вопросу гарантии конституции на потом» [8, с. 362].

Отстаивая статус конституционного суда, Кельзен выдвигает вышеизложенные аргументы о независимости суда в системе распределения функций, осуществляемых государственными органами, и максимуму «никто не может быть судьей в собственном деле». В то же время он не обращает внимание на то, что в условиях конституционного кризиса именно эта модель ставится под вопрос, поскольку каждый из высших органов государственной власти может заявить о правильности своего видения защиты конституции и государственной целостности, приводя соответствующие позитивно-правовые аргументы. В этом можно легко убедиться, в частности, на примере рассматриваемой нами российской политической ситуации.

Интенция излагаемого К. Шмиттом аргумента содержится в Указе о Суде, где сказано, что «Конституционный Суд Российской Федерации оказался в глубоком кризисном состоянии. Дважды в течение 1993 года Конституционный Суд Российской Федерации своими поспешными действиями и решениями ставил страну на грань гражданской войны. *Но когда угроза гражданской войны становилась реальной, Конституционный Суд Российской Федерации бездействовал* (курсив мой — А.У.)»²¹. Признавая в этом положении существенную долю риторизма со стороны победителя, нельзя не отметить, что в нем весьма точно подмечена неспособность судебной инстанции умирить социально-политическую ситуацию в конкретной исторической обстановке.

Иначе на проблему смотрит В.Д. Зорькин, увязывая неспособность Суда повлиять на ситуацию с несовершенством действовавшей на тот момент Конституции: «При отсутствии в Конституции строгого разделения властей и указании в ней на полномочие Съезда народных депутатов Конституционный Суд *объективно не мог обеспечить баланс между законодательной и исполнительной ветвями власти, противостоять их острой конфронтации* (курсив мой — А.У.)» [11]. Таким образом, за «объективное» выдается позитивно-правовое несовершенство текста, тогда как широкий социально-

²¹ Указ Президента РФ от 7 октября 1993 г. № 1612 «О Конституционном Суде Российской Федерации».

политический контекст, на учете которого упорно настаивает К. Шмитт, остается за рамками причин, объясняющих неудачу судебного органа.

Впрочем, нельзя не оговориться, что история мирового конституционализма знает примеры, когда действия органов конституционного правосудия приводили к стабилизации конституционного строя, установлению баланса между другими ветвями власти и способствовали выходу из кризиса. Подробный обзор подобных случаев, произошедших в современной истории, составили Н. Дж. Натан и Д. Дж. Уоллер. Примечательно, что данные авторы акцентируют особое внимание на конституционных кризисах, обозначая их как «ситуацию разрыва конституционной преемственности», которая характеризуется как «случай, когда основы конституционного порядка в политическом, а иногда даже в юридическом смысле сами по себе являются предметом разногласий и острой дискуссии», то есть в случае, «когда неясно, что такое конституция». Именно в такие моменты «конституционные суды могут стать удивительно влиятельными политическими игроками». При этом такая политическая активность после завершения кризиса приводит к ослаблению судебного органа, поскольку «суд ставит себя в крайне уязвимую позицию после решения конституционных проблем» [12].

К более конкретным условиям вступления органа конституционного правосудия в политическое противостояние с иными силами, каждая из которых формирует и отстаивает собственный вариант понимания конституционного будущего, авторы относят, во-первых, широкие полномочия судов, дающие возможность для институционального вмешательства; во-вторых, наличие у суда сильного лидера; в-третьих, политические разногласия между законодательной и исполнительной ветвями власти. Заметим, что все три условия в России в 1993 году были соблюдены.

В качестве относительно успешных попыток органов конституционного правосудия разрешить проблему разрыва конституционной преемственности указываются Венгрия в 1990–1998 годах, Турция в 2002–2008 годах и ЮАР в 1994 году. Однако самым успешным (и загадочным) примером политической активности конституционного суда, сумевшего оказать наибольшее влияние на другие органы власти, исследователи называют деятельность Высшего конституционного суда Египта в 2011–2014 годах [13], развернувшуюся в контексте «арабской весны». Особняком в ряду рассматриваемых авторами ситуаций, как можно догадаться, стоит не оставленная без внимания осенняя история 1993 года, когда Конституционный Суд, попытавшийся обеспечить Конституцию и конституционный строй (так как он это понимал и теми средствами, которые ему были доступны), потерпел поражение от исполнительной власти, был распущен и переформатирован.

В свою очередь, мы полагаем, что данная иллюстрация возвращает нас к замечаниям К. Шмитта относительно пристального внимания к конкретной конституционной ситуации, интенсивность которой обуславливает возможности, пределы и характер вмешательства органов государственной

власти в процесс гарантирования конституции. Российский конституционный кризис 1993 года был весьма острым, а занятие каждым из его участников определенной позиции фактически означало бескомпромиссность по отношению к противникам. Не сумев остаться беспристрастным и полагаясь на собственную правоту, Конституционный Суд в нарушение ряда процессуальных норм выступил против действий Президента Российской Федерации в рамках наличествующей конституционной ситуации, важной составляющей которой была широкая поддержка гражданами действующего главы государства, и оказался неспособным реализовать свой вариант гарантирования конституции.

Итоги конституционного кризиса 1993 года в отражении действующей Конституции России

Итогом конституционного кризиса 1992–1993 годов становится принятие 12 декабря 1993 года по результатам Всенародного голосования новой Конституции Российской Федерации. В ней весьма иронично фиксируется два гаранта Конституции: Президент и Конституционный Суд. При этом, если первому присваивается статус гаранта в позитивно-правовом смысле, что прямо прописано в части 2 статьи 80²², то второго, чей статус и полномочия закреплены в статье 125, можно считать гарантом в доктринальном смысле.

Конечно, если мы будем строго следовать учениям немецких правоведов, то гарантом конституции в специальном смысле будет лишь один орган. Однако одним из теоретических результатов спора К. Шмитта и Г. Кельзена как раз и является появление в теории государства и науке конституционного права представления о существовании двух основных способов гарантирования конституции — политического (осуществляемого президентом республики) и судебного (осуществляемого органом с полномочиями конституционного суда), которые могут существовать как самостоятельно, так и «уживаться» вместе в рамках одного конституционного текста и строя. В итоге текущая конституционная ситуация и теоретические итоги спора позволяют сделать вывод о том, что «современный российский конституционализм ... основывается на сочетании (соотношении и взаимном влиянии) доктрины и практики политического гарантирования конституции главой государства и судебного гарантирования конституции (органом конституционного правосудия)» [14, с. 95].

При этом подобное сосуществование двух гарантов оценивается по-разному. Например, А.И. Кравец полагает, что «в России существование *двух гарантов Конституции* <...> может усиливать гарантирующий эффект Конституции, а может взаимно уравновешивать политические и судебные

²² Примечательно, что Конституционный Суд в своих решениях не раз обращался к статусу Президента как гаранту Конституции, давая толкования части 2 статьи 80 Конституции или же основывая на ней свою позицию. Обзор решений Конституционного Суда, в которых упоминается статус Президента как гаранта Конституции, см. источник в списке литературы под номером 4.

аспекты гарантирования» [14, с. 97]. Иными словами, каждый из гарантов вкладывается в общее дело обеспечения действия конституции (усиливающий эффект), реализуя свои усилия в пределах выделенных полномочий и доступных способов, и защищая ее от различных угроз, среди которых потенциально может осуществиться попытка одного из гарантов превратиться в хозяина конституции (уравновешивающий эффект). Насколько реальна способность одного из гарантов стать единственным, как мы разобрались выше, зависит преимущественно от текущего конституционного положения.

Схожей позиции придерживался М.А. Краснов, отмечая, что «конституция может подвергаться угрозам разного характера и разного масштаба. Возможно также, что один из гарантов просто не выполняет (не хочет или не может выполнять) свою задачу. И тогда наступает необходимость задействовать следующую линию обороны». При этом противодействовать правовой угрозе скорее призван орган конституционного контроля, однако если «конституции угрожают события, явления, процессы, требующие применения силы, в дело должен вступить уже глава государства» [15, с. 177].

Однако в последующей публикации указанный автор по собственному заверению отказывается от этой оценки и становится на сторону Карла Шмитта, солидаризируясь с ним в том, что, не имея «самостоятельной силы для того, чтобы заставить исполнять собственные решения», орган конституционного правосудия в кризисной ситуации, то есть именно тогда, когда конституции угрожает наибольшая опасность, становится беспомощным, а его действия бессмысленными. Поэтому «предотвратить крушение конституционного строя ... способен только президент», который с необходимостью (и что наиболее сложно обеспечить) должен быть нейтральной фигурой [4].

Иначе на проблему смотрит Д.Г. Шустров, который хоть формально и становится на примирительную позицию, тем не менее отмечает, что «на страже конституции должны стоять все органы государства, каждый из которых осуществляет *общую* охрану и защиту конституции в пределах своей компетенции», но «в то же время, наряду с общей охраной и защитой, обязательно должна быть охрана и защита *специальная*, выполняемая органом, специально созданным для осуществления данной функции. На эту функцию лучше всего подходят органы типа Конституционного Суда» [16, с. 340, 341].

Развивая высказанную мысль в более поздней работе, этот же автор отмечает, что «*наделение статусом гаранта Конституции Российской Федерации не только Конституционного Суда, но и Президента вписывается в логику происхождения и развития Конституции*, в которой Президент задумывался центральной фигурой в государственном механизме, *однако вряд ли институционально правильно, поскольку гарант должен быть один, его решение должно быть окончательно и не подлежит каким-либо сомнениям и коллизиям*, даже несмотря на четкое разграничение гарантийных полномочий (курсив мой — А.У.)» [17, с. 392].

* * *

Таким образом, можно заключить, что при отказе от примирительной трактовки, согласно которой презюмируется сосуществование более одного органа, осуществляющего специальное гарантирование конституции, отечественные авторы фактически становятся на позицию одного из немецких мыслителей, — или Карла Шмитта, или Ганса Кельзена, что делает дискуссию последних весьма актуальным для современности эпизодом государственно-правовой истории как в ее интеллектуальном, так и в социально-политическом аспектах.

Список литературы

1. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей / Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
2. Штолляйс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм. М.: РОССПЭН, 2017. 663 с.
3. Назмутдинов Б.В. От «нормы» к «порядку»: эволюция правопонимания Карла Шмитта // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 1.
4. Краснов М.А. Проблемы концепта «гарант конституции» // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 2.
5. Конституционный Суд России: осмысление опыта / Под общ. ред. А.Н. Медушевского. М: Центр конституционных исследований, 2021. 652 с.
6. Моммсен М., Нуссбергер А. Российский Конституционный Суд между правом и политикой // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 6.
7. Шмитт К. Государство: право и политика. М: Территория будущего, 2013. 446 с.
8. Кельзен Г. Кто должен быть гарантом конституции? / Шмитт К. Государство: право и политика. М: Территория будущего, 2013.
9. Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (Конституционная юстиция. Часть 1) // Право и политика. 2006. № 8.
10. Лобов М. Верховный суд США и проблема разделения властей: пределы правового подхода // Конституционный суд как гарант разделения властей. Сборник докладов. М.: Институт права и публичной политики, 2004.
11. Зорькин В. Реализация конституционного принципа разделения властей в практике Конституционного Суда России // Конституционный Суд как гарант разделения властей. Сборник докладов. М.: Институт права и публичной политики, 2004.
12. Натан Н. Дж., Уоллер Д. Дж. Конституционный суд и политическая неопределенность: разрыв конституционной преемственности и «правление судей». Часть 1 // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4.
13. Натан Н. Дж., Уоллер Д. Дж. Конституционный суд и политическая неопределенность: разрыв конституционной преемственности и «правление судей». Часть 2 // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 5.

14. Кравец А.И. Конституционное правосудие. Теория судебного конституционного права и практика судебного конституционного процесса. М: Юстицинформ, 2017. 400 с.
15. Краснов М.А. Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 456 с.
16. Шустров Д.Г. Прирученный левиафан: государство как объект конституционно-правового регулирования. СПб: Алеф-Пресс, 2014. 432 с.
17. Шустров Д.Г. Пределы изменения конституции и конституционный контроль за их соблюдением: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.02. М., 2021. 570 с.

Э.С. ЮСУБОВ
Д.В. СЕННИКОВА

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Статья посвящена проблемам привлечения к ответственности за «непредставление в установленный законом срок отчета об источниках и о размерах средств, перечисленных в избирательный фонд, и обо всех произведенных затратах на проведение избирательной кампании». Авторы делают выводы о чрезмерном размере санкции за указанное правонарушение и отсутствие условий для дифференциации при назначении наказания. В рамках работы сформулированы предложения по улучшению взаимодействия избирательных комиссий с органами правосудия и исключению негативных практик в части привлечения к ответственности по данному составу. **Ключевые слова:** итоговый финансовый отчет, административная ответственность, избирательная комиссия.

FEATURES OF BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE ELECTORAL PROCESS

Abstract. The article is devoted to the problem of bringing to responsibility for «failure to submit, within the period established by law, a report on the sources and amounts of funds available in the fund and on all electoral expenses incurred for the election campaign». The authors select about the extended size of the assignment for the specified offense and the absence of conditions for differentiation when assigning a place. In the article, proposals were improved on the participation of election commissions in the dissemination and exclusion of negative practices in terms of involvement in the analysis of composition. **Keywords:** final financial report, administrative responsibility, election commission.

Организация и проведение выборов прежде всего связаны с реализацией активного и пассивного избирательных прав. В то же время субъекты избирательного процесса, основной целью которых является осуществление названных субъективных прав, испытывают на себе ограничения и запреты, а также обязаны следовать предписаниям, установленным законом.

ЮСУБОВ Эльман Сулейманович — кандидат юридических наук, доцент, профессор Западно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доцент Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Томск
СЕННИКОВА Дарья Владимировна — кандидат юридических наук, доцент Западно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доцент Томского государственного университета, г. Томск

Названные императивные установления должны, с одной стороны, способствовать созданию условий для участия в выборах, с другой, — исключать чрезмерные препятствия или наказания, не соответствующие тяжести правонарушения или характеру избирательного процесса, основанного на принципах всеобщего, равного, прямого избирательного права. С учетом изложенного вопрос привлечения к ответственности в названной сфере заслуживает отдельного внимания.

Избирательная комиссия, помимо реализации норм, связанных с организацией и проведением выборов, может приобретать статус органа, причастного к реализации административной правовой ответственности. Основная задача ее членов связана с выявлением и фиксацией факта совершения правонарушения различными участниками избирательного процесса посредством составления протоколов на основании статьи 28.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП). Такого рода правоприменительная деятельность может вызвать затруднения при отсутствии опыта и специальных знаний, а также в силу иных обстоятельств, не зависящих от представителей избирательной системы.

Н.И. Петрыкина и А.И. Адигамов указывают, что возвращение членам комиссий протоколов на доработку «безусловно свидетельствуют о недостаточной юридической подготовке лиц, составляющих протоколы об административных правонарушениях» [1, с. 63]. Подобное заявление представляется в некоторой степени категоричным. С одной стороны, стоит согласиться с позицией, высказанной авторами, поскольку члены избирательных комиссий с правом решающего голоса не специализируются на оформлении названного вида доказательства и потому, будучи специалистами в области иного вида юридического процесса, могут испытывать затруднения. С другой стороны, можно указать на ряд косвенных причин возврата: высокая загруженность судей, специализированный пятидневный — короткий по обычным меркам — срок рассмотрения дела, отсутствие у членов избирательной комиссии права обжаловать соответствующее определение судьи непосредственно.

В качестве примера можно упомянуть случай, когда судья вернул протокол, поскольку при описании события административного правонарушения член избирательной комиссии использовал категорию, заимствованную из Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях), а не ее синоним, отраженный в КоАП, в связи с чем у судьи, получившего протокол для рассмотрения, возникли проблемы с пониманием события правонарушения [2, с. 21–22]. Надуманность подобной причины для возврата указывает на то, что в некоторых, возможно, крайне редких случаях, судьи осуществляют его не вполне обоснованно.

Практика работы комиссии также показывает, что судьи значительно лояльнее оценивают протоколы, составленные в отношении лиц, обладающих особым статусом, в частности кандидатов. Подобный подход к оценке с нашей позиции обусловлен действием пункта 4 статьи 41 Закона об основных гарантиях, в соответствии с которым зарегистрированный кандидат не может быть подвергнут административному наказанию, налагаемому в судебном порядке, без согласия прокурора (соответственно уровню выборов).

На выборах депутатов Думы города Томска VI созыва избирательная комиссия установила нарушение правил проведения агитации двумя средствами массовой информации. В качестве лиц, привлекаемых к ответственности, выступали главные редакторы СМИ. В обоих случаях был собран идентичный набор документов, подтверждающий их статус: ответы на запрос о данных главного редактора каждого из СМИ, полученный из Управления Роскомнадзора по Томской области, экземпляры агитационных материалов с указанием сведений о главных редакторах и данных о регистрации СМИ. Последние также дали пояснения, в которых дополнительно подтвердили свой статус и причастность к выпуску изданий. Один из редакторов был также зарегистрированным кандидатом на должность депутата законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации. В связи с этим протокол со всеми материалами был предварительно направлен в прокуратуру субъекта для получения согласия в соответствии с ранее упомянутым пунктом 4 статьи 41 Закона об основных гарантиях. По данному делу судья признал названные материалы достаточными для рассмотрения и принятия постановления о назначении административного наказания¹.

По второму делу в комиссию поступило определение, в котором судья указал на необходимость предоставления копий следующих документов, без которых не представляется возможным рассмотрение дела: «доказательство регистрации» электронного издания «в качестве СМИ (лицензия)», «должностная инструкция» и «приказ о приеме на работу главного редактора»².

В данном случае очевидно, что суд счел недостаточными сведения, представленные территориальным подразделением органа, осуществившего регистрацию СМИ. Даже если допустить, что комиссия изначально собрала не все необходимые материалы, подтверждающие вину правонарушителя, судье в первом случае их хватило для оценки действий как неправомерных.

¹ Официальный сайт судебного участка № 2 Кировского судебного района г. Томска. Постановление по делу № 5-655/2020 от 16.09.2020 [Электронный ресурс]. Томск, 2021. URL: http://kir2.tms.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=15221317&delo_id=15000013. (дата обращения: 28.07.2022).

² Определение мирового судьи судебного участка № 4 Советского судебного района г. Томска о возвращении протокола об административном правонарушении и иных материалов дела по делу № 5-838/2020 от 10.11.2020. Документ опубликован не был.

Между тем не вполне понятна причина необходимости приложения к материалам должностной инструкции главного редактора, поскольку в соответствии со статьей 19 Закона «О средствах массовой информации» он «несет ответственность за выполнение требований, предъявляемых к деятельности средства массовой информации настоящим Законом и другими законодательными актами Российской Федерации».

В конечном счете избирательный процесс — это специфическая правовая сфера, с которой его непосредственные участники работают регулярно, а судьи — эпизодически, лишь при большой заинтересованности и только в период избирательных кампаний. Последним в некоторых случаях требуется время для реанимирования знаний о содержании избирательного законодательства.

Довольно много проблем применения норм как административного, так и избирательного права складывается вокруг представления итоговых финансовых отчетов избирательными объединениями и лицами, являвшимися кандидатами.

В этой связи хотелось бы остановиться на привлечении к административной ответственности в соответствии с частью 1 статьи 5.17 КоАП — «непредставление в установленный законом срок отчета об источниках и о размерах средств, перечисленных в избирательный фонд и обо всех произведенных затратах на проведение избирательной кампании»³. Названный состав, помимо значительного распространения, представляет интерес в силу сочетания формального характера и значительного размера штрафной санкции, о чем ранее мы уже указывали.

Привлечение к ответственности за нарушение срока представления итогового финансового отчета наиболее полно позволило определить самые уязвимые участки работы членов комиссии в качестве должностных лиц, инициирующих производство по делам об административных правонарушениях.

Составление протоколов по данному составу, как правило, происходит за пределами избирательной кампании и является преимуществом, так как исключает наложение режима привлечения к административной ответственности на избирательный процесс. В то же время из-за отсутствия у некоторых комиссий, организующих и проводящих выборы, статуса юридических лиц, предполагающего постоянный характер деятельности, члены с правом решающего голоса, в том числе заместитель председателя и секретарь, после проведения дня голосования обычно возвращаются к исполнению обязанностей по основному месту работы. Представление итоговых финансовых отчетов, составление протоколов об административных правонарушениях приходится как раз на этот период. При обсуждении правового статуса территориальных избирательных комиссий неоднократно ставился

³ Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации: Федеральный закон № 96-ФЗ от 30.12.2001 // Российская газета. 2001. 31 дек. № 256.

вопрос о недопустимости возложения на них полномочий нескольких окружных комиссий [3, с. 69–80]. Такой подход реализуется, в частности в Томске на муниципальных выборах, из-за чего один состав избирательной комиссии и аппарат, обеспечивающий его работу, вынуждены принимать более чем 40 финансовых отчетов, а также другой избирательной документации⁴. Поскольку комиссии не имеют статуса юридических лиц, подобная деятельность довольно часто ведется с учетом текущей занятости их членов, что может в известной степени сказываться на качестве ее реализации.

Кроме того, работа с отчетами воспринимается как второстепенный вопрос, не столь значимый по сравнению с предшествующими этапами работы с кандидатами (избирательными объединениями) и гражданами. Избирательные комиссии в основном озадачены своевременным направлением в СМИ названных документов с соблюдением установленного законом срока, нарушение которого также предполагает ответственность.

В некоторых избирательных комиссиях, в частности в избирательных комиссиях Новосибирской и Томской областей, принята практика уведомлений субъектов реализации пассивного избирательного права об обязанности сдать итоговые финансовые отчеты. Подобный опыт, исходя из постановлений судей, имеет место и в комиссиях иных субъектов, в частности Владимирской и Калининградской областей⁵.

Между тем лица, являвшиеся кандидатами, обязаны сдать финансовые отчеты в силу закона, а значит уведомление со стороны избирательных комиссий не является обязательным [4, с. 162–173].

Как мы уже отметили, не все избирательные комиссии располагают волевыми, кадровыми, материальными и временными ресурсами для подобных предупредительных мер.

В то же время увеличение штрафных санкций в части 1 статьи 5.17 КоАП является значимым фактором повышения внимания комиссий к работе с итоговыми финансовыми отчетами, которая, между тем, должна сопровождаться организационно-правовыми и финансовыми улучшениями, без чего осуществление принципа «эффективной заботы»⁶ о реализации пассивного избирательного права будет невозможной.

⁴ Официальный сайт Избирательной комиссии Томской области. О возложении на территориальные избирательные комиссии, расположенные на территории муниципального образования «Город Томск», полномочий окружных избирательных комиссий по выборам депутатов Думы города Томска седьмого созыва: постановление Избирательной комиссии Томской области от 15.05.2020 № 41/293 [Электронный ресурс]. Томск, 2020. URL: https://elect70.tomsk.ru/upload/elections/2020_05_15_41_293_file_1833_9929.doc (дата обращения: 10.10.2022).

⁵ Данный вывод следует из содержания постановлений по делу об административных правонарушениях, принятых в судах названных субъектов, в частности, из решения Фрунзенского районного суда г. Владимира от 06.09.2021 № 12-90/2021 и постановления мирового судьи судебного участка № 2 Ленинградского района г. Калининграда от 27.12.2016 № 5-757/2016. Данные взяты с интернет-портала ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 10.10.2022).

⁶ По делу о проверке конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства

Порядок принятия итоговых финансовых отчетов централизованно регламентирован в минимальной степени. В связи с этим избирательные комиссии самостоятельно организуют процесс их приема и особенно фиксации перечня лиц, несвоевременно представивших финансовые отчеты. Исходя из судебной практики, события правонарушений, помимо протокола, также подтверждались докладной запиской бухгалтера, актом приема документов, справкой председателя комиссии, копией решения избирательной комиссии об информировании о результатах приема и проверки итоговых финансовых отчетов, актом, составленным членами избирательной комиссии. Хотя наличие названных документов не обусловлено императивными предписаниями правовых норм, они значительно облегчают процесс доказывания.

Еще одной важной особенностью, отличающей работу избирательной комиссии от иных субъектов административной юрисдикции, является нетипичность для нее подобного статуса. В таких условиях востребовано информационное взаимодействие между судами и избирательными комиссиями. В этой связи примечателен опыт 1-го судебного участка Центрального судебного района г. Калининграда⁷, в котором был случай прекращения производства по делу в силу истечения пятидневного срока его рассмотрения, поскольку до кандидата не удалось довести информацию о дате и времени проведения судебного заседания. При указанных обстоятельствах он был лишен права на защиту, вследствие чего рассмотрение дела об административном правонарушении не представлялось возможным. Иные органы, участвующие в составлении протоколов об административных правонарушениях, прежде всего полиция, заблаговременно выясняют в суде указанную информацию и доводят ее до лица, привлекаемого к административной ответственности при составлении протокола. Избирательные комиссии, имея несущественный опыт в качестве органов административной юрисдикции, довольно редко прибегают к взаимодействию с судами на этапе оформления материалов по делу, хотя само по себе межведомственное взаимодействие является очень важной частью их работы.

Несомненно, интерес представляет не только работа членов избирательных комиссий с итоговыми финансовыми отчетами, но и практика оценки судом бездействия лиц, являвшихся кандидатами по части 1 статьи 5.17 КоАП.

Наказание за данное правонарушение назначается в основном в минимальном размере — 20 000 рублей⁸. В ряде случаев правонарушение

ства Российской Федерации в связи с жалобой граждан И.Л. Трунова и М.В. Юревича: Постановление Конституционного Суда РФ от 13.04.2017 № 11-П // Собрание законодательства. 2017. № 17. Ст. 2655.

⁷ Официальный сайт мирового судьи 1-го судебного участка Центрального судебного района г. Калининграда. Постановление по делу об административном правонарушении от 12.09.2017 № 5-579/2017 [Электронный ресурс]. Калининград, 2017. URL: http://centms1.kln.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=452808&case_number=328754&delo_id=1500001 (дата обращения: 28.07.2022).

⁸ Исследование проведено на основе анализа постановлений мировых судей, исполняющих должностные обязанности в городских округах — административных центрах Алтайского и Камчатского

оценивается как малозначительное или штраф определяется в размере менее минимального. Дифференциация наказаний зависит от ряда обстоятельств, которые судьи как правило учитывают при вынесении постановлений.

Важным обстоятельством, относящимся к элементу характера правонарушения, является факт представления итогового финансового отчета в избирательную комиссию, пусть и с нарушением срока.

Его наличие как правило приводит к смягчению наказания. Например, в решении Ленинского районного суда г. Воронежа⁹, рассматривавшего жалобу на постановление мирового судьи, указывалось на возможность привлечения лица, являвшегося кандидатом, к ответственности в порядке части 2.2. статьи 4.1 КоАП. Так, последний представил в окружную избирательную комиссию итоговый финансовый отчет и тем самым устранил негативные последствия своего правонарушения. Такая же позиция указана и в постановлении мирового судьи судебного участка № 12 Ленинского судебного района г. Костромы¹⁰.

С нашей точки зрения представление итогового финансового отчета позже установленного законом срока следует рассматривать не как смягчающее обстоятельство, а как менее значительное нарушение правопорядка и фактор, свидетельствующий о меньшей общественной опасности правонарушения. Состав характеризуемого правонарушения, в силу его формального характера, имеет место при любом нарушении срока сдачи документов кандидатом или избирательным объединением, будь то один день или непредставление отчета вообще. В то же время в первом случае можно рассуждать о признании правонарушения малозначительным, а во втором — о назначении наказания в соответствии с санкцией части 1 статьи 5.17 КоАП.

Не представляя итоговый финансовый отчет, кандидат, как правило, уклоняется от выполнения сопутствующих требований, из-за чего у кредитной организации возникает обязанность перечислять оставшиеся средства в бюджет и закрывать счет кандидата по истечении 60 дней со дня голосования. Фактически банк в соответствии с законом принимает на себя обязательства, возложенные на кандидата, в силу бездействия последнего. Комиссия же, не имея первичных финансовых документов, прилагаемых

краев, Архангельской, Владимирской, Воронежской, Ивановской, Иркутской, Калининградской, Калужской, Кемеровской, Костромской, Липецкой, Мурманской, Томской, Еврейской автономной областей, Ненецкого автономного округа. Названные акты принимались в период с 2017 по 2022 годы. Данные взяты с интернет-портала ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 28.07.2022).

⁹ Официальный сайт Ленинского районного суда г. Воронежа. Решение по делу № 12-70/2021 от 26.02.2021 [Электронный ресурс]. Калининград, 2017. URL: https://lensud-vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=1be3e7de-95fa-4cd1-98d1-79c94ccd0450&_deloId=1502001&_caseType=0&_new=0&_doc=1&_srv_num=1&_hideJudge=0 (дата обращения: 28.07.2022).

¹⁰ Официальный сайт мирового судьи судебного участка № 12 Ленинского судебного района г. Костромы. Постановление по делу № 5-109/2021 от 18.01.2021 [Электронный ресурс]. Кострома, 2021. URL: http://12.kst.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=46825094&case_number=46765633&delo_id=1500001 (дата обращения: 28.07.2022).

к отчету, лишается возможностей проверить целевое назначение расходов кандидата и придать им публичный характер, направив отчет в СМИ.

Однако наличие итогового финансового отчета не всегда рассматривается судом как основание для снижения ответственности.

Так, по постановлению мирового судьи судебного участка № 3 Кировского судебного района г. Томска бывшему кандидату, руководителю спортивного центра одного из государственных университетов (данные сведения указаны в протоколе), сдавшему отчет с нарушением срока в один месяц, было назначено наказание в виде административного штрафа в размере 20 000 рублей, притом никаких комментариев относительно отягчающих обстоятельств в решении не указано¹¹. Названный отчет был опубликован в муниципальном средстве массовой информации и проверен контрольно-ревизионной службой. В рамках той же избирательной кампании мировой судья судебного участка № 3 Октябрьского судебного района г. Томска другому кандидату назначил наказание в размере 10 000 рублей, в том числе с учетом материального положения (отсутствия заработка) и личности правонарушителя¹². Необходимо учитывать, что в этом случае кандидат не сдал отчет вообще, а судья не разъяснил, что конкретно подразумевается под личностью правонарушителя.

Еще одному бывшему кандидату мировой судья судебного участка № 5 Октябрьского судебного района также назначил наказание в виде административного штрафа в размере 10 000 рублей с учетом того, что отчет был представлен, правда, спустя более чем два месяца после окончания срока, а сам кандидат находится в тяжелом материальном положении (отсутствует заработок)¹³.

Таким образом, к числу обстоятельств, содействующих назначению наказания менее минимального размера, на основании части 2.2 статьи 4.3 КоАП довольно часто относят материальное положение лица («отсутствие заработка», пенсионный возраст, наличие иждивенцев), а также личность правонарушителя (совершение административного правонарушения впервые). Такое снижение размера наказания обусловлено позицией, изложенной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации о недопустимости существенных «денежных потерь граждан, нередко

¹¹ Официальный сайт судебного участка № 3 Кировского судебного района г. Томска. Постановление по делу № 5-223/2021 от 04.03.2021 [Электронный ресурс]. Томск, 2021. URL: http://kir3.tms.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=17591754&delo_id=1500001 (дата обращения: 28.07.2022).

¹² Официальный сайт судебного участка № 3 Октябрьского судебного района г. Томска. Постановление по делу № 5-141/2021 от 19.02.2021 [Электронный ресурс]. Томск, 2021. URL: http://okt3.tms.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=cs&case_id=17349811&delo_id=1500001 (дата обращения: 28.07.2022).

¹³ Официальный сайт судебного участка № 5 Октябрьского судебного района г. Томска. Постановление по делу № 5-146/2021 от 05.03.2021 [Электронный ресурс]. Томск, 2021. URL: http://okt5.tms.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=17553341&delo_id=1500001 (дата обращения: 28.07.2022).

превосходящих уровень их среднемесячной заработной платы»¹⁴, при выплате даже минимально возможного размера административного штрафа.

Несмотря на то, что мы приветствуем назначение менее значимого штрафа, насколько это возможно, и солидарны с позицией Конституционного Суда о чрезмерном размере санкций, не вполне понятно, почему лицо, сдавшее отчет с опозданием в месяц, но работающее и приносящее доход государству в виде налогов и сборов, получает наказание в большем размере, чем лицо, не имеющее заработка, и не сдавшее отчет вообще либо сдавшее его с более существенным опозданием.

Встречается случай, в котором судья назначал штраф менее минимального размера, в силу отсутствия у правонарушителя «постоянного легального дохода»¹⁵, то есть снизил наказание лицу, уклоняющемуся от уплаты налогов и иных установленных законом обязательных платежей. Подобный подход представляется дискриминационным и свидетельствует о необходимости снижения размера санкции, так как существующее правовое регулирование не обеспечивает должный механизм дифференциации наказаний во всех случаях.

При назначении наказания менее минимального размера в указанных выше случаях судьи учитывали также и характер (обстоятельства) правонарушения. Однако, с нашей позиции, субъекты, которым был определен менее значительный штраф, совершили более существенное правонарушение, так как либо вообще не сдали отчет, либо сдали его со значительным опозданием. В данной связи можно поставить вопрос о том, что судьи подразумевали под «характером правонарушения», его «обстоятельствами», и почему при указанных условиях они располагают к смягчению наказания? Следует отметить, что подобные пояснения отсутствуют в принятых постановлениях. Вряд ли судьи не осознают спорный характер подобных решений, однако вынуждены принимать их в силу излишней суровости наказания и ограниченных возможностей его смягчения.

Возможно законодателю следует конкретизировать нормы части 1 статьи 5.17 КоАП, разграничив непредставление итогового финансового отчета в срок, установленный законом, и непредставление итогового финансового отчета вообще. Последний случай будет иметь место, если отчет не представлен или представлен кандидатом по истечении 60 дней со дня

¹⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 г. № 4-П по делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. Москва, 2013. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.02.2018).

¹⁵ Официальный сайт судебного участка № 2 Кировского судебного района г. Томска. Постановление по делу № 5-117/2021 от 20.02.2021 [Электронный ресурс]. Томск, 2021. URL: http://kir2.tms.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=17426211&delo_id=1500001 (дата обращения: 28.07.2022).

голосования. Срок привлечения к ответственности в один год позволяет применять оба указанных состава. При этом в независимости от характера нарушения сроков сдачи итогового финансового отчета санкция должна быть значительно меньше, чем установлено в настоящее время в части 1 статьи 5.17 КоАП.

Также мировые судьи не имеют достаточных правовых оснований для учета уровня избирательной кампании при назначении наказания, в результате кандидаты как на федеральных, так и региональных и муниципальных выборах привлекаются к ответственности с назначением штрафа в одинаковом размере. Данный недочет с нашей точки зрения также должен быть адресован законодателю. Поскольку и избирательное, и административное право относятся к предмету совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, уместно было бы определить наказание за несоблюдение норм о выборах высших должностных лиц субъекта, депутатов законодательных (представительных) органов, выборных органов местного самоуправления на уровне соответствующих регионов.

Еще одно обстоятельство, которое также следует учитывать при определении наказания, — это продолжительность бездействия, то есть период времени, который прошел от окончания срока сдачи финансовых отчетов до момента представления названного документа в избирательную комиссию.

Практика по данному составу разнообразна, при этом довольно часто краткосрочность правонарушения содействует не только назначению наказания ниже нижнего предела, но и признания правонарушения малозначительным. При нарушении срока на один или два дня судьи как правило прекращают производство по делу с вынесением устного замечания. Анализ практики привлечения к ответственности лиц, являвшихся кандидатами, по части 1 статьи 5.17 КоАП, а также по некоторым другим составам указывают на следующее.

Повышение качества реализации избирательного процесса может быть связано с развитием межведомственных связей избирательных комиссий и представителей судебной системы для взаимного учета особенностей сфер правоприменения.

Этап представления итоговых финансовых отчетов воспринимается членами комиссии как субсидиарная стадия организации и проведения выборов, не требующая столь существенного внимания, как предшествующие ей периоды. Если комиссии не обладают статусом юридических лиц, то они, как правило, лишены возможности персонально работать с каждым из кандидатов, предупреждая их о сроках сдачи и предоставляя иную необходимую информацию.

Несмотря на существенный характер санкций по части 1 статьи 5.17 КоАП, судебные органы, с одной стороны, не располагают достаточными правовыми основаниями для дифференциации наказаний, с другой, —

в должной степени не используют имеющиеся возможности для оценки правонарушения с учетом его характера. В результате даже в пределах одного муниципального образования принимаются решения с нарушением принципа соразмерности.

* * *

Представляется, что законодателю необходимо уменьшить размер штрафных санкций за названное правонарушение и иные составы, связанные с реализацией гражданином политических прав, в том числе права быть избранным.

Текущая практика показывает, что судьи, проявляя милосердие и расширяя пределы своего усмотрения, склонны снижать размер наказания даже в случаях, когда для этого нет достаточных оснований или они сомнительны. В результате принятые решения несправедливы, а размер санкции обусловлен не столько характером правонарушения, сколько наличием или отсутствием у гражданина средств для выплаты взыскания.

Список литературы

1. Петрыкина Н.И. К вопросу об эффективности применения мер административной ответственности за нарушения законодательства о выборах / Н.И. Петрыкина, А.И. Адигамов // Административное право и процесс. 2021. № 5.
2. Ведяшкин С.В. Административная ответственность за нарушения законодательства о выборах в контексте правового статуса избирательных комиссий / С.В. Ведяшкин, Д.В. Сенникова, Э.С. Юсубов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41.
3. Реут Д.А. О некоторых вопросах правового статуса избирательных комиссий // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 3.
4. Ведяшкин С.В. Профилактика административных правонарушений // Право. Государство. Управление: общетеоретические и отраслевые аспекты / Национальный исследовательский Томский государственный университет, Юридический институт. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2020.

К ВОПРОСУ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ ИЗ РОССИЙСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

***Аннотация.** В связи с внесением в марте 2022 года изменений в избирательное законодательство, предусматривающих прекращение исполнения избирательными комиссиями муниципальных образований своих полномочий, в статье осуществляется анализ правового статуса, направлений их деятельности в постсоветский период российской истории. По мнению автора, российская муниципальная избирательная система была представлена двумя разновидностями. В ряде субъектов Российской Федерации местные выборы проводились территориальными избирательными комиссиями, в других – муниципальными. Именно эта модель правового регулирования не позволила последним закрепиться в качестве полноценного органа муниципальной избирательной системы, что и привело, в конечном итоге, к их исключению из нее. Эта реформа не окажет существенного влияния на организацию и проведение местных выборов, не повлечет минимизацию ее эффективности и демократичности. Это определяется тем, что выборы органов местного самоуправления, как и ранее, будут проводиться на основе основополагающих принципов российской избирательной системы, в том числе и принципов самостоятельности и независимости избирательных комиссий.*

***Ключевые слова:** избирательное право, кандидат, избирательная система, муниципальные выборы, муниципальная избирательная система.*

ON THE QUESTION OF THE EXCLUSION OF MUNICIPAL ELECTION COMMISSIONS FROM THE RUSSIAN ELECTORAL SYSTEM

***Abstract.** In connection with the introduction of amendments to the electoral legislation in March 2022, which provide for the termination of the exercise of their powers by the election commissions of municipalities, the article analyzes the legal status, directions of their activities in the post-Soviet period of Russian history. According to the author, the Russian municipal electoral system was represented by two varieties. In several constituent entities of the Russian Federation, local elections were conducted by territorial election commissions, in others by municipal ones. It was this model of legal regulation that did not allow*

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич – декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент, г. Новосибирск

the latter to gain a foothold as a full-fledged body of the municipal electoral system, which ultimately led to their exclusion from it. This reform will not have a significant impact on the organization and conduct of local elections and will not entail minimizing its effectiveness and democracy. This is determined by the fact that the elections of local governments, as before, will be held based on the fundamental principles of the Russian electoral system, including the principles of autonomy and independence of election commissions.

Keywords: *the right to vote, the candidate, electoral system, municipal elections, municipal electoral system.*

В марте 2022 года¹ в Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»² (далее — Федеральный закон от 14 марта 2022 г. № 60-ФЗ) были внесены изменения, касающиеся ряда институтов избирательного права, в том числе системы избирательных комиссий. Согласно пункту 9 статьи 9 принятого Закона не позднее 1 января 2023 года избирательные комиссии муниципальных образований прекращают исполнение своих полномочий. Фактически речь идет об их исключении из отечественной избирательной системы. Их полномочия по подготовке и проведению выборов в органы местного самоуправления, местного референдума по решению избирательной комиссии субъекта Российской Федерации возлагаются на территориальную или участковую комиссию³.

Хочется обратить внимание, что изначально субъекты законодательной инициативы не планировали корректировать систему избирательных комиссий. В соответствии с Пояснительной запиской к законопроекту № 40921-8⁴ он был подготовлен в целях совершенствования законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах и направлен на обеспечение избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации при проведении дистанционного электронного голосования. Уже в ходе обсуждения законопроекта появились дополнения, касающиеся институтов наблюдения за выборами, агитации, ограничений субъективного избирательного права и системы избирательных комиссий.

Принятие этого закона представители ряда муниципальных образований и общественности рассматривают в качестве закономерного продолжения усиления контроля за выборным процессом со стороны власти. Ими отмечается, что все это приведет к расширению пределов административного

¹ Федеральный закон от 14.03.2022 № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 14.03.2022.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

³ Можно предположить, что общим правилом по логике законодателя является возложение полномочий на территориальную избирательную комиссию, а возможность возложения полномочий на участковую — является моделью для небольших муниципальных образований, в которых отсутствуют территориальные комиссии.

⁴ Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 40921-8. [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40921-8> (дата обращения: 25.09.2022).

ресурса и потере муниципальными советами контроля над выборами⁵. В связи с этим представляется важным провести анализ правового статуса и направлений деятельности избирательных комиссий муниципальных образований в постсоветский период российской истории.

* * *

Муниципальные избирательные комиссии изначально не воспринимались как постоянный элемент отечественной избирательной системы. В Федеральном законе от 6 декабря 1994 года № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации»⁶ упоминались городские избирательные комиссии, рассматриваемые в качестве разновидности территориальных комиссий. В статье 11 этого нормативного правового акта закреплялось, что подготовку и проведение выборов в Российской Федерации осуществляют: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, окружные избирательные комиссии, территориальные (районные, городские и другие) избирательные комиссии.

В связи с закреплением в Федеральном законе от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁷ понятия муниципального образования (городское, сельское поселение, несколько поселений) в Федеральном законе от 19 сентября 1997 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁸ изредка использовался термин «избирательная комиссия муниципального образования». Например, в статье 21 Закона предусматривалось, что в случаях, предусмотренных федеральными конституционными законами, федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, территориальные избирательные комиссии действуют в качестве избирательных комиссий муниципальных образований. Также было закреплено, что правовое регулирование полномочий и порядка деятельности избирательных комиссий по выборам в органы местного самоуправления осуществлялось законами и иными правовыми актами законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Федерации. При этом сам подход к определению правового статуса избирательной комиссии муниципального образования принципиально не изменился. Городские избирательные комиссии продолжали рассматриваться как разновидность территориальных комиссий наравне с районными.

⁵ Муниципалам не оставили выбора // Деловой Петербург. URL: https://www.dp.ru/a/2022/03/14/Ne_ostavili_vibora (дата обращения: 30.09.2022).

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 33. Ст. 3406.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 35. Ст. 3506.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 38. Ст. 4339.

При этом закон предусматривал возможность существования постоянно действующей избирательной комиссии муниципального образования. В статье 33 при определении порядка реализации инициативы проведения референдума закреплялось, что инициативная группа по проведению референдума обращается в избирательную комиссию соответствующего уровня, которая действует в качестве комиссии референдума, с ходатайством о регистрации группы. В случае, если постоянно действующая избирательная комиссия муниципального образования отсутствует, функции комиссии местного референдума до ее формирования выполняет представительный орган местного самоуправления, в случае отсутствия представительного органа местного самоуправления — избирательная комиссия субъекта Российской Федерации.

Фактически до 2002 года, до принятия действующего Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях), избирательные комиссии муниципальных образований как особый элемент не включались в систему избирательных органов. Порядок их формирования и полномочия получили закрепление в статье 24 этого Закона. До середины первого десятилетия XXI века статус избирательной комиссии муниципального образования определялся в качестве органа местного самоуправления, поскольку был закреплен в главе 6 «Об органах местного самоуправления и должностных лицах местного самоуправления» Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁹ (далее — Закон о местном самоуправлении). С 2004 года статус избирательной комиссии муниципального образования в системе органов местного самоуправления определялся муниципальным образованием¹⁰. В 2005 году положение избирательных комиссий муниципальных образований было унифицировано: они стали муниципальными органами, которые не входят в структуру органов местного самоуправления¹¹. Как отмечается в литературе, это являлось следствием муниципализации низовых органов государственной власти, которые стали представлять собой автономную часть общей системы избирательных комиссий Российской Федерации [1, с. 4].

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

¹⁰ Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 35. Ст. 3607.

¹¹ Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. 1). Ст. 3104.

Это нововведение вызвало у российских правоведов ряд вопросов. Во-первых, если избирательная комиссия муниципального образования не входит в структуру органов местного самоуправления, то почему нормативные положения о ней располагаются в главе 6 Закона о местном самоуправлении, регулирующей вопросы статуса и системы органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления? По мнению А.Н. Костюкова, данный вопрос затрагивал не только сферу юридической техники Закона о местном самоуправлении, но и муниципально-правовую политику в сфере обеспечения непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления [2, с. 51]. Во-вторых, что понимать под муниципальным органом? Федеральный закон от 21 июля 2005 года не внес изменений в статью 2 Закона о местном самоуправлении, закрепляющую основные термины и понятия. Вместе с тем частью 1 статьи 2 Закона о местном самоуправлении дано понятие органа местного самоуправления, под которым понимается избираемый непосредственно населением и (или) образуемый представительным органом муниципального образования орган, наделенный собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. В качестве муниципального органа избирательная комиссия муниципального образования закрепляется и в части 2 статьи 24 Закона об основных гарантиях [3, с. 148–150].

С одной стороны, можно предположить, что придание в 2005 году муниципальным избирательным комиссиям статуса муниципального органа было направлено на дальнейшее включение их в систему избирательных органов России, в которой соответствующие постоянно действующие избирательные комиссии присутствуют на всех уровнях власти. Окончательное построение системы избирательных комиссий как отдельной властной вертикали завершилось в 2012 году, когда все избирательные комиссии, включая участковые, стали формироваться на пять лет¹².

С другой стороны, эта реформа могла быть связана с попыткой унифицировать не только положение избирательных комиссий, соответствующих определенному уровню власти, но и систему их формирования. ЦИК России и избирательные комиссии субъектов Российской Федерации являются государственными органами и формируются на паритетных началах органами государственной власти соответствующего уровня. После изменений 2005 года муниципальная избирательная комиссия стала муниципальным органом, формирующимся представительным органом местного самоуправления.

При этом эта реформа не положила конец в спорах о правовом статусе муниципальной избирательной комиссии. В качестве обоснования

¹² Федеральный закон от 2 октября 2012 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.10.2012).

изменений, внесенных в законодательство в 2005 году, приводился довод о том, что избирательная комиссия муниципального образования не может входить в структуру органов местного самоуправления по той причине, что она не решает вопросы местного значения, а это является одним из важнейших признаков органа местного самоуправления [4, с. 47]. Однако существует и противоположная точка зрения, согласно которой на основании подпункта 5 пункта 1 статьи 17 Закона о местном самоуправлении комиссия наделяется полномочиями органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения. Данная статья предусматривает, что для решения вопросов местного значения органы местного самоуправления поселений, муниципальных районов и городских округов обладают полномочиями по организационному и материально-техническому обеспечению подготовки и проведения муниципальных выборов, местного референдума, голосования по отзыву местного депутата, члена выборного органа местного самоуправления и выборного должностного лица, по вопросам изменения границ муниципального образования [5, с. 87].

Несмотря на установление нового правового статуса избирательных комиссий муниципальных образований, модель, заложенная в законодательстве 1990-х годов, сохранилась. Фактически муниципальная комиссия осталась если не разновидностью территориальной, то по функционалу ей равнозначной. Это находит подтверждение в пункте 4 статьи 24 Закона об основных гарантиях. Согласно данной норме полномочия избирательной комиссии муниципального образования могут возлагаться на территориальную комиссию по решению соответствующей избирательной комиссии субъекта Российской Федерации, принятому на основании обращения представительного органа этого муниципального образования. Процедура возложения полномочий одной избирательной комиссии на другую направлена на формирование системы взаимозаменяемости избирательных органов, повышение качества их работы на выборах различного уровня. Использование этой процедуры обосновывалось необходимостью оптимизации избирательных действий и экономией бюджетных средств.

Это законодательное положение дало возможность многим субъектам Федерации муниципальные избирательные комиссии не создавать, а их полномочия возложить на территориальные комиссии. Фактически муниципальная избирательная система России была представлена двумя разновидностями. В ряде субъектов Федерации в муниципальных образованиях на постоянной основе функционировали муниципальные избирательные комиссии, которые раз в пять лет (чаще всего муниципальными образованиями устанавливается именно этот срок) организуют и проводят выборы депутатов представительного органа местного самоуправления и, если это предусмотрено нормативными правовыми актами, прямые выборы глав муниципального образования. В других субъектах Федерации полномочия муниципальных комиссий были возложены на территориальные избира-

тельные комиссии. Как свидетельствует опыт проведения муниципальных выборов, в 2004–2005 годах, когда у субъектов Федерации появилась возможность создавать муниципальные избирательные комиссии, их полномочия достаточно часто возлагались на соответствующие территориальные комиссии [6, с. 131].

Можно предположить, что формирование подобной модели правового регулирования в отношении деятельности территориальных и муниципальных избирательных комиссий и не дало возможности последним закрепиться в качестве полноценного органа муниципальной избирательной системы. Если бы в середине 2000-х годов появилось императивное требование об организации и проведении муниципальных выборов только избирательной комиссией муниципального образования, то вполне возможно, что в настоящее время мы имели бы полноценную систему избирательных комиссий муниципальных образований с четко определенными полномочиями и местом в системе муниципальной власти. В этом случае было бы не важно, работали бы ее члены, включая руководство, на постоянной (штатной) основе либо на непостоянной основе. Модель осуществления деятельности всех членов муниципальной комиссии на непостоянной основе могла бы найти реализацию в небольших муниципальных образованиях. Четкое определение полномочий избирательных комиссий муниципальных образований повлекло бы и ограничение полномочий территориальных избирательных комиссий. Но этого не произошло.

Возложение Федеральным законом от 14 марта 2022 года № 60-ФЗ полномочий ликвидирующихся муниципальных комиссий по подготовке и проведению выборов в органы местного самоуправления, местного референдума на территориальные избирательные комиссии является достаточно логичным и разумным. За счет использования института возложения полномочий территориальные избирательные комиссии всегда принимали активное участие в выборах органов местного самоуправления, выполняя полномочия окружных комиссий. При этом избирательным комиссиям субъектов Федерации необходимо будет решить проблему соразмерности количества членов территориальной комиссии, на которую в связи с ликвидацией возложены функции муниципальной комиссии и ее аппарата.

Это связано с тем, что традиционно территориальные комиссии выполняют достаточно большой объем работы. Закрепление в российском законодательстве единого дня голосования для выборов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления сделало возможным ситуацию, когда территориальная избирательная комиссия одновременно участвует в проведении нескольких избирательных кампаний. Например, при проведении выборов депутатов Законодательного собрания Новосибирской области и Совета депутатов города Новосибирска в 2020 году на территориальную избирательную комиссию Ленинского района города Новосибирска, которая состоит из 14 членов с правом

решающего голоса¹³, были возложены полномочия 14 окружных избирательных комиссий (4 — по областным¹⁴ и 10 по городским выборам¹⁵).

Если бы образовывались окружные избирательные комиссии, то выборы на территории Ленинского района города Новосибирска могли организовывать и проводить от 96 до 168 членов избирательных комиссий с правом решающего голоса¹⁶. Вследствие этого выполнение одной территориальной избирательной комиссией полномочий нескольких избирательных комиссий не только не способствует реализации ее полномочий по защите прав отдельных кандидатов, но и накладывает негативный отпечаток на сам процесс реализации охраняемых законом интересов корпуса избирателей в целом. Фактически можно вести речь о парадоксальной ситуации, описанной в работе А.В. Малько и В.В. Субочева [7, с. 211–212] и в нашем контексте сводимой к следующему: избирательная комиссия, выполняющая возложенные на нее функции, обязывающие реализовывать публичные интересы и стоять на страже законных интересов участников избирательного процесса, не делает ни того ни другого, добиваясь осуществления именно «ведомственных» интересов. Ведомственные интересы в этом случае заключаются в необходимости провести выборы, результаты которых нельзя было бы отменить в предусмотренном законом порядке. Как демонстрирует избирательная практика, правоохранительная функция избирательных комиссий в этом случае отходит на второй план. Ее реализация начинается только после поступления заявления о правонарушении. Общеизвестно, что возбуждение дела по защите избирательных прав по инициативе избирательной комиссии является скорее исключением, чем правилом.

Как говорилось выше, некоторые представители общественности последствиями принятия Федерального закона от 14 марта 2022 года № 60-ФЗ называют усиление контроля за выборным процессом со стороны власти и потерю муниципальными советами контроля над выборами. Но если провести анализ порядка формирования избирательной

¹³ Постановление Избирательной комиссии Новосибирской области 30 ноября 2020 года № 71/601-6 «О формировании территориальной избирательной комиссии Ленинского района города Новосибирска» // URL: <http://novosibirsk.izbirkom.ru/dokumenty-izbiratelnoy-komissii/2202/45080/> (дата обращения: 30.08.2022).

¹⁴ Постановление Избирательной комиссии Новосибирской области от 21 мая 2020 года № 34/243-6 «О возложении полномочий окружных избирательных комиссий одномандатных избирательных округов по выборам депутатов Законодательного Собрания Новосибирской области седьмого созыва на территориальные избирательные комиссии Новосибирской области» // URL: <http://www.novosibirsk.izbirkom.ru/dokumenty-izbiratelnoy-komissii/2202/38266/> (дата обращения: 30.08.2022).

¹⁵ Постановление Избирательной комиссии Новосибирской области от 21 мая 2020 года № 34/244-6 «О возложении полномочий окружных избирательных комиссий одномандатных избирательных округов по выборам депутатов Совета депутатов г. Новосибирска седьмого созыва на территориальные избирательные комиссии районов города Новосибирска» // URL: <https://izbirkom.novosibirsk.ru/munitsipalnye-vybory-i-referendумы/vybory-13-sentyabrya-2020-goda/okruzhnye-izbiratelnye> (дата обращения: 30.08.2022).

¹⁶ В соответствии с п. 4. ст. 8 Закона Новосибирской области от 17 июня 2006 г. № 19-ОЗ «Об избирательных комиссиях, комиссиях референдума в Новосибирской области» окружные комиссии формируются в количестве восьми-двенадцати членов комиссии с правом решающего голоса.

комиссии муниципального образования, то можно увидеть, что она изначально, как и территориальные избирательные комиссии, включалась в систему публичной власти и фактически являлась элементом системы управления избирательным процессом, который находится под контролем ее органов.

Согласно статье 24 Закона об основных гарантиях формирования избирательной комиссии муниципального образования осуществляется представительным органом муниципального образования на основе предложений политических партий, выдвинувших списки кандидатов, допущенные к распределению депутатских мандатов в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, законодательном (представительном) органе государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации, политических партий, выдвинувших списки кандидатов, которым переданы депутатские мандаты в соответствии с законом субъекта Российской Федерации, предложений других политических партий и иных общественных объединений.

Законодательное закрепление участия в процедуре формирования муниципальных избирательных комиссий как органов публичной власти, так и общественных объединений изначально закладывало двойственную природу этих органов. С одной стороны, формирование избирательных комиссий соответствующими субъектами на основе предложений политических партий и иных общественных объединений способствует отражению в природе избирательных комиссий общественной составляющей. Фактически происходит формирование общественного органа, к функциям которого относятся как проведение местных выборов, так и осуществление общественного контроля за их законностью, что повышает ответственность лиц [8, с. 28–31], участвующих в избирательной кампании. С другой стороны, формирование избирательной комиссии представительным органом муниципального образования включало избирательные комиссии в систему органов публичной власти.

Возможность участия в формировании избирательных комиссий политических партий и иных общественных объединений, которые должны отразить в их природе общественную составляющую, минимизируется правом соответствующего представительного органа назначить в комиссию любых лиц из списка предложенных. Не является ограничением данного права и закрепленная законодательством обязанность соответствующего органа назначить членами комиссий лиц, предложенных вышестоящими избирательными комиссиями и политическими партиями, допущенными к распределению депутатских мандатов в соответствующем представительном органе. Фактически данное положение направлено на включение в состав избирательных комиссий представителей тех политических партий и иных общественных объединений, которые уже институционализированы во властную вертикаль органов публичной власти.

Вышеизложенное позволяет критически относиться к получившему широкое распространение мнению о том, что чиновники всех уровней, представленные ими отдельные органы аппарата находятся «вне политики» и «политикой не интересуются», то есть избирательные комиссии муниципальных образований, их члены независимы в своих действиях и решениях. По мнению Е.М. Крупеня и И.Г. Смолиной [9, с. 70], этот подход находит отражение в пункте 12 статьи 20 Закона об основных гарантиях, согласно которому избирательные комиссии в пределах своей компетенции независимы от органов государственной власти и органов местного самоуправления. В связи с этим на деятельность избирательных комиссий формально не может оказывать влияние партийно-политическая составляющая органов государственной власти и органов местного самоуправления. И.Г. Смолина отмечает, что избирательные комиссии и сотрудники их аппарата, деятельность которых имеет публичный характер, практически лишь осуществляют взаимосвязь между обществом и органами государственной власти, органами местного самоуправления и обеспечивают легитимность, аутентичность и честность выборов [10, с. 14–15].

Подобное толкование положения пункта 12 статьи 20 Закона об основных гарантиях нельзя признать полностью верным. Политическая основа деятельности избирательных комиссий заложена в процедуре их формирования. Персональный состав избирательных комиссий определяется политической составляющей представительных органов, которые принимают участие в их формировании. Политизированность муниципальных избирательных комиссий как органов, реализующих функцию подготовки и проведения местных выборов, подтверждает и то, что члены избирательных комиссий с правом решающего голоса в случае наличия членства в политической партии, их назначившей, не приостанавливают его на период работы в избирательной комиссии. Фактически они сохраняют связь с партийным руководством, которому на основании устава партии должны подчиняться.

В заключение можно отметить, реформа избирательной системы, проведенная в марте 2022 года, не окажет существенного влияния на организацию и проведение местных выборов. Они, как и ранее, будут проводиться в опоре на основополагающие принципы российской избирательной системы, в том числе на принципы самостоятельности и независимости избирательных комиссий. Ведь требования к проведению выборов, соблюдение которых придает им демократический характер и делают электоральные результаты легитимными [11, с. 95], не изменились.

Исключение из российской избирательной системы муниципальных избирательных комиссий не повлечет минимизацию ее эффективности и демократичности. Территориальные избирательные комиссии, хотя и не являются частью муниципальной избирательной системы, но как было отмечено выше, традиционно принимали достаточно активное участие в организации и проведении муниципальных выборов.

Формирование территориальных избирательных комиссий как комиссий, организующих выборы органов местного самоуправления избирательными комиссиями субъектов Российской Федерации, не внесет существенные изменения в политико-общественную составляющую организации избирательного процесса. Это связано с тем, что формирование территориальных и муниципальных комиссий происходит на основе предложений одних и тех же субъектов, закрепленных в статье 22 Закона об основных гарантиях.

До последнего времени муниципальная избирательная система России фактически была представлена двумя разновидностями. В ряде субъектов Федерации местные выборы приводились муниципальными избирательными комиссиями, в других — территориальными. Это стало возможным в силу реализации в течение последних десятилетий в отношении статуса муниципальных избирательных комиссий определенной модели правового регулирования. К сожалению, это не позволило им закрепиться в качестве полноценного органа муниципальной избирательной системы, что и привело, в конечном счете, к их исключению из отечественной избирательной системы.

Список литературы

1. Гумашвили Л.Э. К вопросу об основах статуса избирательных комиссий муниципальных образований // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2015. № 3.
2. Костюков А.Н. Муниципально-правовая политика и ее метаморфозы // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 6.
3. Костюков А.Н. Российская муниципально-правовая политика. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2012. 318 с.
4. Шугрина Е.С. Некоторые организационно-правовые проблемы в работе избирательных комиссий в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 1.
5. Белоусова Е.В. Избирательная комиссия муниципального образования — муниципальный орган с неопределенным статусом // Российский юридический журнал. 2010. № 4.
6. Фадеев В.И., Рауткина Н.И., Миронов Н.М. Муниципальные выборы в Российской Федерации. М.: Норма, 2006. 368 с.
7. Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр ПРЕСС», 2004. 357 с.
8. Шерстобоев О.Н. Общественный контроль в системе государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 4.
9. Крупеня Е.М., Смолина И.Г. Правовая культура избирательного процесса: персоноцентристский анализ. М.: Университетская книга, 2012. 276 с.
10. Смолина И.Г. Правовая культура избирательного процесса в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.
11. Черепанов В.А. Проблемы российской государственности. Опыт системного исследования. М.: Норма, ИНФРА-М, 2018. 336 с.

В.И. ЕРЫГИНА
А.А. ЕРЫГИН

ГОЛОСОВАНИЕ ПО ПОЧТЕ КАК ВИД ДИСТАНЦИОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ НА ВЫБОРАХ В ОРГАНЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

***Аннотация.** В статье рассмотрено голосование по почте как вид дистанционного голосования, альтернативный традиционному способу голосования. Особенность этого вида дистанционного голосования состоит, во-первых, в выражении мнения избирателя удаленно, — с применением бюллетеней и конвертов, полученных им по почте от соответствующей избирательной комиссии. Во-вторых, при отсутствии внешнего контроля данная процедура голосования подвержена рискам фальсификаций с участием третьих лиц, что может спровоцировать искажение реального волеизъявления избирателей; сопровождается латентными нарушениями избирательного законодательства, которые можно выявить уже на стадии подведения итогов. В-третьих, в России голосование по почте не получило пока достаточного распространения для научного обобщения и практических выводов. Поэтому, опираясь на опыт США и ряда европейских стран, можно делать прогнозы о перспективах использования данной формы голосования лишь как возможной альтернативы при невозможности других способов волеизъявления в экстремальных ситуациях, на удаленных территориях и при отсутствии других средств связи, Интернета или помещений для голосования.*

***Ключевые слова:** голосование по почте, выборы, избирательные комиссии, избиратели, дистанционное голосование, органы публичной власти, избирательное законодательство, зарубежный опыт.*

VOTING BY MAIL AS A TYPE OF REMOTE VOTING IN ELECTIONS TO PUBLIC AUTHORITIES

***Abstract.** The article considers voting by mail as a type of remote voting, an alternative to the traditional method of voting. The peculiarity of this type of remote voting is, firstly, in expressing the opinion of the voter remotely, using ballots and envelopes received by him*

ЕРЫГИНА Виктория Ивановна — кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, преподаватель Инжинирингового колледжа Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород

ЕРЫГИН Алексей Алексеевич — кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород

by mail from the relevant election commission. Secondly, in the absence of external control, this voting procedure is subject to the risks of fraud involving third parties and aimed at distorting the real will of voters; accompanied by latent violations of the electoral legislation, which can be identified already at the stage of summing up the results. Thirdly, in Russia, voting by mail has not yet received sufficient distribution for scientific generalization and practical conclusions. Therefore, based on the foreign experience of the United States, several European countries, today it is possible to make predictions about the prospects for using voting by mail only as a possible alternative in the absence of other methods of voting in extreme situations, in remote areas, in the absence of other means of communication, the Internet or voting premises.

Keywords: *voting by mail, elections, election commissions, voters, remote voting, public authorities, electoral legislation, foreign experience.*

Актуальность исследования голосования по почте обусловлена двумя причинами. Во-первых, в ноябре 2022 года состоялись выборы в Конгресс Соединенных Штатов Америки, которые вновь показали несовершенство избирательной системы в связи с применением голосования по почте. Получилось так, что максимальное количество американцев проголосовало по почте, несмотря на то, что, по мнению республиканцев, такой способ считается наиболее опасным для выборов ввиду возможности фальсификаций [1]. Во-вторых, голосование по почте — один из способов досрочного голосования, применяемый наряду с традиционным голосованием на избирательном участке. Для россиян этот способ считается новым с учетом того, что он был нормативно установлен на федеральном уровне сравнительно недавно — в мае 2020 года, — в связи с принятием Федерального закона № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹.

Голосование по почте — это голосование, которое предусматривает пересылку избирателям бумажных бюллетеней для их заполнения, а затем отправку уже заполненных бюллетеней назад в избирательную комиссию. Данный вид волеизъявления уже давно применяется в зарубежных странах. Первое голосование по почте состоялось в период Гражданской войны (1861–1865) в США во время выборов президента в 1864 году: поскольку солдаты не могли прибыть на избирательные участки, они передавали свои избирательные бюллетени обычной почтой членам семей, а последние передавали их избирательной комиссии.

Военными обстоятельствами было вызвано введение голосования по почте и в Великобритании, где в 1943–1944 годах было принято несколько актов, предусматривающих право военнослужащих и некоторых категорий граждан, отбывающих наказание за государственные провинности, голосовать по почте.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.05.2020 № 154-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353206/.

В середине 1990-х годов число голосующих по почте в мире достигло 10 процентов. А в отдельных странах этот показатель был еще выше, например, в ФРГ он достигал 14 процентов, а в Великобритании — 20 процентов. В 2001 году в Великобритании из-за эпидемии ящура были приняты карантинные меры, одной из которых явилось решение об использовании почтового голосования на выборах, чтобы исключить возможность заражения граждан на избирательных участках [2].

Сегодня голосование по почте используется в некоторых штатах США, Швейцарии, Норвегии, Великобритании, Дании, Швеции, Австрии, Германии, Эстонии, Литвы, Латвии, Нидерландах, Финляндии, а также на выборах в Европарламент с 2004 года. В 2017 году на выборах в Бундестаг ФРГ с помощью почты проголосовало 30 процентов избирателей [3].

Правда, присутствует и другая сторона «медали»: на президентских выборах в США 2020 года доля фальсификаций с использованием этого способа голосования (двойное голосование или голосование за умершего) составила квоту в 0,0025 процента, или в абсолютных цифрах 376 из 14,6 млн, присланных по почте бюллетеней. Сегодня в Соединенных Штатах голосуют по почте в основном люди с ограниченными возможностями или те, кто не может проголосовать по месту жительства. В некоторых штатах проголосовать по почте может любой желающий [4].

Председатель ЦИК России Э.А. Памфилова считает, что голосование по почте в США создает массу лазеек для возможных фальсификаций на выборах, включая неоднократное голосование, пропажу «неудобных» бюллетеней, засилье «мертвых душ», отсутствие системного контроля за всем процессом голосования по почте и многие другие. Поэтому было принято решение отказаться от этого способа голосования в России [5].

В Норвегии способ голосования по почте считается одним из самых либеральных. Для голосования норвежские избиратели используют три конверта, вкладывая один в другой. Вначале на листе бумаги пишут, за какого кандидата или политическую партию они голосуют, затем складывают его в первый конверт. На втором конверте избиратель пишет свою фамилию, имя, отчество, дату рождения, адрес и вкладывает в него первый конверт. И наконец, второй конверт запечатывается в третий, на котором пишется адрес избирательной комиссии соответствующего муниципалитета (общины), наклеивается марка и относится на почту. В.И. Лысенко определил, что в Норвегии голосование по почте предусмотрено лишь для зарубежных норвежских избирателей (при определенных условиях) [6].

В Своде руководящих норм при проведении выборов, принятых Венецианской комиссией на 51-й пленарной сессии 5–6 июля 2002 года, содержатся рекомендации странам Совета Европы использовать голосование по почте лицам, находящимся в больницах, в заключении, инвалидам с нарушением опорно-двигательного аппарата, а также избирателям, пребывающим за границей [7].

* * *

Рассмотрим порядок голосования по почте в России. Полномочиями по определению порядка голосования по почте была наделена Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. В 2003 году ею было принято постановление, которым был утвержден Временный порядок голосования по почте при проведении выборов в органы государственной власти субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления [8].

Голосование по почте применялось еще в 2003 году на выборах губернатора Свердловской области, по результатам которых с помощью почты проголосовало 94 человека или 0,0086 процента от участвовавших в выборах. В том же году в Ярославской области был проведен мини-эксперимент: пяти избирателям по почте были высланы бюллетени для заполнения, однако назад вернулись только четыре бюллетеня. В 2004 году на выборах в Ярославской области из четырех бюллетеней, направленных избирателям по почте, вернулись только три. А на выборах в Свердловской области в 2004 году из почти двух миллионов избирателей по пропорциональной системе по почте проголосовали только 11 человек, а по мажоритарной системе — 16 человек.

В 2011 году ЦИК России приняла постановление «О временном порядке голосования по почте при проведении выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, референдума субъекта Федерации, местного референдума» [9], согласно которому голосование по почте может применяться только в случае, если оно предусмотрено региональным законом, и избиратель не может лично прибыть на избирательный участок.

Данный вид голосования был предусмотрен законами Санкт-Петербурга, Тюменской, Мурманской, Ярославской и Свердловской областей. Однако два последних региона отменили голосование по почте. В 2011 году голосование по почте проводилось на выборах депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга пятого созыва. По почте избирателям было выслано 2,5 тыс. бюллетеней, а назад в участковые избирательные комиссии по почте поступило 1564 бюллетеня, что составило около 0,08 процента от общего числа бюллетеней, признанных действительными [10]. Итак, голосование по почте проводилось в нескольких субъектах Российской Федерации на региональных выборах, но затем из-за недоверия граждан и дополнительных проблем для избирательных комиссий оно было отменено из-за неэффективности.

Недовольны были системой голосования по почте оппозиционные политические силы, в частности, петербургские отделения политических партий Справедливая Россия и «Яблоко», которые обращались в правоохранительные органы и ЦИК России с жалобами на нарушения в ходе почтового голосования и факты давления на избирателей. В результате Избирательная комиссия Санкт-Петербурга отменила решение о рассылке

по почте 3800 бюллетеней, принятое территориальной избирательной комиссией № 1 Адмиралтейского района. Не сформировалось единого мнения о почтовом голосовании и среди ученых и практиков [11].

Прежде всего данный способ голосования порождает сомнения в достоверности волеизъявления избирателей, ведь слишком много посредников могут быть при отправлении и получении почтового сообщения: почтальоны, водители и, наконец, члены избирательных комиссий. В литературе было высказано мнение о том, что голосование по почте создает широкие возможности для мошенничества, подтасовки голосов, голосования за умерших. А.Н. Чашин высказывает довольно обоснованные опасения относительно последствий введения института почтового голосования [12, с. 16–17].

Существуют и сторонники данного вида голосования, к которым относится А.А. Аршинов, считающий, что этот способ голосования заменяет досрочное голосование и институт открепительного удостоверения [2, с. 99].

В связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19 23 мая 2020 года были приняты поправки в Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», согласно которым избиратели могут проголосовать как дистанционно с использованием портала «Госуслуги», так и по почте (п. 14 ст. 64), чтобы не допустить массового скопления населения на избирательном участке и распространения заболевания.

В этой связи мы разделяем позицию Н.С. Чимарова, полагающего, что голосование по почте можно использовать только как дополнительный или альтернативный способ голосования в условиях экстраординарной ситуации, связанной с невозможностью избирателя принять непосредственное участие в выборах и лично подать избирательный бюллетень. Эффективность голосования по почте зависит от качественной и бесперебойной работы почтовой службы, стремления членов избирательных комиссий к добросовестному выполнению своих полномочий в соответствии с избирательным законодательством, которое должно отвечать современным требованиям реализации избирательных прав граждан [13, с. 24].

При голосовании по почте возникает ряд трудностей, с которыми избирателям непросто справиться. Так, согласно пункту 1.4 абзаца 3 Временного порядка голосования по почте, если избиратель по состоянию здоровья сам не может поставить свою подпись и дату ее внесения, указанные сведения может внести другое лицо, которому избиратель поручает это сделать. При этом данное поручение должно быть оформлено нотариально или удостоверено командиром воинской части, либо администрацией стационарного лечебно-профилактического учреждения, либо администрацией учреждения, где находятся под стражей подозреваемые или обвиняемые. В абзаце 5 того же пункта говорится о том, что при письменном обращении избирателя в территориальную избирательную комиссию по почте также требуется нотариально засвидетельствованная подпись избирателя, иначе

бюллетень избирателю направлен не будет. Избирателю также необходимо предоставить документы в избирательную комиссию, подтверждающие причину неявки избирателя на избирательный участок. Если избирательная комиссия посчитает причину неуважительной, бюллетень избирателю не будет направлен. Письменное обращение избирателя может быть отправлено по почте или передано им лично в избирательную комиссию.

Избирательная комиссия, организующая выборы, информирует избирателей о том, как и в какие сроки необходимо направить письменное обращение в соответствующую территориальную избирательную комиссию, и указывает ее адрес. Также комиссия сообщает избирателям, в какую комиссию им необходимо отправить заполненный бюллетень с пометкой «Голосование по почте». Вместе с бюллетенем избирательная комиссия направляет избирателю Памятку о порядке заполнения бюллетеня, информационный материал о кандидатах, избирательных объединениях. Заполнив бюллетень, избиратель вкладывает его в чистый конверт без надписей. Затем этот чистый конверт вкладывается в другой конверт с отметкой «Голосование по почте» и с адресом участковой (территориальной) избирательной комиссии. Далее избиратель запечатанный конверт с указанием своего адреса, фамилии, имени и отчества отправляет заказным письмом в почтовом отделении.

В день выборов председатель участковой избирательной комиссии перед началом голосования должен проинформировать присутствующих членов комиссии и наблюдателей о количестве бюллетеней, выданных для голосования по почте территориальной избирательной комиссией и полученных участковой избирательной комиссией. Если избиратель, отправивший ранее письменное обращение о голосовании по почте, захочет проголосовать лично на избирательном участке, избирательная комиссия должна предоставить ему такую возможность. В таком случае бюллетень, ранее направленный избирателю по почте, не подлежит учету, о чем соответствующая избирательная комиссия составляет акт. После завершения голосования поступившие по почте бюллетени помещаются в стационарный ящик.

Голосование по почте допускается в том случае, если нет возможности использовать другой способ голосования: голосование на избирательном участке, досрочное голосование, голосование по открепительному удостоверению или дистанционное электронное голосование. Голосование по почте можно рассматривать как разновидность досрочного голосования или заочное голосование. Процедура почтового голосования предусмотрена законами ряда субъектов Российской Федерации: Свердловской, Тюменской, Мурманской, Ярославской областей². Однако широкого распространения данный способ голосования не получил, хотя за рубежом он активно применяется.

² Избирательный кодекс Свердловской области ст. 82 п. 16. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802002042>; Избирательный кодекс Тюменской области ст. 67 п. 11. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802032834>; О выборах Губернатора Мурманской области: Закон Мурманской области от 6 июля 2012 года № 1496-01-ЗМО ст. 49 п. 19; Закон Мурманской области о выборах депутатов

Таким образом, в Российской Федерации голосование по почте может применяться на региональных и местных выборах. Существует ряд ограничений для использования данного способа голосования. В частности, это право не предоставляется гражданину, если он может проголосовать вне помещения для голосования, по месту временного пребывания, по открепительному удостоверению, или досрочно проголосовать на муниципальных выборах.

Список литературы

1. Выборы в Конгресс США завершились: первые итоги войны партий // Телевизионный канал РЕН ТВ [сайт]. URL: <https://ren.tv/longread/1043919-vybory-v-kongress-ssha-zavershilis-pervye-itogi-voiny-partii> (дата обращения: 09.11.2022).
2. Забайкалов А.П. Процедуры голосования в избирательном процессе: современное состояние и перспективы развития: монография / А.П. Забайкалов. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. 248 с.
3. Что не так с голосованием по почте: опыт США, России и Европы // Телекомпания НТВ [сайт]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2475201> (дата обращения: 12.09.2022).
4. Задорожный М. Почта как часть избирательной системы в США // Сетевое издание BFM.ru [сайт]. URL: <https://www.bfm.ru/news/457300> (дата обращения: 23.09.2022).
5. Памфилова: голосование по почте в США открывает «необъятные просторы» для фальсификаций // Информационное агентство России ТАСС [сайт]. URL: <https://tass.ru/politika/9945517> (дата обращения: 24.09.2022).
6. Лысенко В.И. Парламентские выборы в Норвегии 13 сентября 2021 года // Российский фонд свободных выборов [сайт]. URL: <http://www.rfsv.ru/education/obuchenie/parlamentskie-vybory-v-norvegii-13-sentiabria-2021-goda> (дата обращения: 08.09.2022).
7. Свод руководящих норм при проведении выборов (приняты Венецианской комиссией на 51-й пленарной сессии, Венеция, 5–6 июля 2002 года) / Проведение выборов: Европейские стандарты и процедуры оценки / Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2003. № 26. URL: http://www.council.gov.ru/inf_sl/bulletin/item/34/index.html (дата обращения: 14.09.2022).
8. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 7 августа 2003 № 20/144-4 «О временном порядке голосования по почте при проведении выборов в органы государственной власти субъекта Российской Федерации и органы местного самоуправления» // Предпринимательское право [сайт]. URL: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_84600.html (дата обращения: 08.09.2022).
9. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 5 октября 2011 г. № 41/353-6 «О Временном порядке голосования

Мурманской областной Думы от 22 июня 2011 года № 1364-01-ЗМО п. 19 ст. 55; О внесении изменений в Закон Ярославской области «О выборах в органы государственной власти Ярославской области и органы местного самоуправления муниципальных образований Ярославской области»: Закон Ярославской области от 07.04.2021 № 20-з. ст. 81 п. 18. URL: <http://yarduma.ru/activity/laws/z21020>.

по почте при проведении выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, референдума субъекта Российской Федерации, местного референдума». Приложение. Временный порядок голосования по почте при проведении выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, референдума субъекта Российской Федерации, местного референдума // ЭПС «Система ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/55172303/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 09.09.2022).

10. Козлова Д. Удаление выборов. Зачем Госдума экстренно узаконила дистанционные форматы голосования // Новая газета [сайт]. URL: <https://povayaagazeta.ru/articles/2020/05/13/85362-udalenie-vyborov> (дата обращения: 23.09.2022).
11. Метелкина С.С. Перспективы применения голосования по почте в России // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2016/08/16141> (дата обращения: 02.06.2022).
12. Чашин А.Н. Дистанционное голосование: pro et contra // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 3.
13. Чимаров Н.С. Особенности реализации конституционного избирательного права при голосовании по почте: риски и преимущества // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 62–17.

СТРИМИНГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В НАБЛЮДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ЗА ВЫБОРАМИ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЧНОСТИ

***Аннотация.** В статье представлен взгляд на возможности применения инновационных информационно-коммуникативных технологий (стриминга) в процессе наблюдения за ходом политических выборов с целью повышения их транспарентности и легитимности. Утверждается необходимость использования потенциала цифровых электоральных коммуникаций для повышения степени политического участия молодого поколения и дальнейшего развития принципов публичности в современном российском обществе.*

***Ключевые слова:** избирательный процесс, легитимность выборов, политическая публичность, институт наблюдения за выборами, абсентеизм молодежи, цифровизация, инновационные информационно-коммуникативные технологии, социальные сети, технологии стриминга.*

STREAMING TECHNOLOGIES IN THE ELECTION OBSERVATION PROCESS: NEW HORIZONS OF POLITICAL PUBLICITY

***Abstract.** The article presents a look at the possibilities of using innovative information and communication technologies (streaming) in the process of monitoring the course of political elections to increase their transparency and legitimacy. It is necessary to use the potential of digital electoral communications to increase the degree of political participation of the younger generation and further develop the principles of publicity in modern Russian society.*

***Keywords:** electoral process, election legitimacy, political publicity, election observation institute, youth absenteeism, digitalization, innovative information and communication technologies, social networks, streaming technologies.*

В современном мире комплекс факторов, под воздействием которых развиваются политические процессы, рассматривается в горизонте проблемы политической публичности. Вместе с тем состояние публичного пространства является одним из важнейших параметров существования демократической политической системы и развитого гражданского общества. Демократическое

СЕМЕНОВ Евгений Евгеньевич — кандидат политических наук, доцент, директор научно-образовательного «Центра анализа социально-политических процессов и экспертного обеспечения публичного управления» НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород

гражданство, проявляющееся в равномерном включении свободных и равных граждан в политическое сообщество, независимая политическая публичность, как сфера свободного формирования мнения и волеизъявления образуют институциональные рамки современных демократий [1, с. 113]. Важнейшим инструментом осуществления функции политической публичности выступают демократические выборы, их институциональные характеристики, социально-исторический опыт, особенности национального политического сознания. Важнейшие сдвиги в развитии электорального процесса связаны с появлением институтов наблюдения за выборами как формы проявления гражданской культуры, ведущей к развитию мониторинговой демократии. По определению Д. Кина, институты мониторинга вошли в архитектуру демократии и изменили язык современной политики, позволили гражданам публично заявлять о себе в общественной жизни [2].

Становление и развитие института наблюдателей в России, в том числе общественных наблюдателей, основная функция которых заключается в контроле за соблюдением законности избирательных процедур и избирательных прав граждан, стали формой, нацеленной на повышение легитимности выборов. Роль института наблюдателей в электоральном процессе получила свою рецепцию в отечественных научных исследованиях, в русле которой наблюдение в ходе избирательного процесса признается ценным инструментом на пути к улучшению качества выборов [3, с. 121–130], средством совершенствования гражданского общества современной России [4, с. 158–163]; способом повышения легитимности избирательного процесса в России [5]. Общественный контроль выступает и как воздействующая сила, и как честный и открытый диалог с властью [6, с. 41–45]. Кроме того, рассматриваются различные виды участия граждан в осуществлении управления делами государства в электронной форме в рамках электронной демократии, в том числе в виде общественного контроля [7].

Предметом анализа данной статьи являются аспекты деятельности института наблюдателей, связанные с информационно-коммуникативной стороной обеспечения процедуры наблюдения.

Цель статьи — обоснование инновационных информационно-коммуникационных технологий как значимого инструмента в повышении прозрачности и легитимности процесса наблюдения на выборах и одним из способов решения проблемы электорального абсентеизма современной молодежи.

Инструментом обеспечения общественного контроля в соответствии с Федеральным законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» призваны служить информационно-коммуникационные технологии и формы электронной коммуникации, осуществляемой на специальных сайтах, официальных сайтах органов государственной власти,

органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций [8]. Возможности, заложенные в Законе, позволяют активно использовать информационные технологии, но практика показывает, что несмотря на возросший уровень доверия граждан к результатам выборов, декларированные технологические возможности еще далеко не полностью реализуются на выборах регионального уровня. Несмотря на то, что уровень доверия к честности региональных выборов в 2022 году, по данным ВЦИОМ, вырос по сравнению с показателями 2020 года, обращает на себя внимание доля респондентов, которые слышали о выборах впервые (16%), затруднились ответить, были ли нарушения в ходе выборов (13%), и в какой мере можно доверять результатам местных выборов в регионе (11%) [9].

Вместе с тем потенциал цифровых электоральных коммуникаций в современном мире возрастает. Продолжается цифровизация всех сфер жизнедеятельности современного общества, определяющая множественные процессы социальной трансформации, в том числе значительные изменения в политической коммуникации. Во многом это сказалось на современных контурах электоральных процессов.

Захватывая все большую долю в процессах социального взаимодействия, онлайн-коммуникация существенно изменила медиаландшафт, стала важным инновационным инструментом в предвыборных кампаниях, выявив роль социальных сетей и коммуникативных онлайн-площадок. Несмотря на то, что это влияние осознается в современных социогуманитарных исследованиях с различных позиций, выявлен немалый коммуникативный ресурс инновационных медиаплатформ. Они обеспечили стремительный рост сетевых форм социального устройства, которые, по утверждению ведущего современного социолога М. Кастельса, стали социальной морфологией общества, влияющей на все, — от производственных процессов до индивидуального опыта, власти и культуры. Сетевое общество представляет собой многомерную социальную структуру, в которой сети различного рода обладают разными логиками формирования ценностей. С течением времени благодаря развитию коммуникационных технологий возрастает способность сетей включать в процесс социальной организации новых акторов и новый контент [10, с. 45]. В качестве такого актора ныне рассматривается «журналистика участия», которая развивается в сетевых коммуникациях, выступает новой влиятельной силой в процессе новостной работы, выявившей необходимость решения проблемы доверия в цифровых средах, и обращается как к институциональному, так и к межличностному доверию [11].

Исследователи социальных сетей уже давно признали, что платформы эти обеспечивают немедленную, интерактивную, высоко персонализированную коммуникацию, создаваемую непрофессионалами, готовыми трудиться коллективно и бесплатно, что доказывается использованием программного

обеспечения и приложения с открытым исходным кодом, которые являются примерами такой работы. Эта тенденция указывает на формирование логики сетевых СМИ, в которой контент выбирается рефлексивно с учетом индивидуализации и максимизации внимания, а не с учетом новостных ценностей профессиональных СМИ [12]. Вместе с тем новые технологии предоставили возможность практически неограниченного увеличения числа точек входа в Сеть, что создает как возможности, так и риски в развитии электоральной коммуникации. Первый аспект представляет возможность значительного расширения аудитории, включенной в выборы.

Анализ современных российских социогуманитарных исследований показывает, что одной из важнейших проблем, волнующих государство, политических деятелей и общество, являются вопросы политической включенности молодых избирателей в процесс выборов [13]. Анализ оценок тенденций электоральной активности российской молодежи и факторов, влияющих на ее динамику, выявил разные исследовательские позиции. С одной стороны, опровергается стереотип о низкой степени вовлеченности молодежи в политическую жизнь, в том числе в электоральные процессы [14], выявляются общественно-политические и технологические факторы, которые оказывают влияние на повышение электорального участия российской молодежи [15]. На другом полюсе — данные социологического исследования, свидетельствующие о том, что российская молодежь, как и в большинстве стран мира, «в большей степени сосредоточена на проблемах, не связанных с политикой» [16], а также утверждение о высоком уровне электорального абсентеизма в молодежной среде, что порождает необходимость поиска новых управленческих механизмов, которые смогут обеспечить активизацию политического поведения молодежи [17].

Проблемы молодежного абсентеизма и пути их преодоления, влияние электронных СМИ на участие молодых граждан в электоральных процессах стали предметом анализа на заседании международного «круглого стола», прошедшего после выборов в сентябре 2022 года в РГПУ им. А.И. Герцена [18]. Неосведомленность о том, что представляет собой институт выборов, каковы его функции в обществе, трудно преодолимые пороги как результат малой информированности молодежи отмечаются и в зарубежных научных статьях [19]. Если обобщить пути решения проблемы, которые предлагают отечественные и зарубежные исследователи, то их фокус сходится на задаче анализа способов трансляции политической информации для молодежи, необходимости учитывать для активизации ее участия в выборах многоплатформенность современной медиатизированной коммуникации [20; 21]. Технологии социальных сетей, инновационные информационные экосистемы демонстрируют важность коммуникативных форм действия для будущего политического участия и совместных действий молодежи [22].

Проведенный анализ проблемы вовлеченности молодого поколения в электоральный процесс стал обоснованием для разработки и проведения инновационного информационно-коммуникативного проекта, реализованного в ходе осуществления процедуры мониторинга реализации избирательных прав граждан на выборах в органы местного самоуправления Нижегородской области. Проект был организован Ситуационным центром Общественной палаты Нижегородской области, координирующим работу общественных наблюдателей, и НОЦ «Центр анализа социально-политических процессов и экспертного обеспечения публичного управления» совместно с кафедрой международной журналистики НГЛУ им. Н.А. Добролюбова.

Целеполагание проекта, получившего название «Стрим-студия «НаблюдательНО» (Наблюдатель Нижегородской области), было направлено на формирование в общественном мнении, особенно у молодежной аудитории, устойчивого представления о выборах как о прозрачном, динамичном и легитимном процессе. Основным коммуникативным инструментом проекта стала технология стримингового (потокowego) вещания, сервисы которого уже начали составлять конкуренцию в борьбе за молодежный сегмент информационного рынка. При формировании инструментально-технологического комплекса проекта были учтены преимущества новых вещательных платформ, которые в отличие от традиционных моделей телевещания, обладают возможностями создания не только нового контента, но и нового характера медиапотребления аудитории. Он создается посредством форм нарратива, позволяющих расширить смысловой контекст, принести больше значимых деталей, обратить внимание на сопутствующие освещаемым событиям и проблемам интересные факты. Инновационные коммуникационные платформы открывают горизонты нового медиакультурного опыта, который расширяет возможности коммуникаций и вместе с тем «сжимает» пространство, создает ощущение близости любой точки современного мира [23, с. 221]. Перед организаторами стояла задача говорить о политике на языке современных технологий — языке молодежи, включить молодых людей в текущие политические избирательные процессы.

Работа стрим-студии «НаблюдательНО» состояла в проведении открытой многочасовой онлайн-трансляции, осуществленной на базе аккаунта Общественной палаты Нижегородской области «Вконтакте» в единый день голосования 11 сентября 2022 года. Участниками стрима (онлайн-трансляции) стали общественные наблюдатели из различных районов Нижегородской области, члены Общественной палаты региона, журналисты, электоральные эксперты, представители политических партий, общественных и других организаций, аффилированных к избирательному процессу. Из общественных наблюдателей и журналистов местных (районных) СМИ

была создана региональная сеть корреспондентов, обеспечившая контент для стримингового вещания о ходе выборов на аккаунте Общественной палаты Нижегородской области «ВКонтакте».

Методология проекта строилась на комплексном применении методов наблюдения, методов измерения (интернет-трафик) и методов анализа. В течение последних лет применение на выборах разных уровней технологий видеонаблюдения уже привело к значимым результатам в легитимации выборов. Вместе с тем методология применения видеотехнологий на избирательных участках, основанная на инструментарии «холодного», «невключенного наблюдения», в корне отлична от методологии, используемой в стриминговом вещании, где работают механизмы включенного наблюдения в рамках специально организованного события. Это коммуникативное событие развивается по своей логике, — у него есть своя драматургия, основанная на принципах интересубъективной коммуникации: в структуру события включались общественные наблюдатели, подписчики сайта и новые пользователи. В ходе трансляции шли активные диалоги в чате, которые ретранслировались ведущими в эфире. В реализованном проекте на видеосвязь со студией в прямом эфире выходили наблюдатели из разных районов Нижегородской области. Репортажи с мест были организованы журналистами профессиональных локальных медиа. Стрим-трансляция, длившаяся семь часов включила в себя 17 студийных интервью, 13 прямых включений с избирательных участков в различных районах области, показ специально подготовленного 5-серийного фильма «Муниципальные выборы XIX–XXI веков: история и современность», записанные накануне интервью с иностранными гражданами, давшими оценку значимости муниципальных выборов и важности процедуры наблюдения и прочее.

Учитывая установку привлечения молодежной аудитории во время трансляции, были использованы технологии геймификации: будущие журналисты — ведущие эфира — проводили тематическую викторину с интернет-пользователями, результаты которой были озвучены в конце эфирного дня.

Технологии стримингового вещания создали новый интерактивный опыт участия граждан в политической коммуникации, который продемонстрировал аудитории большие возможности субъектности в процессах электоральной коммуникации [24]. При анализе полученных эффектов был зафиксирован значительный рост количественных показателей потребления контента, выложенного на аккаунте Общественной палаты Нижегородской области в «ВКонтакте». Количество обращений пользователей к материалам стрима выросло в 60 раз, достигло шести тысяч просмотров и продолжает расти. Таким образом, посредством стримингового вещания была создана полиформатная, насыщенная событиями и живыми человеческими эмоциями форма интерактивной социальной коммуникации.

Выводы

В эпоху цифровизации современные методы репрезентации электорального процесса формируют технологические ответы на вызовы молодежного абсентеизма, способствуют привлечению новых сегментов аудитории и создают новые ниши в российском медиапространстве. Активное использование инновационных технологий позволяет интегрировать молодежь в электоральные процессы не в качестве объекта агитационного воздействия, а как равноправного субъекта политических коммуникаций. В то же время обращение к цифровому инструментарию в процессе наблюдения за выборами выявляет и новые проблемы, которые ставит усложняющееся цифровое коммуникативное пространство: формирование информационной компетентности наблюдателей; необходимость дальнейшей разработки моделей коммуникаций, направленных на работу с электоральными и молодежными аудиториями.

Рассматривать процедуру выборов в контексте прогноза на будущее электоральных процессов в цифровом обществе нам уже приходилось; речь шла о ритуальности публичной сферы и ее «переформатировании» в результате развивающихся виртуальных моделей коммуникации [25, с. 73–83]. Была предложена формула новой электоральной ритуальности, сохраняющей исторические черты «драмы на площади» в ее медиатизированном варианте, связанном с образной системой инновационных медиарепрезентаций. Высказанное в данной статье утверждение об эффективности использования модели стримингового вещания в процессе наблюдения на выборах развивает предложенную ранее идею анализа феномена публичности в ее современном цифровом воплощении и дает основу для дальнейшего размышления о ритуалах цифровой эпохи для новых поколений избирателей и формирует методическую и технологическую базу по повышению легитимности политических, в том числе электоральных процессов.

Список литературы

1. Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI / Пер. с нем. Б.М. Скуратова. М.: Весь мир, 2012. 160 с.
2. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 312 с.
3. Егорова А.В. Институт наблюдателей за выборами как фактор легитимации власти в современной России // Управленческое консультирование. 2019. № 5(125).
4. Стрелков А.А. Формирование института наблюдения за осуществлением избирательного процесса как средство совершенствования гражданского общества современной России // Вестник МГОУ. 2013. № 5. Т. 2.

5. Шалашова О.Н. Инструменты влияния системообразующих политических партий на повышение легитимности избирательного процесса в России // Управленческое консультирование. 2019. № 5(125).
6. Борисов И.Б. Общественный контроль — неотъемлемое звено легитимных выборов // Избирательное законодательство и практика. 2016. № 1.
7. Капранова Ю.В. Развитие общественного контроля на выборах как одного из элементов электронной демократии // ЮП. 2016. № 4(77).
8. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СПС Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_docLAW_165809/07456c843d33785f93daacf11a49a98c6eab94ec/.
9. Региональные выборы-2022 // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/regionalnye-vybory-2022> (дата обращения: 16.10.2022).
10. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
11. Aharoni, Tali & Tenenboim-Weinblatt, Keren & Kligler-Vilenchik, Neta & Boczkowski, Pablo & Hayashi, Kaori & Mitchelstein, Eugenia & Villi, Mikko. (2022). Trust-oriented affordances: A five-country study of news trustworthiness and its socio-technical articulations. *New Media & Society*. 146144482210963. 10.1177/14614448221096334.
12. Svensson, Jakob & Klinger, Ulrike. (2014). The Emergence of Network Media Logic in Political Communication. A Theoretical Approach. *New Media & Society*. 17. 10.1177/1461444814522952.
13. Русских Л.В., Сумина А.А. Абсентеизм как модель политического поведения // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/absenteizm-kak-model-politicheskogo-povedeniya> (дата обращения: 16.10.2022).
14. Ежов Д.А. Актуальные тенденции и факторы электоральной активности российской молодежи // АНИ: экономика и управление. 2018. № 3(24).
15. Пырма Р.В. Электоральное участие молодежи в выборах Президента России 2018 года // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 2(38).
16. Эксперты обсудили, как молодежь реализует избирательное право // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. URL: <https://grans.hse.ru/news/566320058.html> (дата обращения: 16.10.2022)
17. Моисеенко Н.А. Электоральное поведение молодежи: управленческий аспект // Экономика. Социология. Право. 2020. № 2(18).
18. Дискуссия «Участие в выборах как фактор правового просвещения и воспитания молодежи». URL: https://iacis.ru/novosti/institut_monitoringa_razvitiya_demokratii_mpa_sng/kruglij_stol_uchastie_v_viborah_kak_faktor_pravovogo_prosvesheniya_i_vospitaniya_molodezhz.

19. Ohme, Jakob & Marquart, Franziska & Kristensen, Lisa. (2019). School lessons, social media and political events in a get-out-the-vote campaign: successful drivers of political engagement among youth? *Journal of Youth Studies*. 23. 1–23. 10.1080/13676261.2019.1645311.
20. Çalışır, Gülsüm & Bayrak, Armağan. (2022). *New Generation Broadcasting: A Study on Streaming Platforms*. 10.5038/9781955833059.
21. Zannettou, Savvas & Caulfield, Tristan & De Cristofaro, Emiliano & Kourtellis, Nicolas & Leontiadis, Ilias & Sirivianos, Michael & Stringhini, Gianluca & Blackburn, Jeremy. (2017). The Web Centipede: Understanding How Web Communities Influence Each Other Through the Lens of Mainstream and Alternative News Sources. 405–417. 10.1145/3131365.3131390.
22. Vromen, Ariadne & Xenos, Michael & Loader, Brian. (2014). Young people, social media, and connective action: From organisational maintenance to everyday political talk. *Journal of Youth Studies*. 18. 80–100. 10.1080/13676261.2014.933198.
23. Кузнецова Е.И. Медиакультура XXI века в контексте развития инновационных технологий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4–2.
24. Pavlik, John & Bridges, Frank. (2013). The Emergence of Augmented Reality (AR) as a Storytelling Medium in Journalism. *Journalism & Communication Monographs*. 15. 4–59. 10.1177/1522637912470819.
25. Семенов Е.Е. Политическая публичная сфера: пространство ритуала // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2(20).

ЦЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ С УЧЕТОМ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ

Аннотация. В статье рассматриваются исторические аспекты государственного управления общественно-политической сферой. Автор приводит конкретные примеры, когда Россия имела возможность влиять на политические процессы как внутри страны, так и за рубежом. Представлены исторические события, которые иллюстрируют, каким образом Россия смогла фактически сформировать политическое пространство в Европе, являлась инициатором создания влиятельных международных организаций. Одновременно автор ссылается на пример середины XIX века, когда в результате поражения в Крымской войне Россия осталась в политической изоляции, и делает выводы, позволяющие спроецировать исторические события на обстановку, которая складывается сегодня в мире вокруг Российской Федерации. В качестве заключения обосновывается цель государственного управления в общественно-политической сфере с учетом современной обстановки в мире вокруг России.

Ключевые слова: государственное управление, общественно-политическая сфера, Луганская Народная Республика, Донецкая Народная Республика, Херсонская область, Запорожская область, Ништадтский мирный договор, Венский конгресс, Ялтинско-Потсдамское мироустройство, Крымская война, Парижский мирный договор, Священный союз.

PURPOSE OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE SOCIO-POLITICAL SPHERE TAKING INTO ACCOUNT THE INTERNATIONAL SITUATION

Abstract. The article deals with the historical aspects of public administration of the socio-political sphere. The author gives specific examples when Russia had the opportunity to influence political processes both within the country and abroad. Historical events are presented that illustrate how Russia was able to form the political space in Europe, was the initiator of the creation of influential international organizations. At the same time, the author showed an example when, because of the defeat in the Crimean War, Russia remained in political isolation and could not influence the political processes taking place abroad. Subsequently, the author projects conclusions that allow making historical events on the situation that is developing today in the world around the Russian Federation. As a conclusion, the goal

of public administration in the socio-political sphere is proposed, considering the current situation in the world around Russia.

Keywords: *public administration, socio-political sphere, Lugansk People's Republic, Donetsk People's Republic, Kherson region, Zaporozhye region, Treaty of Nystadt, Congress of Vienna, Yalta-Potsdam world order, Crimean War, the Paris Peace Treaty, Holy Union.*

Прежде чем говорить о цели государственного управления в общественно-политической сфере, необходимо обратиться к историческому опыту и попытаться обнаружить в нем периоды, когда Российское государство было на подъеме, имело могущество и влияние на мировой арене, а в стране царило воодушевление и согласие общества и государственных институтов. Очевидно, что такие этапы не могли быть постоянными или даже частыми, так как добиться подобного состояния достаточно сложно. Временем признания за рубежом России как ведущего государства, способного диктовать свою политическую волю, можно назвать лишь отдельные исторические периоды. Внутреннее общественно-политическое спокойствие в стране воцарялось довольно редко в силу того, что практически каждый этап государственности обладает внешними и внутренними противоречиями, наличием различных взглядов на распределение властных полномочий и ресурсов; такие же взгляды и мнения имеются в отношении вопросов, связанных с развитием страны.

* * *

В первую очередь неплохо бы вспомнить итоги северной войны (1700–1721), которая велась за владение прибалтийскими землями и выход к Балтийскому морю. Ништадтский мирный договор 1721 года [1], который был заключен между Россией и Швецией, подвел итог противостоянию, длившемуся двадцать один год. В соответствии с договором к России отошли Лифляндия (вместе с Ригой), Эстляндия (вкуче с Ревелем и Нарвой), часть Карелии, Ингерманландия (Ижорская земля) и другие территории. Была решена основная геополитическая задача, стоявшая перед Россией с XV века, — получение возможности иметь свой флот и порты в Балтийском море.

Благодаря этому завоеванию общественно-политическая ситуация в Европе подверглась фундаментальным изменениям: державы, имеющие выход к Балтике, оказались в зависимости от России, в первую очередь, в области вооружений и торговли, а во вторую, в снабжении материалами для кораблестроения. Таким образом, в результате победы армии и флота Россия вернула себе захваченные ранее Швецией земли и закрепила выход к Балтийскому морю. А Ништадтский мирный договор явился крупным достижением русской дипломатии.

После победы изменилось общественно-политическое положение и внутри страны: достижения Петра I были признаны и на внутривнутриполитической арене; 22 октября (2 ноября) 1721 года он принял от Сената и Священного Синода титул «Отца Отечества, Императора Всероссийского Петра Великого»; русское государство стало именоваться Российской империей.

Постепенные изменения в политике привели к тому, что 22 февраля 1724 года был подписан Стокгольмский трактат России и Швеции, по которому Россия еще больше усилила свои позиции на Балтике. Этот договор для России был очень важен, так как она стремилась разрушить союз Англии со Швецией, которая на тот период была заинтересована в добрососедских отношениях с Россией. При подписании трактата стороны подтвердили решимость соблюдать Ништадский мирный договор, в секретных статьях которого предусматривалось сохранение конституционного устройства Польши [2]. Таким образом, именно военные и политические победы позволили России добиться превосходства в общественно-политической сфере как внутри страны, так и на мировой арене.

Здесь важно обратиться и к другому историческому событию более позднего периода. Речь идет о Венском конгрессе 1814–1815 годов, состоявшемся по итогам победы над Францией. Конгресс был созван по решению стран-победителей: России, Англии, Австрии и Пруссии. Главенствующую роль на всех собраниях представителей держав-победителей с начала и до конца работы конгресса играл император России Александр I, который в то время находился в апогее славы и признавался главой 6-й (победоносной) антинаполеоновской коалиции.

Конгресс принял важные общественно-политические решения, в том числе о восстановлении феодальных порядков, ликвидированных во время Великой французской революции и наполеоновских войн; были реставрированы свергнутые монархические династии Европы; активизировалась борьба с национально-освободительным и революционным движением в европейских странах; одновременно были выработаны конкретные общественно-политические решения, гарантировавшие невозможность возобновления во Франции бонапартистского режима.

Решениями Конгресса фактически обозначались новые границы в Европе; был осуществлен передел сфер влияния стран-победителей путем создания нового порядка и распределения территорий государств и колоний [3]; установлен новый европейский порядок, для поддержания которого создавался Священный союз. Соглашение о его учреждении было разработано по инициативе России 26 сентября 1815 года в Париже и подписано тремя монархами: Александром I, австрийским императором Францем II и прусским королем Фридрихом Вильгельмом III. Военная победа и явное преимущество России позволило ей сформировать общественно-политическую

сферу в Старом Свете с учетом ее собственных представлений. Кстати говоря, в тот период в самой Российской империи воцарилось общественное спокойствие и согласие.

В политическом смысле нечто похожее произошло и в XX веке — во время Второй мировой войны. Тогда состоялось три конференции «Великих держав» — Тегеран-43, Ялта-45 и Потсдам-45 — из ряда которых выделялась крымская встреча Иосифа Сталина, Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля. Именно переговоры в Ялте определили послевоенный общественно-политический мировой порядок («Ялтинско-Потсдамское мироустройство»), продержавшийся вплоть до распада СССР. Все основные принципы того миропорядка были заложены в Крыму в феврале 1945 года. Основой же общественно-политического устройства стало разделение мира на два «полюса» (капиталистический и социалистический) и создание Организации Объединенных Наций (24 октября 1945 года) [4].

Названные соглашения оказали значительное воздействие на внутриполитическое устройство стран, впоследствии вошедших в социалистический лагерь. Но все же главное здесь заключается в том, что победа Советского Союза и его военная мощь позволили сформировать политическое устройство мира с учетом интересов нашей страны, соответственно, способствовали достижению существенного послевоенного экономического роста и, что гораздо более важно, социальному спокойствию и общественному согласию в СССР.

* * *

Есть и примеры противоположного свойства, когда Российское государство оказывалось не в состоянии повлиять на общую обстановку как за рубежом, так и в стране. Эпизоды истории, которые заставляют сделать выводы, понять и учитывать ошибки прошлого, более чем важны для формирования цели государственного управления в различных сферах бытия, в том числе и общественно-политической сфере. Наиболее ярким событием в данном ряду выступает Крымская война 1853–1856 годов, в канун которой Великобритания и Франция подорвали экономический авторитет России на ближневосточных рынках. Неоднократные попытки российского правительства договориться с зарубежными партнерами (в первую очередь с Великобританией) о разделе сфер влияния на Ближнем Востоке не увенчались успехом. В поиске выхода из сложившегося экономико-политического положения царская Россия попробовала восстановить утраченные позиции посредством прямого нажима на Османскую империю. Судя по всему, отнюдь не дремавшие европейские «партнеры» (опять же Великобритания и Франция) вложили свою лепту в обострение конфликта, в надежде на ослабление России и последующее отторжение от нее Крыма, Кавказа и других территорий [5].

Начало конфликта с соседней Турцией вроде бы оправдывало надежды российской политической и дипломатической элиты: военные действия были успешными; на всем театре военных действий российские войска одерживали победы; Черноморский флот уничтожил турецкий флот при Синопе. Но как только стало очевидным, что Османская империя не в состоянии самостоятельно противостоять России, в дело включились «партнеры». Для поддержки турецких войск в марте 1854 года Великобритания и Франция объявили России войну. Экспедиционная эскадра союзных войск, высадившись в Крыму, нанесли ряд поражений российской армии и начали осаду Севастополя. Дело для России закончилось экономической и дипломатической изоляцией, которая привела к падению Севастополя и окончанию боевых действий.

Крымская война завершилась унижительным для России Парижским мирным договором, подписанным 18 (30) марта 1856 года. Фактически страна утратила свои завоеванные в течение долгих десятилетий позиции в Европе. Как следовало ожидать, военное поражение оказало огромное влияние на самооценку российского общества, — социальный настрой внутри Российской империи оставлял желать лучшего, что было неудивительно. Многие полагали (притом не без оснований), что поражение было обусловлено экономической и военной отсталостью России. Громоздкий бюрократизированный аппарат государственного управления не смог обеспечить подготовку страны к войне, а ошибки российской дипломатии привели к политической изоляции. Результат не заставил себя долго ждать: неудача в войне в буквальном смысле слова подтолкнула правительство к осуществлению давно назревших и фундаментальных преобразований, которые были воплощены в реформах 1860–1870 годов.

* * *

При анализе важнейших исторических событий прошлых веков становится очевидным вывод, что Россия и ее государственные органы обладали наибольшими возможностями воздействовать на общественно-политическую сферу как на мировой арене, так и внутри страны во время значительного военного превосходства над своими реальными и потенциальными противниками. В то же время важно отметить, что не только вооруженные силы обеспечивают влияние страны на политические и экономические процессы за рубежом, но и сильные дипломатические позиции позволяют отстаивать интересы страны. Значительным является вопрос обеспечения внутреннего общественного спокойствия, — силам правопорядка и государственной безопасности следует обеспечить стабильное развитие общества, исключив попытки экстремистских проявлений, революционных движений, государственных переворотов, в том числе и тех, что могут бы инициированы из-за рубежа.

Таким образом, только при наличии эффективного государственного управления во всех отраслях жизнедеятельности можно получить устойчивое развитие государства. Результативность, целенаправленность, быстрота и эффективность управления социальной, экономической и общественно-политической сферой позволяет государству выйти на мировую арену и императивно влиять на политические процессы, складывающиеся при межгосударственных сношениях. Очевидно, что только сильное государство, способное обеспечить общественный порядок внутри страны, может создать условия для экономического роста. Так как только сильная экономика и достаточная ресурсная база позволяют иметь не только обеспеченное население, но и возможность содержать как государственный аппарат, так и хорошо вооруженную и обученную армию.

Опираясь на приведенные примеры, необходимо сформулировать цель государственного управления в общественно-политической сфере. Возможно, не для всех очевидная проблема заключается в том, что только посредством четко сформулированной, конкретной и определенной на долгую перспективу цели можно объединить все возможные направления деятельности государственных органов для реализации насущных задач и тем самым обеспечить решение наиболее значимых проблем.

Важно понимать, что общественно-политическая сфера страны также подлежит управлению со стороны государства. Ее игнорирование в качестве объекта управления может обернуться политическими кризисами как внутри государства, так и в отношении обеспечения национальных интересов вне его пределов, то есть на международной арене. С помощью собственных структурных элементов (официальных органов) государство обязано совершенствовать управление в общественно-политической сфере во имя того, чтобы добиться социального спокойствия и согласия внутри страны и обеспечить свое политическое, экономическое, культурное и дипломатическое влияние за рубежом.

На наш взгляд, данный аспект государственной политики России наиболее важен и актуален сегодня — в период проведения специальной военной операции на территории Украины. Особенно с учетом того, что в настоящий момент наша страна вступила в глобальное противостояние с коллективным западом. Нет необходимости доказывать, что после распада СССР Ялтинские соглашения, не подкрепленные военно-политической мощью России, постепенно утрачивали, а в нынешней реальности окончательно утратили свою актуальность, — это и так очевидно. На протяжении последних десятилетий враждебно настроенные государства приняли беспрецедентные попытки по разрушению российской государственности. Поражение Советского Союза в холодной войне позволило коллективному западу расчленить его на отдельные государства. Союзные республики стали самостоятельными

странами, военный, культурный и экономический потенциал которых очень сложно объединить. В последующем враждебно настроенными западными государствами предпринимались попытки по дестабилизации общественно-политической обстановки и внутри России, особенно это было ярко выражено в период проведения избирательных кампаний 2011–2012 годов. Показательны в данном контексте события, происходившие в 2020 году в Республике Беларусь, где во время выборов президента фактически была предпринята попытка государственного переворота. Но эта неудачная попытка «цветной» революции скорее является исключением, чем закономерностью, так как в основном разведкам западных стран в той или иной степени (если не в сиюминутном, то в отложенном виде) удавалось достичь поставленной задачи.

Предпосылки формирования соответствующих негативных настроений в сопредельном для нас государстве — Украине, где череда цветных революций привела к власти антироссийские силы, поддерживаемые коллективным западом, были созданы в постсоветский период. В итоге еще недавно дружественная нам страна ныне представляет собой государственное образование во главе с нелегитимным правительством, снабжаемым современным вооружением для ведения боевых действий с Российской Федерацией.

* * *

На фоне референдумов о вхождении в состав Российской Федерации Донецкой и Луганской народных республик, Херсонской и Запорожской областей всерьез раздаются голоса об исключении России, противодействующей на территории Украины практически всему западному миру, в одиночку пытающейся осуществить слом однополярного миропорядка, из Совета Безопасности ООН. Мы должны четко понимать, что в настоящий момент ведется борьба за будущее общественно-политическое устройство планеты. Каким будет это будущее, зависит от исхода и результатов специальной военной операции. В случае победы мы сможем выстраивать общественно-политическое устройство как у себя в стране, так и за рубежом с учетом наших экономических, политических и культурных интересов. А в случае поражения в этом конфликте возможно крушение российской государственности. Именно такие значительные ставки стоят сейчас на полях сражений, от исхода которых зависит конечный результат: или «Ялтинские» соглашения-2.0., или унижительный «Парижский мирный договор»-2.0.

С учетом всего вышесказанного и исходя из того, что против территориальной целостности Российской Федерации применяется вооруженная сила, 19 октября 2022 года Президент России В.В. Путин подписал Указ о введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской

областей, одновременно предписав Правительству Российской Федерации в трехдневный срок представить предложения о мерах, применяемых на территориях, где введено военное положение [6]. В тот же день Совет Федерации утвердил своим постановлением Указ Президента Российской Федерации о введении военного положения.

19 октября 2022 года Президентом России В.В. Путиным был подписан Указ «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 года № 756» [7], который обязывает:

вести на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей режим (максимальный уровень реагирования), который предписывает провести соответствующие мобилизационные мероприятия;

вести на территориях Республики Крым, Краснодарского края, Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской, Ростовской областей и г. Севастополя режим (средний уровень реагирования), в рамках которого высшие должностные лица (органы исполнительной власти) указанных субъектов Российской Федерации осуществляют полномочия по проведению мобилизационных соответствующих мероприятий;

на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Центрального федерального округа и Южного федерального округа, за исключением уже указанных субъектов Российской Федерации, вводится режим (уровень повышенной готовности), в рамках которого высшие должностные лица (органы исполнительной власти) указанных субъектов Российской Федерации осуществляют полномочия по принятию решений о проведении отдельных мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне;

на территориях субъектов Российской Федерации, не названных выше, введен режим (уровень базовой готовности), в рамках которого высшие должностные лица (органы исполнительной власти) указанных субъектов Российской Федерации осуществляют полномочия по принятию решений о проведении мероприятий по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Через несколько дней, 21 октября 2022 года, был подписан Указ Президента Российской Федерации № 763 «О координационном совете при правительстве Российской Федерации по обеспечению потребностей вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов» [8]. Согласно этому документу, координационный совет организует взаимодействие федеральных и региональных властей при решении вопросов, связанных с обеспечением в ходе проведения специальной военной операции в части, касающейся: поставок и ремонта вооружения, военной и специальной техники, определяет целевое задание по обеспечению

материальными средствами; медико-санитарного обеспечения; проведения ремонтно-восстановительных, строительного-монтажных и иных работ; обеспечения логистики. Решает вопросы по формированию цен на товары, работы и услуги, необходимые для обеспечения в ходе специальной военной операции. Обеспечивает координацию в вопросах цифровизации и автоматизации в области обороны. Председательствует в Совете премьер-министр, который отчитывается перед Президентом о ходе работы ежедневно. Заседания проводятся по мере необходимости. Решения Совета обязательны для исполнения федеральных, региональных и местных властей, а также других органов и организаций.

* * *

Очевидно, что после анализа исторических событий и обстановки, складывающейся сегодня вокруг Российской Федерации, нам необходимо ответить на вопрос: какова цель государственного управления общественно-политической сферой в России? Представляется важным применить метод построения иерархии цели, выделив при этом две составляющие общественно-политической сферы. Во-первых, это — обстановка за рубежом страны, а во-вторых, это — ситуация внутри нее. Таким образом, по нашему мнению основными целями государственного управления общественно-политической сферой являются: обеспечение военно-политического превосходства над другими странами, потенциальными противниками и транснациональными компаниями; обеспечение правопорядка, гражданского мира и общественного спокойствия внутри страны.

В результате формирования целей государственного управления высшего уровня автор считает важным определить цели низшего уровня, соответственно, разделив их на два основных блока по отношению к внешней и внутренней общественно-политической обстановке:

1.1. Формирование высокоэффективных вооруженных сил, способных обеспечить не только безопасность государства, но и имеющих средства для продвижения политических и экономических интересов страны;

1.2. Сдерживание гибридных атак против Российской Федерации от враждебно настроенных государств и транснациональных корпораций;

1.3. Поддержание мобилизационной и логистической системы с целью быстрого развертывания вооруженных сил в любой точке мира;

1.4. Реализация сильной дипломатической позиции на международном уровне;

1.5. Формирование положительного имиджа страны на внешнеполитической арене.

Сформулировав цели низшего уровня по отношению к внешней общественно-политической обстановке необходимо перейти к формированию подцелей внутригосударственного содержания:

2.1. Формирование высокоэффективных органов правопорядка для обеспечения безопасности граждан, общества и государства;

2.2. Повышение уровня материального и технического оснащения сил правопорядка, а также уровня правовой и социальной защищенности их сотрудников;

2.3. Противодействие экстремистским проявлениям, пресечение социальных и межнациональных конфликтов;

2.4. Ограничение иностранного вмешательства во внутригосударственные дела;

2.5. Обеспечение добросовестной политической конкуренции (в рамках действующего законодательства) как в период между выборами, так и во время избирательных кампаний;

2.6. Превентивная защита культурных и духовных ценностей Российского общества от деструктивных угроз.

Таким образом, подводя итог, очень важно отметить, что общественно-политическая сфера подлежит государственному управлению, так как от его эффективности зависит уровень жизни и развития в нашей стране. Только реализуя собственную политику, можно отстаивать государственные, национальные интересы. Кроме того, лишь при наличии возможности влияния на политику зарубежных государств у России появляются механизмы для отстаивания собственных экономических интересов, что позволяет гарантировать высокий уровень благосостояния граждан. Одновременно, необходимо обеспечивать общественное спокойствие внутри страны, что позволит проводить военные, политические, экономические и социальные реформы, ориентированные на развитие государства.

Список литературы

1. Ништадтский мирный договор между Россией и Швецией [Электронный ресурс] // Исторический факультет Московского государственного университета. 1997–2009. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/nishtadt.htm>.
2. Стокгольмский союзный договор (22 февраля / 4 марта 1724 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/doc/almanah/474764/> (дата обращения: 11.09.2022).
3. Венский конгресс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/sobyt/1800sob/1814vena.php> (дата обращения: 11.09.2022).
4. Что решалось на Ялтинской конференции? [Электронный ресурс]. URL: <https://mir24.tv/articles/16396260/chto-reshalos-na-yaltinskoi-konferencii> (дата обращения: 17.09.2022).

5. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/2638234 (дата обращения: 18.09.2022).
6. Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // Российская газета. 2022. 20 окт. № 238.
7. Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» // Российская газета. 2022. 20 окт. № 238.
8. Указ Президента Российской Федерации от 21 октября 2022 г. № 763 «О координационном совете при правительстве Российской Федерации по обеспечению потребностей вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов» // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/69657> (дата обращения: 22.10.2022).

М.А. АСТВАЦАТУРОВА
И.Д. ИБРАГИМОВ

ЖЕЛАЕМЫЕ ВЕКТОРЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО РАВНОВЕСНОЙ МОДЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

***Аннотация.** Статья посвящена типологическому моделированию гражданского активизма как одного из важнейших институтов демократии. Гражданский активизм рассматривается в соотношении с преобразованиями политических систем и политических режимов в пространстве современной реальной геополитики. В рамках политического анализа выделяются свойства, по которым возможно моделирование гражданского активизма, и определяется его оптимальная и перспективная функционально-равновесная модель. В качестве типологических свойств этой модели гражданского активизма выделяются: интегративное сознание на основе социального сплочения; органическая солидарность как коллективная потребность, зрелая политическая культура и склонность к групповому лоббизму.*

Идейно-программную базу функционально-равновесной модели гражданского активизма составляют принципы делиберативной демократии — рациональный, аргументированный выбор на почве публичной политики и публичного диалога «всех со всеми». Рациональный выбор в политике и геополитике рассматривается авторами не только как оправданный, но и как необходимый для выхода из цейтнотов современности.

***Ключевые слова:** реальная геополитика, гражданский активизм, политический вектор гражданской самоорганизации, модели гражданского активизма, делиберативная демократия, народная дипломатия.*

DESIRED VECTORS OF A FUNCTIONALLY BALANCED MODEL OF CIVIC ACTIVISM IN THE CONDITIONS OF MODERN REAL GEOPOLITICS

***Abstract.** The article is devoted to the typological modeling of civic activism as one of the most important institutions of democracy. Civic activism is considered in relation to*

АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна — доктор политических наук, профессор, директор Научно-образовательного центра политических исследований Пятигорского государственного университета, г. Пятигорск

ИБРАГИМОВ Ибрагим Джавпарович — кандидат педагогических наук, доцент, директор Института перевода, русистики и многоязычия; заведующий кафедрой восточных языков и культур Пятигорского государственного университета, г. Пятигорск

the transformations of political systems and political regimes in the space of modern real geopolitics. Within the framework of political analysis, the properties by which modeling of civic activism is possible are identified, and its optimal and promising functional equilibrium model is determined. The typological properties of this model of civic activism are: integrative consciousness based on social cohesion; organic solidarity as a collective need, mature political culture and a tendency to group lobbying.

The ideological and programmatic basis of the functional-equilibrium model of civic activism consists of the principles of deliberative democracy — rational, reasoned choice on the basis of public policy and public dialogue «all with all». Rational choice in politics and geopolitics is considered by the authors not only as justified, but also as necessary to get out of the time constraints of modernity.

Keywords: *real geopolitics, civic activism, political vector of civic self-organization, models of civic activism, deliberative democracy, people's diplomacy.*

Общие поисково-парадигмальные позиции моделирования гражданского активизма

Постановка проблемы моделей гражданского активизма закономерна в пределах политического знания. Аналитические возможности современной политологии в ее геополитическом наполнении позволяют установить общие и частные свойства гражданско-инициативного самоуправления, гражданско-общественной самоорганизации в применении к политическому и геополитическому пространству. При этом, как подчеркивает С.М. Маркедонов, свою ценность сохраняют экспертный диалог, открытость к дифференцированным мнениям и внепартийная нейтральность научного поиска [8, с. 7–8].

Исследовательская парадигма в отношении гражданского активизма целесообразна при оформлении новых политических и геополитических условий и отношений, а также и новых групп активизма. Эти группы, как отмечал Г.-У. Веллер, во все периоды осуществляли новые формы и методы самоорганизации и стремились к новым путям политического влияния [2, с. 330–331]. Дж.Л. Коэн и Э. Арато усматривали продуктивность гражданского активизма в ресурсе мотивации, который обращен к каждому гражданину [6]. При этом привлекательность мотивов гражданской активности, как подчеркивал Д. Грин, концентрируется в самоорганизации групп населения для решения насущных проблем при привлечении ресурсов власти и политической элиты [3]. Существенным функционально-ценностным свойством западной модели гражданского активизма являются публичная политика, публичная коммуникация и публичность вообще (нем. — *die Öffentlichkeit*), которые, по мнению Ю. Хабермаса, стали неизменными катализаторами гражданского общества [15, с. 112–137].

В осмыслении желаемых векторов моделей гражданского активизма мы оттолкнемся от идеи Д. Норта о прямой причинно-следственной связи преобразования экономики с гражданской и политической активностью [9].

Любая конкретная модель гражданского активизма в значительной степени зависит от традиции применения власти и управления, от сущности политической системы и режима, от политической культуры граждан. Национальная и локальная модели гражданского активизма рельефно иллюстрируют содержание общественного договора между государством и гражданами, который имеет выраженное политическое значение.

При сохранении таких общих магистральных направлений гражданских инициатив, как достижение социальной справедливости и социального порядка общественной стабильности, современная социальная и политическая реальность демонстрирует большое сущностно-процессное, функционально-ценностное разнообразие гражданской самоорганизации. Понимание этого разнообразия предполагает уход от методологии универсального европоцентризма, которая существенно ограничивает исследовательские возможности. Научно-поисковый вопрос, поставленный А.В. Тихоновой, «является ли модель гражданского общества, сложившаяся в развитых странах западного мира, и теоретические представления о ней универсальными, абсолютными, инвариантными», несомненно, имеет риторический смысл [10, с. 61–62].

Практика показывает, что в современных условиях европейская матрица гражданского активизма не может быть механически применена к ходу гражданского структурирования разных наций, обществ и сообществ, тем более в связи с дефицитами самоорганизации европейских сообществ, которые нарастают [13, с. 120–139].

На наш взгляд, теоретические трактовки гражданского активизма остаются увязанными с политическими традициями и реалиями отдельной страны в конкретной политической хронологии. Также чрезвычайно важно увязывать реальные и желаемые векторы моделей гражданского активизма с множеством неполитических факторов: культурных, ментальных, экзистенциальных. Закономерно, что гражданское самоопределение дифференцировано в зависимости от многих обстоятельств общественно-политической и политико-управленческой природы. Также гражданское структурирование зависит от таких факторов, как национальная традиция, этнический характер, ментальная симптоматика как государства, так и общества. Поэтому закономерно приращение концептуальных определений моделей гражданского активизма, присущих отдельным странам, обладающим собственными политическими хронологией и пространством.

Но в то же время источником разнообразия желаемых векторов гражданского активизма мы считаем, прежде всего, нарастающую мультипликативность политических институтов, усиливающуюся дисперризацию политических интересов социальных групп и страт, а также и диссипацию политических систем и режимов.

Приоритеты функционально-равновесной модели гражданского активизма

Среди многих моделей гражданского активизма целесообразной нам представляется *равновесная или функционально-равновесная модель гражданского активизма*. Она разработана Э. Дюркгеймом в пределах функционализма как одного из самых убедительных методологических подходов в общем банке политической социологии [4]. Важнейшие реальные свойства данной модели гражданского активизма имеют явные пролонгации в политику. Среди них мотивация политического действия, публичные демонстрации, групповой лоббизм, политическое рекламирование, политическая идентификация и другие.

Желаемым типологическим свойством функционально-равновесной модели гражданского общества, которое также явно политизировано, является идейно-программная устойчивость на основе интегративных ценностей. Эти ценности имеют высокую степень транспарентности за счет их традиционно принимаемой и традиционно понятной большинству населения детерминации. Это, например, патриотизм, ненависть к врагу, верность своему классу или своему этническому сообществу, преданность вождю или партии, а также идее. Весьма примечательно стремление правящих элит закрепить интегративные государственно-гражданские ценности в правовых и политических документах, тем самым придав им обязательный характер¹.

Ощутимым, частично реальным, а частично желаемым политическим вектором данной модели гражданского активизма является отождествление (если не совпадение) общегражданских ценностей с государственными ценностями, ценностями правящей элиты, главы государства, национального лидера. Такое отождествление обеспечивает устойчивость политической системы, политического режима, политического управления даже в условиях значительных экономических, социальных рисков, а также геополитических вызовов. В этой связи стоит акцентировать важность интегративных ценностей в обеспечении социальных действий, стабильности общественных настроений, профилактике социальных девиаций и социальных отклонений. Единство гражданского общества как общественно-инициативного института не менее важно, чем единство государства как политико-управленческого института, так как их конвергенция обеспечивает прочный суверенитет государства.

Считаем продуктивным прямое соотнесение функционально-равновесной модели гражданского активизма с общим трендом развития демократии, так как гражданский активизм приводит к демократии,

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://kremlin.ru/acts/news/69810> (дата обращения: 10.11.2022).

а демократия создает все новые условия для гражданского активизма. Здесь, вероятно, более всего эффективна делиберативная (совещательная) демократия, которая, по мнению Дж. Ролза, призвана конституировать «публичный разум», институты власти и стимулировать «гражданскую мобилизованность» [11].

Идея делиберативной демократии, как замечает А.В. Зайцев, в известном плане противостоит идее общественного договора, хотя онтологически связана с ней [5, с. 148–158]. Однако в противовес гуманистическому и гуманитарному общественному договору она предусматривает создание условий для рационального, аргументированного (и расчетливого) выбора на почве публичной политики, публичного диалога «всех со всеми». Делиберативная демократия предполагает наличие в обществе групп, которые имеют авторитет и могут существенно влиять и на власть, и на принятие и воплощение властных и политических решений [16, с. 73–90].

Тем не менее, как показывает практика западноевропейской гражданской самоорганизации, сознательность, целесообразность, рациональность и аргументированность далеко не всегда являются массовыми свойствами гражданских коллективов, а также и современных элит.

Векторы гражданской самоорганизации в условиях реальной геополитики

Современная реальная геополитика достойна пристальной экспертизы и прогнозирования, которое существенно затруднено. Сегодня осуществляется наступление нового этапа, а, вероятно, и новой эпохи реалистичной системы межгосударственных отношений как отражающей конкретные интересы конкретных стран. На этом фоне, как полагает А.Е. Кутейников, повестка ООН претерпевает существенные изменения, притом далеко не всегда в позитивной коннотации [7, с. 24–47]. Поведение США, стран ЕС, БРИКС, ОДКБ, ШОС, ЕАЭС свидетельствует о разнонаправленных, часто противоречивых тенденциях, детерминанты которых не всегда очевидны с точки зрения реально-рациональных стратегий и тактик. Государства стремятся:

- сохранить существующие политические (в том числе и персонифицированные) режимы и организовать выгодный безболезненный транзит власти;
- определить суверенную (экономическую, политическую, идейно-программную) позицию в новом формирующемся миропорядке;
- обрести новых эффективных союзников в рамках существующих и формирующихся международных конгломератов;
- осмыслить противоречивые и явно деструктивные международно-политические и дипломатические смысловые нагрузки диалогов стран, элит, государственных лидеров;

– использовать в давлении друг на друга крайне левые и крайне правые, а также открыто ксенофобно-националистические и фейково-дезинформационные программно-функциональные практики.

Государства закономерно стремятся к сбережению и наращению своего суверенитета (военно-политического, экономического, финансового, территориального, социокультурного) и к поиску эффективных управленческих технологий форматирования и дисциплинирования гражданских сообществ. Эти задачи в общем разрезе соответствуют смыслу реальной геополитики в ее классическом понимании и практическом воплощении [2].

Однако мы констатируем, что лидеры мировых держав все дальше уходят от политических и геополитических реалий, бесконечно повышая ставки в международной игре амбиций, отрываясь от насущных жизненно важных интересов населения своих стран. Субъекты современной реальной геополитики повсеместно маневрируют, демонстрируют двойные стандарты, тяготеют к камуфлированию своих истинных стратегических целей, меняют партнеров и пренебрегают партнерскими обязательствами, используют геополитические демарши и дезавуации, а также прямые взаимные недостоверные обвинения и бездоказательные третиования.

Весьма противоречивы как стандартные, так и нестандартные интерпретации современной ситуации, которые транслируются от первых лиц государств и наций в условиях сохранения террористических угроз, применений санкций, специальной военной операции России на Украине и другие. Гибридные войны, конфликты, военно-политическое устрашение и давление, санкции, которые применяются властными элитами, разрушают устоявшийся миропорядок. Они формируют не только новые центры силы, но и центры агрессии, терроризма, экстремизма, экспансий, информационных атак.

В первой четверти XXI века выяснилось, что демократические доктрины во многом неэффективны, а их субъекты задержались в категориях и реалиях XX века. Они часто бесполезны в противодействии националистическим, террористическим акторам и режимам, а также угрозам национальной безопасности [12, с. 5–18; 14, с. 19–28]. С одной стороны, современные держатели реальной геополитики транслируют программно-функциональное старение (в том числе, и физическое) и находятся во власти управленческого консерватизма. С другой стороны, лидеры стран и наций проявляют умозрительный внесистемный и внеинституциональный менеджизм. При этом симптоматичным является частое нарушение этики политики, которую М. Вебер трактует как «этику убеждения и этику ответственности», как «рамки дозволенного», без которой вряд ли стоит рассчитывать на рациональность политических решений [1, с. 41–43].

В этой связи реальная геополитика все чаще дрейфует к «политике силы» и проявляется в военно-политическом противостоянии России

и США, России и стран НАТО, в котором присутствуют неприемлемые образы тактического ядерного оружия.

Осмысленная желаемая ресурсы гражданского активизма укажем, что:

- гражданские институты в толще дестабилизационных геополитических процессов оказались в большей части несостоятельными в регулятивно-организационном и проектно-прогнозном выражении;
- институты гражданского общества в условиях политических рисков часто принимают сторону агрессивно-националистических элит, поддерживают агрессивные транснациональные корпорации;
- общественные организации под воздействием государственной пропаганды часто отказываются от защиты гражданских прав, и вместо объединения под общечеловеческими гуманистическими и гуманитарными титулами (антивоенными, антикоррупционными, антифашистскими, антиэкстремистскими) поддерживают антагонистические позиции элит.

Суммирующие соображения

Нарастающие угрозы и риски реальной геополитики с начала нового тысячелетия (экономический и финансовый кризис, падение уровня жизни, разбалансирование социальных структур, политические кризисы, конфликты, гибридные войны, горячие ситуации «новой холодной войны», пандемия) составили существенный урон гражданскому обществу в его геополитическом выражении. Эти же процессы ставят под сомнение разумность, логичность и стабильность геополитического процесса как общепланетарного.

Вновь подчеркнем значимость структурирования гражданской активности в пределах функционально-равновесной модели, которая предоставляет возможность участия и влияния гражданских институтов на внутри- и внешнеполитические решения. Данная модель предполагает рационализм в социальном, политическом и мировоззренческом выборе, который, как нам кажется, во многом утрачен и политическими элитами, и общественными активистами. Тем не менее, именно многовекторная устойчивость общества может проецироваться в рационально-политический вектор моделирования гражданского активизма и групп активности, которые могут существенно влиять на власть, на принятие и воплощение властных и политических решений.

Именно концепт разумной совещательности, рациональной согласованности, межстратовой конвенциональности, делиберативности лежит в основе желаемых векторов моделирования гражданского активизма. Данная модель труднодостижима, однако привлекательна в силу большого ресурса стабилизации общественно-политических отношений и политических систем в целом.

Развивая этот тезис, выделим желаемые векторы справедливо-равновесной модели гражданского активизма:

- равноправие акторов общественного активизма и их равное участие в оптимизации политических противоречий и преодолении политических дисфункций;
- включение общественных организаций в дискурс политического курса и политической элиты для акцентирования социальных интересов населения;
- расширение общественного контроля над властными институтами и ротацией элит на базе рационального политического электорального выбора;
- предоставление платформ гражданского общества для апробирования и обсуждения политических преобразований, пилотных политико-ориентированных решений и проектов;
- использование членства в общественных организациях, объединениях и движениях как приобщение к политико-ориентированной практике, практике целевых политических действий;
- усиление компенсаторного вклада общественных активистов в необходимые сегодня гуманизацию и гуманитаризацию реальной геополитики, в практическое миротворчество и миростроительство.

Список литературы

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия / Перевод с немецкого и вступительная статья А.Ф. Филиппова; редактор А.А. Рындин. М.: Рипол-классик, 2018.
2. Wehler H.U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 1. München, 1987.
3. Грин Д. Возращение в гражданское общество. Социальное обеспечение без участия государства / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2009. 220 с.
4. Дюркгейм Э. Правила социологического метода. М.: Изд-во «АСТ», 2021. 238 с.
5. Зайцев А.В. Делиберативная демократия, диалог и их место в констелляции дискурса публичной политики // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. Т. 27. № 15(158).
6. Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / Пер. с англ. Общ. ред. И.И. Мюрберг. М.: Весь мир, 2003. 784 с.
7. Кутейников А.Е. ООН через 30 лет после холодной войны: теоретический анализ изменений международной организации // Международная аналитика. 2022. Т. 13. № 1.
8. Маркедонов С.М. Международная аналитика: профессионализм без принципов партийности // Международная аналитика. 2022. Т. 13. № 1.
9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. 180 с.
10. Тиховодова А.В. Модели гражданского общества // Вестник ВГАВТ. 2014. Выпуск 39. Раздел II. Философия. Общество. Культура.

11. Ролз Дж. Теория справедливости / Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 531 с.
12. Степанова Е. Мирный процесс: к содержательному определению // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 9.
13. Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. XI / Пер. с нем. Б.М. Скуратова. М. Изд-во «Весь мир», 2012.
14. Холопов А. Глобальные дисбалансы: эволюция подходов // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 9.
15. Хабермас Ю. Политические функции публичной сферы // Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. М., 2016.
16. Яжборовская И.С. Делиберативная демократия. Делиберативная политика // Согласие в обществе как условие развития России. Вып. 3. Политическое согласие: Стратегии и реальность / Отв. ред. О.М. Михайленок. М.: ИС РАН, 2013.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРОСТРАНСТВЕ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

***Аннотация.** Резкий рост терроризма, сепаратизма и экстремизма по всему миру дал серьезный импульс не только международному сотрудничеству государств в борьбе с этими «тремя видами зла» в рамках уже существующих международных организаций, но и выступил катализатором создания новых международных организаций, действующих в этой сфере, и прежде всего в региональных. Потребность в создании «шанхайской пятерки», а затем Шанхайской организации сотрудничества обусловила необходимость решения проблем, связанных в первую очередь с региональной безопасностью. В настоящее время обстановка на пространстве ШОС остается зависимой от влияния различных причин. Вызовы и угрозы безопасности государствам-членам Организации формируются и подпитываются различными, в том числе сторонними для региона геополитическими факторами, и не всегда носят явный и очевидный характер, а поиск инструментов и выработка приемов для их парирования остаются трудо- и ресурсозатратными. В этих условиях требуется несимметричный ответ, который позволит сократить время и сохранить силы для ответной реакции на новые вызовы и угрозы безопасности пространства ШОС. Ключевую роль здесь призвана сыграть организация профессионального взаимодействия компетентных органов государств-членов в формате Региональной антитеррористической структуры ШОС.*

***Ключевые слова:** Шанхайская организация сотрудничества, ШОС, Региональная антитеррористическая структура, РАТС, безопасность, терроризм, сепаратизм, экстремизм, компетентные органы, угрозы безопасности, факторы, формирующие угрозы безопасности.*

THE MAIN FACTORS SHAPING THE THREATS TO SECURITY IN THE SPACE OF THE MEMBER STATES OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION

***Abstract.** The sharp growth of terrorism, separatism and extremism around the world gave a serious impetus not only to international cooperation of states in the fight against these*

«three evils» within the framework of existing international organizations, but also acted as a catalyst for the creation of new international organizations operating in this area, and above all regional ones. The need to create the «Shanghai Five» and then the Shanghai Cooperation Organization (SCO, Organization) necessitated the solution of problems related primarily to regional security. Currently, the situation in the SCO space remains dependent on the influence of various reasons. Challenges and threats to the security of the Member States of the Organization are formed and fueled by various factors, including geopolitical factors that are outside the region, and are not always obvious and obvious, and the search for tools and the development of techniques for parrying them remain labor- and resource-intensive. In these conditions, an asymmetric response is required, which will reduce the time and save energy for responding to new challenges and threats to the security of the SCO space. The organization of professional interaction of the competent authorities of the SCO member states in the format of the SCO Regional Anti-Terrorist Structure is called upon to play a key role here.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, SCO, Regional Anti-Terrorist Structures, RATS, security, terrorism, separatism, extremism, competent authorities, security threats, factors that form security threats.

С присоединением в качестве постоянных членов Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС, Организация) Республики Индии [1], Исламской Республики Пакистан [2] и началом процедуры приема Исламской Республики Иран в качестве члена Организации, практической реализацией которой стало подписание Меморандума об обязательствах иранской стороны в целях получения статуса государства-члена ШОС от 16 сентября 2022 года в городе Самарканде [3], Организация приобрела трансконтинентальный характер, а по совокупному потенциалу – общей численности населения, территории, запасам природных ресурсов, производимому ВВП – стала крупнейшим политическим и экономическим объединением не только в регионе, но и в мире.

Шанхайская организация сотрудничества, демонстрируя пример плодотворного взаимодействия в целях строительства более справедливого и сбалансированного миропорядка, основанного на равной, совместной, неделимой, комплексной и устойчивой безопасности, обеспечении интересов каждого государства в соответствии с нормами и принципами международного права, должна войти в число основных «несущих конструкций» будущего мирового порядка [4].

ШОС на протяжении всего периода становления и развития осуществляет свою деятельность под влиянием масштабного геополитического противостояния, нагнетания военно-политической обстановки в тех или иных регионах мира, применения ограничительных мер и санкций, давления на государственные институты и народы стран, ведущих самостоятельную и независимую политику.

Вопросы региональной безопасности в рамках Организации носят как внешний, так и внутренний характер, а одной из главных проблем является

создание единой региональной системы безопасности, учитывая разность интересов государств-членов ШОС в экономическом и политическом становлении региона [5]. Указанные вопросы региональной безопасности традиционно являются предметом особого внимания лидеров наших государств. В 2021 году в итоговом документе душанбинского саммита [6] был зафиксирован консолидированный подход, согласно которому приоритетами ШОС в области обеспечения региональной безопасности и стабильности будут оставаться противодействие терроризму во всех его формах и проявлениях, сепаратизму, экстремизму, незаконному обороту наркотиков, оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, трансграничной организованной преступности, обеспечение международной информационной безопасности, укрепление безопасности границ, совместная борьба с незаконной миграцией и торговлей людьми, отмыванием денег, экономическими преступлениями и коррупцией.

В итоговом документе самаркандского саммита 2022 года [7] в очередной раз была отмечена глубокая обеспокоенность в связи с угрозой безопасности, исходящей от терроризма, сепаратизма и экстремизма, решительно осуждались террористические акты по всему миру, подтверждалась твердая приверженность членов Организации принимать активные меры по устранению условий, способствующих распространению терроризма, перекрытию каналов финансирования терроризма, пресечению вербовочной деятельности и трансграничного перемещения террористов, противодействию экстремизму, а также иным угрозам безопасности.

В свою очередь, проведенный анализ деятельности Региональной анти-террористической структуры как постоянно действующего органа ШОС [8] показывает, что к *основным факторам*, влияющим на формирование угроз безопасности Шанхайской организации сотрудничества и обуславливающих взаимодействие компетентных органов государств Организации в указанном формате, можно отнести *обострение конкуренции в политической, экономической, идеологической сферах между силовыми центрами до стадии ее разрешения военными способами, в том числе с использованием сил международных террористических организаций*.

На обеспечение региональной безопасности пространства ШОС существенное влияние оказывают углубляющийся кризис доверия, дискредитация и нивелирование авторитета таких важнейших источников мира и безопасности, как ООН и ОБСЕ и, соответственно, обесценивание международных договоров и соглашений в области контроля над вооружениями, критический уровень напряженности между ключевыми мировыми игроками, а также кардинальные перемены в архитектуре международной безопасности [9].

Следующим подобного рода фактором можно назвать *наличие очагов напряженности и нестабильности в регионах жизнедеятельности государств-членов ШОС*. В указанном контексте в первую очередь речь необходимо вести о произошедшей смене власти в Афганистане.

В августе 2021 года в мировой геополитической реальности произошел значительный тектонический сдвиг, несущий в себе потенциальные угрозы стабильности и безопасности как на региональном, так и на глобальном уровнях. Скоротечность событий в Афганистане показала хрупкость и неустойчивость всей существовавшей государственной структуры и власти в этой стране, неспособность бывшего афганского правительства противостоять внутренним и внешним вызовам, несмотря на значительные финансовые, военные, инфраструктурные и иные программы и проекты, внедренные в эту многострадальную страну со стороны ключевых геополитических игроков в течение последних 30 лет.

Как нам представляется, на развитие ситуации в Афганистане продолжит оказывать существенное влияние наличие в республике боевиков различных международных террористических организаций (МТО) и группировок, в том числе и тех, которые перебрались сюда из иракской и сирийской зон, а также людей, освобожденных из тюрем и обладающих возможностями реализовать свои преступные замыслы.

Важным элементом обстановки является произошедшее перевооружение «Талибана» и возможно отрядов МТО новейшим оружием, боеприпасами, авиа- и бронетехникой, оставленными США и другими странами НАТО в Афганистане в значительном количестве. Последнее обстоятельство потенциально может воодушевить международные террористические организации и группировки к расширению географии своих устремлений за пределы страны, в том числе в направлении государств-членов ШОС.

Справедливым видится вывод, согласно которому ситуация в Афганистане и в дальнейшем не будет иметь однозначных сценариев. Пессимистичный вариант предполагает разнонаправленное внешнее влияние, усиление противоречий между разными фракциями в руководстве «Талибана», а также между различными религиозными, этническими и социальными группами в стране. Поляризация имеющихся прогнозов по развитию ситуации от крайне негативных до умеренно позитивных предсказаний способствует неопределенности в вопросах оценки уровня региональной безопасности.

При этом Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (РАТС) безусловно призвана играть особую роль в обеспечении безопасности в контексте афганской проблематики [10].

Помимо Афганистана, влияние на формирование угроз безопасности на пространстве Шанхайской организации сотрудничества, обуславливающих взаимодействие компетентных органов государств-членов Организации в формате РАТС, оказывает сохраняющийся очаг напряженности и нестабильности на Ближнем Востоке.

Здесь в первую очередь необходимо рассматривать события и обстановку в Сирии и Ираке. Ситуация в них в целом схожа с афганской проблематикой.

Сирия и Ирак пострадали от затяжного конфликта, ставшего причиной создания в рамках границ республик филиалов различных МТО, распростра-

нивших свои влияние и идеологию далеко за рамки региона и объединивших граждан, как минимум, сорока двух государств, идентифицированных по национальной принадлежности [11].

Анализ имеющихся данных, а также прогнозы развития ситуации на ближайшую и среднесрочную перспективы свидетельствуют о сохраняющейся тенденции к усилению террористической угрозы в этих двух государствах. В свою очередь, неправильное использование усилий по нормализации ситуации неизбежно приведет к обострению существующей политической, межконфессиональной и геостратегической напряженности, дальнейшему подрыву региональной стабильности.

Вступление Ирана в качестве полноправного члена ШОС обеспечит непосредственное соприкосновение государственных границ с Ираком, что послужит усилению выше обозначенного фактора, непосредственно влияющего на формирование угроз безопасности Шанхайской организации сотрудничества.

Как представляется, ситуация на Ближнем Востоке и Афганистане потребует принятия компетентными органами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в формате РАТС системных упреждающих контртеррористических мер, активизации взаимодействия, усиления охраны государственных границ и контроля каналов въезда-выезда, обмена информацией в целях обеспечения безопасности всего пространства Организации.

Сложная социально-экономическая обстановка в ряде государств-членов ШОС является еще одним из основных факторов, формирующих угрозы региональной безопасности.

Ряд стран Организации находится на уровне экономического развития, уступающем среднемировым показателям [12], сильно различаясь между собой как по размерам территорий, так и по численности населения; при этом весьма значительная часть граждан этих государств состоит из безработных и проживает за чертой бедности [13].

Негативным моментом рассматриваемого фактора стал разразившийся на рубеже нового десятилетия эпидемиологический кризис, вызванный коронавирусной инфекцией нового типа, который нанес значительный ущерб национальным экономикам всех стран, в том числе и на пространстве ШОС, усугубив уже имеющиеся проблемы [14]. В результате спада экономик и увеличения расходов государств на борьбу с пандемией и ее последствиями снизился уровень социальной защищенности населения, что в свою очередь повлекло за собой повышение уровня общественной напряженности.

Нельзя не учитывать и тот момент, что некоторые страны Организации, в первую очередь Киргизия, Таджикистан и Узбекистан, представляют собой государства с быстрорастущим количеством трудоспособного населения. Ввиду ограниченности центрально-азиатского трудового рынка значительная часть населения (как правило, малообразованная) вынуждена искать работу за пределами своей родины, что является потенциально тревожным

социальным явлением, поскольку трудовые мигранты часто становятся легкой добычей для функционеров МТО, а безработные на территории страны пополняют ряды преступников. Одновременно следует иметь в виду, что сложное социально-экономическое положение традиционно является весьма благоприятным фактором в вербовочном процессе в ряды криминальных группировок и в международные террористические организации.

В последнее время тема *глобализации мирового пространства, как триггер развития передовых технологий*, крайне актуальна и является предметом активного изучения. При этом нельзя оспаривать и тот факт, что глобализация мирового пространства привела к развитию передовых технологий. На площадке ШОС в рассматриваемом контексте активное распространение получили популярные интернет-сервисы социальных сетей, в частности, Twitter, Facebook, Instagram, YouTube, Friendica, Quitter, Telegram, Viber, а также платформы мобильной телефонии, современные беспроводные системы, Deep Web/DarkNet и Drone-технологии. Задействуются инструменты социальных медиа, а также передовых навыков блогерской работы (челленджи, флешмобы, интерактивные блоги, онлайн-эфир, SMM-продвижение), воздействию которой все больше подвергается в первую очередь молодежь. Естественным образом доступ к передовым технологиям имеют как добропорядочные граждане в «мирных» целях, так и преступные элементы, но уже совсем с другими интересами.

Из 5,4 миллиарда пользователей Интернета на государства-члены ШОС приходится более 2,1 миллиарда. При этом сами государства видят в активном развитии информационно-коммуникационных технологий не только риски, но и преимущества экономического и социального развития [15]. С учетом этого государственными институтами активно разрабатываются меры по укреплению практического сотрудничества в данной сфере [16].

Уже отмеченный глобальный эпидемиологический кризис спровоцировал значительное увеличение использования сетевых сервисов и перенос повседневного общения в Интернет в режиме онлайн, предоставив криминальным группировкам, в том числе международным террористическим организациям, благоприятные условия для пропаганды и распространения своей деятельности, производства большого количества аудио- и видеороликов противоправного содержания, проведения онлайн-обучений и тренингов в целях совершения преступных действий, онлайн-совещаний, вербовки новых рекрутов и обеспечения тайного взаимодействия и координации.

В целом справедливым будет вывод, согласно которому в рамках глобализации мирового пространства произошел определенный сдвиг в плане доступа преступных элементов к передовым технологиям, используемым в подрывных целях, а также в других действиях против мира, стабильности и безопасности [17], что, безусловно, является значимым фактором формирования угроз безопасности на пространстве Шанхайской организации сотрудничества.

Перечисленные основные факторы, обуславливающие взаимодействие компетентных органов государств-членов ШОС в формате Региональной антитеррористической структуры, требуют от всех задействованных субъектов своевременного реагирования, а также выработки и принятия системных мер оперативного, силового и профилактического характера.

Одним из практических шагов подобной оперативной реакции может быть реализация российской инициативы создания Универсального центра Шанхайской организации сотрудничества по противодействию вызовам и угрозам безопасности на базе РАТС, нацеленной на решение задач по обеспечению безопасности и стабильности для мирного, устойчивого и динамичного развития государств-членов ШОС. Главной целью создания Универсального центра является повышение уровня координации и совершенствование взаимодействия государств-членов и их компетентных органов в совместном реагировании на ситуации, ставящие под угрозу территориальную целостность и безопасность Организации, мир и стабильность в регионе, оптимизация работы имеющихся механизмов в сфере обеспечения безопасности, а также развитие международного сотрудничества на этом направлении.

* * *

В заключение особо подчеркнем, что развитие Шанхайской организации сотрудничества в целом можно оценить позитивно. Основанием для оптимистичных прогнозов служит то обстоятельство, что ее страны-участницы географически близки, их связывает схожая история, культура, прочные традиции дружественных контактов. При этом все они нуждаются в сохранении стабильности и безопасности как внутренних, так и внешних границ, решении социально-экономических и иных задач, совместном противодействии возникающим угрозам и вызовам их существованию в военно-политической, гуманитарной, духовной и экономической сферах. Отмеченные моменты, безусловно, придают Шанхайской организации сотрудничества дополнительную востребованность.

Список литературы

1. Меморандум об обязательствах Республики Индия в целях получения статуса государства-члена Шанхайской организации сотрудничества (г. Ташкент, 24 июня 2016 года). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35595081 (дата обращения: 24.10.2022).
2. Меморандум об обязательствах Исламской Республики Пакистан в целях получения статуса государства-члена Шанхайской организации сотрудничества (г. Ташкент, 24 июня 2016 года). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33171179 (дата обращения: 24.10.2022).
3. Меморандум об обязательствах Исламской Республики Иран в целях получения статуса государства-члена Шанхайской организации сотрудничества (г. Самарканд, 16 сентября 2022 года). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001016> (дата обращения: 24.10.2022).

4. В. Норов: «Роль ШОС в создании новой системы международных отношений будет возрастать» 21.03.2022. URL: <https://e-cis.info/news/568/81477/> (дата обращения: 22.10.2022).
5. Шанхайская организация сотрудничества. Взгляд из Душанбе // Под общей редакцией Сироджидина Аслова. Душанбе, 2014.
6. Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС (г. Душанбе, 17 сентября 2021 года). URL: <http://rus.sectesco.org/news/20210917/779142.html> (дата обращения: 22.10.2022).
7. Самаркандская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (г. Самарканд 16 сентября 2022 года). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5841> (дата обращения: 22.10.2022).
8. Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре от 06.06.2002. URL: [https://nrm.uz/contentf?doc=88928_soglasenie_mejdu_gosudarstvami_-_chlenami_shanhayskoy_organizacii_sotrudnichestva_o_regionalnoy_antiterroristicheskoy_strukture_\(sankt-peterburg_7_iyunya_2002_goda\)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana](https://nrm.uz/contentf?doc=88928_soglasenie_mejdu_gosudarstvami_-_chlenami_shanhayskoy_organizacii_sotrudnichestva_o_regionalnoy_antiterroristicheskoy_strukture_(sankt-peterburg_7_iyunya_2002_goda)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana) (дата обращения: 25.10.2022).
9. 17-я встреча секретарей Советов безопасности государств-членов ШОС (г. Ташкент 19 августа 2022 года). URL: <https://glasnarod.ru/oficzialno/glavnoe-iz-zayavleniya-sekretarya-sovbeza-rf-nikolaya-patrusheva-na-17-jvstreche-sekretarej-sovetov-bezopasnosti-gosudarstv-chlenov-shos/> (дата обращения: 24.10.2022).
10. Талихаджаев Б. Роль Шанхайской организации сотрудничества в обеспечении региональной безопасности. 16.09.2022. URL: <https://www.podrobno.uz/cat/obchestvo/rol-shankhayskoy-organizatsii-sotrudnichestva-v-obespechenii-regionalnoy-bezopasnosti/> (дата обращения: 22.10.2022).
11. Денисенко Ю. Репатрианты из зон террористической активности: риски и перспективы процесса ресоциализации. Седьмая научно-практическая конференция Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества «Борьба с терроризмом — сотрудничество без границ». Сборник выступлений, г. Ташкент 6–7 ноября 2019 года / Исполнительный комитет РАТС ШОС, 2019.
12. Фадеева И. Экономическое взаимодействие государств в рамках Шанхайской организации сотрудничества, перспективы развития. Место ШОС в процессах мировой регионализации и системе регионального сотрудничества в Центральной Азии в контексте российских интересов. Автореферат, 2018 год. URL: https://revolution.allbest.ru/international/00897561_0.html#:~:text=Страны%20ШОС%2C%20особенно%20центрально-азиатские%2C%20находятся,раз%20больше%2C%20чем%20экономика%20Кыргызстана (дата обращения: 22.10.2022).
13. Арипова М. Сокращение бедности превращается в новое направление сотрудничества между странами ШОС. URL: <https://kun.uz/ru/news/2021/09/19/sokrashcheniye-bednosti-prevrashchayetsya-v-novoye-napravleniye-sotrudnichestva-mejdu-stranami-shos> (дата обращения: 21.10.2022).

14. Чжан Мин. Министерская встреча глав министерств и ведомств государств-членов ШОС по вопросам сокращения бедности (28.01.2022, г. Ташкент). URL: <https://e-cis.info/news/568/97918/> (дата обращения: 24.10.2022).
15. Ахмедов Т. Информационная безопасность – важный компонент взаимодействия в рамках ШОС (по состоянию на 1 августа 2022 года). URL: <https://nuz.uz/nauka-i-tehnika/1254180-informacionnaya-bezopasnost-vazhnyj-komponent-vzaimodejstviya-v-ramkah-shos.html> (дата обращения: 20.10.2022).
16. Итоговая декларация заседания Совета глав государств-членов ШОС (10 июня 2018 года, г. Циндао). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5315/print> (дата обращения: 25.10.2022).
17. Шерматов Ш. Выступление на научно-экспертном форуме по информационной безопасности Шанхайской организации сотрудничества (06.09.2022, г. Ташкент) URL: <https://nuz.uz/politika/1254370-sherzod-shermatov-predlozhil-stranam-shos-obedinit-usiliya-v-borbe-s-setevymi-prestupleniyami.html> (дата обращения: 25.10.2022).

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК АКТОРЫ СОВРЕМЕННОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАПАДНЫХ НПО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

***Аннотация.** Одна из отличительных особенностей современной гибридной войны — разнообразие участвующих в ней акторов. Западные неправительственные организации являются заметными участниками дестабилизирующих операций, нацеленных на расшатывание правящего режима и его последующую смену. Повышение активности неправительственных организаций связано с распадом СССР. Бывшие советские республики Центральной Азии привлекали Запад не только своими ресурсами, но и близостью к границам основных соперников: России, Ирана, Китая. Финансируемые из государственных бюджетов США, Великобритании и их союзников НПО осуществляют активную деятельность в Центрально-Азиатском регионе, взаимодействуя с различными политическими силами, гражданским обществом, молодежью, средствами массовой информации. Сетевая структура таких организаций, осведомленность о внутренних проблемах государства, налаженные контакты с местным населением и вовлеченность во внутривнутриполитические процессы позволяют рассматривать такие организации как каналы влияния на государства, в которых они функционируют, то есть как потенциальную угрозу национальной безопасности и правящим режимам, стремящимся вести независимую политику.*

***Ключевые слова:** неправительственные организации, гибридная война, Центральная Азия, Агентство США по международному развитию, Фонд предотвращения конфликтов, содействия стабильности и безопасности Великобритании.*

NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS AS ACTORS OF CONTEMPORARY HYBRID WAR: THE ACTIVITIES OF WESTERN NGO IN CENTRAL ASIA

***Abstract.** One of the distinguishing features of contemporary hybrid warfare is the variety of actors involved in it. Western non-governmental organizations are prominent participants in destabilizing operations aimed at undermining the ruling regime and its subsequent change. The increase of NGO's activity is connected with the collapse of the USSR: the former Soviet republics in Central Asia attract the West not only with their resources, but also with their proximity to the borders of their main rivals: Russia, Iran, and China. Funded from the state*

budgets of the USA, the United Kingdom and their allies, NGOs are active in the Central Asian region, interacting with various political forces, civil society, youth and the media. The network structure of such organizations, their awareness of the internal problems of the state, established contacts with the local population and involvement in internal political processes allows us to consider such organizations as channels of influence on the states in which they operate, that is, a potential threat to national security and the ruling regimes seeking to conduct an independent politics.

Keywords: *non-governmental organizations, hybrid warfare, Central Asia, the United States Agency for International Development (USAID), the UK Government's Conflict, Stability and Security Fund (CSSF).*

В 1991 году главы советских азиатских республик не участвовали в подписании Беловежского соглашения. Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан, граждане которых на референдуме голосовали за сохранение Советского Союза, стали независимыми государствами и остались наедине со своими проблемами, многие из которых решались только при участии Москвы (распределение ресурсов, поддержание международного мира, охрана государственных границ, обеспечение социальных гарантий и пр.). Несмотря на то, что прошло больше тридцати лет и в республиках сменилось не одно поколение политических лидеров, сегодня социально-экономические проблемы стоят почти так же остро. О.Г. Карпович отмечает долгосрочный характер этой тенденции: на развитие центральноазиатских государств и дальше будут влиять экономические трудности, деятельность заинтересованных государств и сохранение ресурсной напряженности [3].

Согласно индексу демократии за 2021 год, публикуемому британской компанией Economist Intelligence Unit (подразделение Economist Group, занимающееся исследовательско-аналитической деятельностью), Россия и центральноазиатские республики находятся в последней группе авторитарных стран, Киргизия здесь стоит выше России, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении¹. В своем последнем исследовании неправительственная американская организация Freedom House относит перечисленные государства к несвободным². Согласно ее рейтингу по уровню демократичности правительств для 29 стран Центральной Европы и Центральной Азии, рассматриваемые нами страны относятся к консолидированным авторитарным режимам: Киргизия (13 баллов), Казахстан (6 баллов), Россия (5 баллов), Узбекистан (4 балла), Таджикистан (2 балла), Туркмения (0 баллов)³. Однако граждане Киргизской

¹ Democracy Index 2021: The China challenge. London: The Economist Intelligence Unit Limited, 2022. P. 15–16.

² Freedom in the World 2022: The Global Expansion of Authoritarian Rule. Washington: Freedom House, 2022. P. 18–19.

³ Countries and Territories // Freedom House: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <https://freedomhouse.org/countries/nations-transit/scores> (дата обращения: 15.09.2022).

Республики, самого демократичного, по мнению западных специалистов, центральноазиатского государства, приезжают на заработки в Россию, получают гражданство и привозят свои семьи. Официальные данные национального статистического комитета этой Республики свидетельствуют о том, что Россия — наиболее популярное место для переезда киргизов за последние годы⁴. Если обратиться к данным Центрального банка Киргизии, то можно увидеть, что абсолютное большинство денежных переводов физических лиц осуществляется в Республику из России⁵. Такое положительное отношение к киргизской демократии, вероятно, связывается в том числе с частой сменяемостью политических лидеров, протестной активностью и революциями, в том числе «цветными».

А.О. Наумов обращает внимание на роль западных неправительственных организаций (НПО) в цветных революциях: появляясь в стране задолго до переворота, они организовывали разнообразные мероприятия, тренинги, семинары для гражданских и политических активистов, молодежи, кандидатов на происходивших в стране выборах, наблюдателей, собирали и публиковали нужную им информацию. Зонтичная структура позволяет НПО распространять прозападные и оппозиционные идеи, подогревая недовольство населения существующим порядком и подготавливая почву для выступлений против власти. Как отмечает Наумов, «тюльпановой революции» 2005 года в Киргизии предшествовало появление нескольких тысяч НПО, существовавших на деньги США и европейских стран [6, с. 212–213]. Основными заинтересованными в делах региона западными странами являются Великобритания и Соединенные Штаты Америки, реализующие операции влияния с привлечением неправительственных организаций. Рассмотрим механизмы такой деятельности, ее цели и охватываемые сферы.

Великобритания

Британская исследовательница Джейд Макглинн считает, что Центральная Азия служит для Великобритании местом демонстрации своего потенциала и умений решать задачи в разных сферах жизни других обществ. Она подчеркивает, что продвижение демократии и ценности человеческих прав следует ставить выше торговых сделок при планировании стратегии в регионе, так как именно инструменты мягкой силы создают привлекательный образ Великобритании [17].

Фонд предотвращения конфликтов, содействия стабильности и безопасности реализует программы более чем в 80 странах, предоставляя финансирование через официальную помощь в целях развития и другие источники.

⁴ Число выбывших — всего // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/4522/> (дата обращения: 15.09.2022).

⁵ Денежные переводы // Национальный банк Кыргызской Республики: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=1785&lang=RUS> (дата обращения: 15.09.2022).

Приоритетные для фонда направления определяет Совет национальной безопасности, возглавляемый премьер-министром Великобритании. Анализ программ Фонда, посвященных Центральной Азии, за 2017–2018⁶, 2018–2019⁷, 2019–2020⁸ и 2020–2021⁹ финансовые годы позволяет сделать следующие выводы. В реализации поставленных целей участвовали международные организации (Международная организация по миграции, Программа развития Организации Объединенных Наций, Организация ООН по вопросам образования, науки и культуры, Детский фонд ООН, Фонд ООН в области народонаселения), органы государственной власти Великобритании {Министерство иностранных дел и международного развития, Министерство обороны, Национальное криминальное агентство, Вестминстерский фонд за демократию (WFD), Британская национальная школа государственного управления (NSGI) и др.}, коммерческие (Albany Associates, Global Partners Governance Foundation) и неправительственные (Фонд Ага хана, Search for Common Ground, BBC Media Action, Международная тюремная реформа (PRI), Институт по освещению войны и мира (IWPR), Мадад и пр.) организации.

Такой подбор акторов позволяет эффективно работать в регионе: в зависимости от проекта и особенностей политического режима в стране может привлекаться номинально нейтральная и независимая НПО/НКО/международная организация, если, например, открытое присутствие британского министерства нежелательно или невозможно. Разнообразие участников также позволяет собирать информацию, налаживать связи и оказывать влияние на множество сфер и социальных групп.

Интерес для британских программ представляют вопросы внутривнутриполитического характера, касающиеся нескольких основных тем:

– СМИ: плюрализм, борьба с дезинформацией, работа со студентами и преподавателями факультетов журналистики, сотрудничество между журналистами и средствами массовой информации в четырех странах Центральной Азии, сотрудничество с США по реформированию СМИ;

⁶ Conflict, Stability and Security Fund: programme summary: Central Asia Programme 2017 to 2018 // Government of the United Kingdom: [сайт]. [2017]. [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/630281/Central_Asia_Programme_EECAD_2017.pdf (дата обращения: 15.09.2022).

⁷ Conflict, Stability and Security Fund: programme summary: Central Asia Programme 2018 to 2019 // Government of the United Kingdom: [сайт]. [2019]. [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/758164/EECA_Central_Asia_Programme_Summary_FY_18_19.odt (дата обращения: 15.09.2022).

⁸ Conflict, Stability and Security Fund: programme summary: Central Asia Programme 2019 to 2020 // Government of the United Kingdom: [сайт]. [2019]. [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/842427/Central_Asia_Programme_Summary.odt (дата обращения: 15.09.2022).

⁹ Conflict, Stability and Security Fund: programme summary: Central Asia Programme 2020 to 2021 // Government of the United Kingdom: [сайт]. [2021]. [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1003217/Central_Asia_programme_summary_2020_to_2021.odt (дата обращения: 15.09.2022).

– уязвимые группы населения: помощь молодежи, трудовым мигрантам, женщинам и заключенным, недопущение этноконфессиональных конфликтов, поддержка сообществ, проживающих в приграничных районах, и жертв этнических конфликтов;

– гендерные вопросы: продвижение гендерного равенства, предотвращение гендерного насилия (в том числе проведение работы с министерствами и религиозными организациями по этим вопросам);

– государственное управление: передача передовых британских и международных практик управления, содействие реформе пенитенциарной системы, партнерство в области обороны и безопасности, обучение (в том числе английскому языку) и подготовка вооруженных сил и правоохранительных органов, пользование ресурсами, «содействие надлежащему управлению в Узбекистане», консультирование администрации Президента и Правительства Республики Узбекистан.

В годовом отчете Фонда за 2018–2019 годы говорится о создании сети координаторов по гендерным вопросам в Восточной Европе, Центральной Азии и на Западных Балканах, чтобы «обмениваться передовым опытом и учиться тому, как интегрировать гендерные аспекты в различные тематические мероприятия» [14, р. 6]. В следующем году сообщалось об успешной деятельности этого института [15, р. 9–10]: привлеченные к проведению исследований и для обучения представительницы гражданского общества обсуждали барьеры для участия женщин в политических процессах и предлагали варианты их преодоления¹⁰.

Интересны и неправительственные организации, привлекаемые к реализации программ. Фонд Ага хана (далее — Фонд), упоминаемый в документах, является одним из элементов разветвленной структуры Организации Ага хана по развитию¹¹, которая занимается вопросами экономики, образования, здравоохранения, культуры, финансов во многих странах мира, в том числе в Республике Казахстан, Республике Таджикистан, Киргизской Республике. В качестве конкретного примера рассмотрим деятельность Фонда в Таджикистане.

Присутствие организации в Таджикистане стало заметным после распада СССР, в 1990-х годах, и было связано с гуманитарной и продовольственной помощью жителям Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), где в силу географических особенностей остро встал вопрос продовольственного обеспечения, ранее решавшийся силами СССР [1, с. 313–314]. Укреплению доверительных отношений структур Ага хана с регионом

¹⁰ CSOs consider gender commissions to improve peace talks // UN Women Georgia 2020: [сайт]. [2020]. [Электронный ресурс]. URL: <https://georgia.unwomen.org/en/news/stories/2020/03/csos-consider-gender-commissions-to-improve-peace-talks> (дата обращения: 15.09.2022).

¹¹ Организационная структура АКДН // Организация Ага Хана по развитию: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: https://d1zah1nkiby91r.cloudfront.net/s3fs-public/akdn_org_chart_080121_russian.pdf (дата обращения: 15.09.2022).

способствовал тот факт, что Карим Ага хан IV является лидером шиитов-исмаилитов, к которым относится подавляющее большинство памирцев, проживающих в ГБАО.

Согласно финансовой отчетности Фонда, расходы на таджикские программы социального развития составили около 11,6 процента от общей суммы средств, заложенных на 2021 год [9, р. 25]; большая часть денег реализуется посредством грантов. Большинство программ нацелены на памирцев Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО). Данные ежегодно публикующегося материала о школах за 2021 год показывают активную деятельность организации и в сфере образования этого региона: беседы со школьниками и их родителями, привлечение детей к участию в олимпиадах, проведение онлайн-занятий для учеников и учителей с зарубежными специалистами, взаимодействие образовательных учреждений с государственными институтами, предоставление возможности обучаться на различных языках в образовательных учреждениях сети (в том числе на киргизском, русском и др.), обеспечение поездок в США по программе обмена будущими лидерами (FLEX), проведение форума молодых лидеров (для 8–11 классов) [11].

Лицей Ага хана расположен в Хороге (ГБАО), поэтому большинство учеников — это также памирцы, исконно проживающие здесь. Зарина Мамадбекова, обучавшаяся в начальной школе лицея, Академии Ага хана в Момбасе (Кения) и Университете Торонто (УТМ), является наглядным примером того, как работают программы НПО в сфере образования. Девушка интересуется политикой, стремится работать в структуре организации Ага хана по развитию и на основании полученных знаний улучшить жизнь в родном Таджикистане¹².

Вместе с соотечественницами из Хорога, получающими образование и проживающими в Европе, Зарина принимает участие в становлении и развитии Памирской молодежной сети¹³. Эта организация занималась сбором финансовых средств для московской общины памирцев, приобретала медицинское оборудование вместе с Европейским банком реконструкции и развития для больницы в Хороге, привлекала волонтеров из числа местных жителей для помощи афганским беженцам [11, р. 23]. В 2020 году донорами для таджикских программ Фонда были Министерство иностранных дел и международного развития Великобритании, посольство Австралии в Москве, Германское общество по международному сотрудничеству, посольство Японии в Таджикистане, Министерство иностранных дел и международной

¹² Walji P. Zarina Mamadbekova (Class of 2017): The value of giving and daring to dream big // Aga Khan Academy Mombasa: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.agakhanacademies.org/mombasa/spotlight/zarina-mamadbekova-class-2017-value-giving-and-daring-dream-big> (дата обращения: 15.09.2022).

¹³ Pamiri Youth Network представляет... Пожертвуй на оксигенатор — сходи на онлайн концерт группы Baraka // Pamir Daily News: [сайт]. [2020]. [Электронный ресурс]. URL: <https://pamirdaily.com/pamiri-youth-network-представляет-пожертвуй-на-оксиг/> (дата обращения: 15.09.2022).

торговли Канады, Федеральное министерство иностранных дел Германии, немецкий государственный банк развития KfW, Агентство США по международному развитию, Всемирный банк и другие [10, р. 37].

В 2017 году Фонд полностью выкупил телекоммуникационную компанию Tcell, предоставляющую услуги мобильной связи и доступ в Интернет для трети абонентов Таджикистана¹⁴. Фонд и Агентство США по международному развитию сотрудничают с местным ОАО «Банк Эсхата», входящим в тройку крупнейших коммерческих банков страны¹⁵, для обучения молодежи¹⁶. Интересно, что председателем правления значимого для таджикской экономики банка является иностранец Райнер Мюллер-Ханке. Немецкий специалист до этого работал в России (Intesa Sanpaolo), Украине (Swedbank), Молдове (FinComBank), Азербайджане (AccessBank)¹⁷. В России он реализовывал программу Европейского банка реконструкции и развития¹⁸.

В документах также упоминается Вестминстерский фонд поддержки демократии (WFD), спонсируемый Министерством иностранных дел и международного развития Великобритании и являющийся «исполнительным вневедомственным государственным органом» [20, р. 2]. Ключевая задача данного фонда — «помощь в установлении и развитии плюралистической демократической практики и политических институтов». WFD ведет работу в тридцати девяти странах с гражданскими активистами, депутатами, наблюдателями на выборах, создает материалы (аналитические записки, руководства и сайты), проводит мероприятия [20, р. 3]. В Киргизии организация реализовала программы по укреплению местного самоуправления, поддержки женщин-политиков, содействию реформе СМИ¹⁹. Согласно годовому обзору, за 2021–2022 годы здесь была проведена подготовка наблюдателей для внеочередных выборов киргизского парламента, тренинги для парламентариев и представителей гражданского общества, семинары

¹⁴ Сделка состоялась: Фонд Ага хана полностью выкупил Tcell // Спутник Таджикистан: [сайт]. [2017]. [Электронный ресурс]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20170426/telia-tcell-aga-khan-fond-sdelka-prodazha-tadzhikistan-mobilnyy-operator-svyaz-paket-1022163911.html>.

¹⁵ Финансовые показатели банков // Национальный банк Таджикистана: [сайт]. [2022]. [Электронный ресурс]. URL: https://nbt.tj/ru/banking_system/finance_bank_pokazatel.php (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁶ Банк Эсхата, USAID и Фонд Ага хана помогают в трудоустройстве молодежи // Банк Эсхата: [сайт]. [2022]. [Электронный ресурс]. URL: <https://eskhata.com/about/news/6529/?ysclid=l8fwm8b3ou379286957> (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁷ Райнер Мюллер-Ханке назначен Председателем Правления ОАО «Банк Эсхата» // SugdNEWS: [сайт]. [2020]. [Электронный ресурс]. URL: <https://sugdnews.com/2020/02/19/rayner-myuler-khanke-naznachen-predsedatelem-pravleniya-eskhata/> (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁸ Райнер Мюллер-Ханке: Наша цель — обеспечить доступ к кредитным ресурсам максимальному числу предприятий малого бизнеса // Континент Сибирь Online: [сайт]. [2001]. [Электронный ресурс]. URL: <https://ksonline.ru/nomer/ks/-/id/18140/> (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁹ Kyrgyzstan // Westminster Foundation for Democracy: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wfd.org/where-we-work/kyrgyzstan> (дата обращения: 15.09.2022).

для молодежи и гражданских активистов о недопустимости разжигания ненависти [20, р. 11–12, 23].

BBC Media Action – международная благотворительная организация, большую часть бюджета 2020–2021 годов которой составили пожертвования от Министерства иностранных дел и международного развития Великобритании, также крупные суммы внесли Министерство иностранных дел и международной торговли Канады, Шведское агентство международного сотрудничества, норвежское Агентство по сотрудничеству в целях развития, Фонд Билла и Мелинды Гейтс, Европейский союз, Датский совет по беженцам и другие [12, р. 15]. Организация нацелена на предоставление доступа «к надежной, своевременной и полезной информации» в сферах государственного управления, прав человека, здравоохранения, устойчивости и гуманитарного реагирования [13, р. 4–5].

Посредством мероприятий, семинаров и поездок осуществляется работа с местными таджикскими журналистами: например, в 2017 году в Лондоне им рассказывали о важности изучения общественного мнения при реализации проектов, запланировали провести «тренинги по подготовке медиа-программ, в частности, по вопросам производства новостных и развлекательных программ», организовали общение с чиновниками британского Форин-офиса²⁰. О том, какой вектор задается журналистам, проходящим обучение и посещающим мероприятия организации, может рассказать работа, которую написал глава таджикского бюро BBC Исфандияр Адинабай после трехмесячного обучения в Оксфорде, оплаченного BBC Media Action. Он пишет о том, что власти не готовы к диалогу с гражданским обществом, подавляют инакомыслие, избегают изменений, апеллируя к ужасам гражданской войны [8, р. 4–5]. Адинабай считает, что с приходом Э. Рахмона к власти свобода слова закончилась: десятки частных газет были закрыты, государственные СМИ были взяты под контроль властями и «стали инструментами государственной пропаганды», происходили убийства журналистов и оппозиционных деятелей [8, р. 9–10]. С начала 2000-х годов независимые СМИ могут функционировать только при поддержке зарубежных спонсоров: автор упоминает появившееся перед президентскими выборами 2013 года объединение нескольких независимых газет «Матбуат», которое просуществовало четыре месяца на грант посольства США [8, р. 11].

Во всех рассмотренных британских программах большое внимание уделяется средствам массовой информации, которые, как отмечает А.В. Манойло, являются каналами «доведения информационного воздействия до конкретной целевой аудитории» и актерами информационных войн [5]. Грантовый формат позволяет подкармливать журналистов, продвигающих нужную заказчику (Великобритании) повестку и собирать большое

²⁰ Журналисты Узбекистана в Лондоне // Anhor.uz: [сайт]. [2017]. [Электронный ресурс]. URL: <https://anhor.uz/news/zhurnalisti-uzbekistana-v-londone/> (дата обращения: 15.09.2022).

количество важной информации, которую могут предоставить исключительно местные специалисты, знакомые с реальным положением дел во всех сферах жизни населения конкретного государства, региона, района или конкретной группы (в зависимости от возраста, достатка, места проживания, рода деятельности и т.п.).

Соединенные Штаты Америки

Стратегия США для Центральной Азии на 2019–2025 годы провозглашает, что «главный стратегический интерес Соединенных Штатов в этом регионе заключается в создании более стабильной и процветающей Центральной Азии, которая может свободно реализовывать политические, экономические интересы и интересы безопасности с различными партнерами на своих собственных условиях; связываться с мировыми рынками и быть открытой для международных инвестиций; иметь сильные демократические институты, соблюдать верховенство закона и уважать права человека»²¹. Среди используемых Штатами средств достижения названных целей в документе упоминаются прямое финансирование США, выделение помощи международными финансовыми институтами (Всемирный банк, Международный валютный фонд, Европейский банк реконструкции и развития, Азиатский банк развития), финансирование поездок учащихся и специалистов за рубеж, финансовая поддержка культурно-исторических объектов региона, инвестиции американского бизнеса и прочее. Планируется, что с 2019 по 2025 год США будут консультировать органы местного самоуправления, поддерживать независимость региональной энергетической системы, продолжать обучение молодежи в Американском университете в Центральной Азии и американских центрах, проводить совместные военные учения, помогать с реализацией правовых норм, стимулировать гражданский активизм, обучать и направлять журналистов, участвовать в реформировании среднего и высшего образования, привлекать «европейских партнеров-единомышленников» к участию в делах региона. Такая политика Соединенных Штатов призвана «способствовать продвижению американских ценностей и служить противовесом влиянию региональных соседей» (то есть России и Китая как наиболее влиятельных и заинтересованных соседних держав).

Профессор Марта Брилл Олкотт отмечает, что государства Каспийского региона и Центральной Азии интересны для Штатов по нескольким причинам, в том числе из-за наличия неразработанных запасов нефти и газа и соседства с Афганистаном, Россией, Китаем и Ираном [18]. Олкотт считает, что поддержка центральноазиатских НПО не должна фокусироваться

²¹ United States Strategy for Central Asia 2019–2025 // United States Department of State: [сайт]. [2020]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/> (дата обращения: 15.09.2022).

исключительно на оппозиционных политических силах, так как ни одна из них пока не продемонстрировала демократического управления. Помощь от США необходимо распространить до низового уровня, затрагивая и оппозиционные, и проправительственные движения, а также сельские сообщества и молодежь. Американцы считают страны Центральной Азии автократическими, но вводить санкции по причине несоблюдения прав человека здесь не рекомендуется, так как это помешает присутствию и ведению деятельности США в регионе. Таким образом, демократические ценности, провозглашаемые главным ориентиром для западных стран при осуществлении внутренней и внешней политики, могут отодвигаться в сторону, когда дело касается интересов.

Необходимо подчеркнуть, что процедура предоставления помощи от США другим странам строго регламентирована. Как отмечает В.И. Бартенев, закон об иностранной помощи, принятый в 1961 году, стал первым в мире нормативным правовым актом, регулирующим распределение грантов, займов, кредитов, гарантий для иностранных государств. Исследователь также подчеркивает, что в законе закрепляется использование «как экономической помощи (включая средства программы “Фонд экономической поддержки”, политико-стратегической по своему целевому назначению), так и военной помощи (включающей в себя гранты на поставки вооружений, средства на программы обучения и подготовки военных специалистов зарубежных стран, финансирование международных миротворческих операций, а также выдачу кредитов или гарантий под поставки вооружений и экспортных лицензий), а также помощи в области безопасности» [2, с. 113–114]. Распад Советского Союза послужил причиной для увеличения финансирования американских организаций, продвигающих демократические ценности за рубежом, а основным спонсором такой деятельности стало Агентство по международному развитию [4, с. 72]. В 1992 году был подписан Акт о поддержке свободы (Закон о поддержке свободы в российской и новых евразийских демократиях и открытых рынках) для бывшего СССР, регулирующий процедуру предоставления помощи бывшим советским республикам. Согласно параграфу 201 раздела II, помощь не может быть оказана «правительству любого независимого государства, которое, по мнению [американского] президента, постоянно совершает грубые нарушения прав человека или международного права»²².

Автоматизированная система директив (ADS) — документ, регламентирующий политику Агентства по международному развитию. Ее глава, посвященная регулированию процесса выделения грантов и заключения соглашений о сотрудничестве агентства, определяет высшие учебные заведения, больницы, некоммерческие и неправительственные организации

²² Freedom for Russia and Emerging Eurasian Democracies and Open Markets Support Act of 1992 or FREEDOM Support Act // Congress.gov: [сайт]. [1992]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/2532/text> (дата обращения: 15.09.2022).

и коммерческие организации как получателей помощи от Агентства²³. Также получателями грантовой помощи могут быть иностранные правительства, которые в свою очередь при реализации программы/проекта должны покрыть 25 процентов затрат (допускаются исключения)²⁴. Внимание уделяется гендерным вопросам: все мероприятия, проводимые при финансовой поддержке Агентства, должны помимо основной своей задачи поддерживать гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин²⁵; исполнители обязаны отчитываться, опираясь на гендерно-чувствительные индикаторы²⁶.

Совместная региональная стратегия Бюро государственного департамента США по делам Южной и Центральной Азии и Азиатского бюро Агентства по международному развитию провозглашает, что ключевая цель их внешнеполитической деятельности в регионе — работа «в интересах американского народа, его безопасности и экономического процветания», для достижения которой реализуется целый перечень задач, связанных с привлечением международного сообщества и организаций (инициатива «Восстановить мир лучше прежнего» (Build Back Better World), работа в формате «С5+1» (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан и США)), погодной проблематикой (проблема глобального потепления, необходимость сокращения выбросов парниковых газов и развитие технологий экологически чистой энергии, внедрение принципов климатически оптимизированного сельского хозяйства), энергетикой (продвижение региональной энергетической интеграции, возобновляемых источников энергии), здравоохранением (борьба с пандемией COVID-19, полиомиелитом, туберкулезом, неинфекционными заболеваниями и прочим, поощрение обмена эпидемиологическими данными между странами Южной и Центральной Азии), поддержкой гражданского общества и СМИ (в Центральной Азии американцев особенно интересуют проблемы меньшинств, помощь организациям гражданского общества и медиа, противостоящим дезинформации, авторитарным тенденциям и цензуре)²⁷. Примечательно, что стратегия направлена на оказание влияния на внутренние процессы государств региона,

²³ ADS Chapter 303: Grants and Cooperative Agreements to Non-Governmental Organizations // USAID: [сайт]. [2022]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/303.pdf>. P. 5 (дата обращения: 15.09.2022).

²⁴ ADS Chapter 350: Grants to Foreign Governments // USAID: [сайт]. [2003]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/350.pdf>. P. 5–18 (дата обращения: 15.09.2022).

²⁵ ADS Chapter 303: Grants and Cooperative Agreements to Non-Governmental Organizations // USAID: [сайт]. [2022]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/303.pdf>. P. 17 (дата обращения: 15.09.2022).

²⁶ ADS Chapter 205: Integrating Gender Equality and Female Empowerment in USAID's Program Cycle // USAID: [сайт]. [2021]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/205.pdf>. P. 4 (дата обращения: 15.09.2022).

²⁷ Joint Regional Strategy // State Department Bureau of South and Central Asia, USAID Asia Bureau. Washington: The United States Department of State, 2022. 37 p.

мировоззрение населения, проникновение во властные институты за счет плотного сотрудничества по актуальным вопросам.

По мнению западных политиков, в Европе и Евразии Россия является основной угрозой, которая стремится дискредитировать демократию и насадить авторитарные режимы²⁸. Обвиняя Российскую Федерацию и Китай в использовании «нетрадиционной тактики»²⁹, американцы в этом же тексте обоснования бюджета на 2023 финансовый год описывают куда более изощренные инструменты ведения гибридной войны, которые сами используют на практике. Авторы документа полагают, что специальная военная операция России на территории Украины негативно отразится на государствах Центральной Азии, — на них распространятся потоки дезинформации, угрозы гражданскому активизму и медийному пространству, последствия экономических санкций³⁰. Москва обвиняется в нападках на свободные средства массовой информации и распространении дезинформации, поэтому «Соединенные Штаты будут использовать инструменты публичной дипломатии и иностранной помощи для противодействия»³¹.

Национальный фонд демократии, преимущественно финансируемый Агентством по международному развитию, в евразийском регионе будет поддерживать «усилия по анализу и прояснению клептократических практик правящего класса России и связей между коррупцией и нарушениями прав человека, а также поддерживать технологические фонды в все более ограниченной интернет-среде» и «сеть активистов и исследователей из Центральной Азии и Южного Кавказа для проведения исследований, анализа и повышения осведомленности о растущем влиянии Китая в регионе»³². Деятельность американской организации направлена на информационное и идеологическое воздействие на граждан с целью создания у них негативного восприятия России и Китая, как крупнейших держав-конкурентов

²⁸ Congressional Budget Justification Foreign Operations: Appendix 2, fiscal year 2023 // The United States Department of State: [сайт]. [2022]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/05/FY-2023-Congressional-Budget-Justification-Appendix-2-final-508comp.pdf>. P. 29 (дата обращения: 15.09.2022).

²⁹ Congressional Budget Justification Foreign Operations: Appendix 2, fiscal year 2023 // The United States Department of State: [сайт]. [2022]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/05/FY-2023-Congressional-Budget-Justification-Appendix-2-final-508comp.pdf>. P. 19 (дата обращения: 15.09.2022).

³⁰ Congressional Budget Justification Foreign Operations: Appendix 2, fiscal year 2023 // The United States Department of State: [сайт]. [2022]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/05/FY-2023-Congressional-Budget-Justification-Appendix-2-final-508comp.pdf>. P. 29 (дата обращения: 15.09.2022).

³¹ Congressional Budget Justification Foreign Operations: Appendix 2, fiscal year 2023 // The United States Department of State: [сайт]. [2022]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/05/FY-2023-Congressional-Budget-Justification-Appendix-2-final-508comp.pdf>. P. 19 (дата обращения: 15.09.2022).

³² Congressional budget justification: Appendix 1: Department of State Diplomatic Engagement, fiscal year 2023 // The United States Department of State: [сайт]. [2022]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/05/FY-2023-CBJ-Appendix-1-Full-Documents-Final.pdf>. P. 447–448 (дата обращения: 15.09.2022).

США. Агентство по международному развитию пристально анализирует российские СМИ, — изучению подвергаются владельцы средств массовой информации, их аудитория, влияющие на их содержание акторы³³.

В качестве наглядных продуктов деятельности американского Агентства и НПО рассмотрим молодежные сериалы. Они выступают одним из инструментов информационно-идеологического воздействия на жителей региона. Сериал «Школьные выборы» (Мектеп шайлоосу), вышедший на экраны в ноябре 2020 года при поддержке Института ЮНЕСКО по информационным технологиям и Объединенной программы ООН по ВИЧ/СПИД (ЮНЭЙДС), был снят киргизской студией Media Kitchen, среди партнеров которой также числятся Агентство по международному развитию в Киргизии, Интерньюс, ПРООН, Фонд «Сорос-Кыргызстан», посольство США в Киргизской Республике, Фонд Ага хана, ЮНИСЕФ, Хельветас и другие³⁴.

В сериале рассказывается о том, «как школьные выборы стали моделью современного общества в миниатюре»³⁵: смелая девушка Аяна, живущая с ВИЧ, смогла выиграть школьные выборы, обойдя наглого мажора — сына влиятельного человека. В ходе избирательной кампании героиня сталкивается с боязнью перемен у избирателей, угрозами от действующего президента школы, не желающего отдавать власть, подкупом избирателей со стороны конкурента, утечкой личной информации и прочее.

Профинансированный Агентством США по международному развитию сериал «Поколение пандемии. Кыргызстан-2020»³⁶, тендер на создание которого был размещен в твиттере представительства данной американской организации в Киргизии, повествует об актуальных проблемах жителей Республики на фоне пандемии. Актеры, в основном непрофессионалы, являются представителями разных этнических и языковых групп, проживающих на территории страны.

Художественно-образовательный сериал про дебаты «Игра в слова» («Сөздөр оюну») также получил финансирование от Агентства по международному развитию в Киргизии и Программы поддержки развития горных сообществ Киргизии (инициатива Фонда Ага хана). В нем зрителям демонстрируется работа кружка дебатов, истории его участников и волнующие

³³ Congressional Budget Justification Foreign Operations: Appendix 2, fiscal year 2023 // The United States Department of State: [сайт]. [2022]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/05/FY-2023-Congressional-Budget-Justification-Appendix-2-final-508comp.pdf>. P. 21 (дата обращения: 15.09.2022).

³⁴ Партнеры // Media Kitchen: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kitchen.kg> (дата обращения: 15.09.2022).

³⁵ ИИТО ЮНЕСКО и ЮНЭЙДС выпустили интерактивный сериал для кыргызской молодежи о школе, жизни с ВИЧ и борьбе за справедливость // Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании: [сайт]. [2020]. [Электронный ресурс]. URL: <https://iite.unesco.org/ru/news/serial-shkolnye-vybory-premera/> (дата обращения: 15.09.2022).

³⁶ Продолжается процесс производства сериала «Поколение пандемии. Кыргызстан-2020» // Internews Kyrgyzstan: [сайт]. [2021]. [Электронный ресурс]. URL: <https://internews.kg/video-naglavnoj/prodoljajetsa-protsess-proizvodstva-seriala-pokolenie-pandemii-kyrgyzstan-2020/> (дата обращения: 15.09.2022).

их проблемы. Герои дискутируют по правилам британского формата парламентских дебатов, затрагивая в своих выступлениях важность демократических ценностей. Отличительной чертой сериала является присутствие феминитивов, несвойственных привычной нам разговорной речи: лидерка, премьер-министерка, спикерка и тому подобное.

Можно выделить общие черты упомянутых сериалов:

- вовлечение непрофессиональных актеров из числа местных жителей в съемки;
- использование русского и киргизского языков: если герой говорит на русском, то ниже идут субтитры на киргизском и наоборот, что позволяет охватить широкую аудиторию;
- акцент на острые проблемы: бедность, неравенство, несправедливость, зашоренность старшего поколения, безнравственность богатых людей, тяжелая жизнь трудовых мигрантов в России, бессмысленность традиций в современном мире, насилие над женщинами и детьми и так далее;
- финансирование съемок зарубежными структурами;
- доступность на онлайн-платформах: можно смотреть бесплатно и в любое время;
- продвижение в социальных сетях: создаются странички/группы, где публикуются дополнительные эпизоды и информация о героях;
- положительные герои — продвинутые люди, выбирающие демократические ценности и идущие наперекор окружающей их несправедливости;
- создание образа активной и смелой женщины с ярко выраженной гражданской позицией, — внешний вид такой героини соответствует скорее западным, а не местным стандартам (макияж, распущенные волосы, брюки).

Заключение

Центральная Азия продолжает оставаться местом столкновения интересов ключевых акторов мировой политики. Западные НПО, являясь ширмой, которая прикрывает государственные органы западных стран, продолжают свободно осуществлять свою деятельность по сбору информации, касающейся внутренних проблем государств (о состоянии экономики, системы здравоохранения, сферы образования, настроениях гражданского общества и др.) за счет установления контактов с представителями правящих элит и выстраивания доверительных отношений с населением (оказание помощи по бытовым вопросам, выделение грантов на развитие проектов, обучение молодежи на местах и за рубежом, поддержание некоторых инфраструктурных объектов). Собранные данные позволяют выстраивать эффективную стратегию проведения операций влияния, подбирая различные инструменты для продвижения заданной прозападной повестки.

НПО может встраиваться в государственную систему и даже выполнять функции государства, поддерживая социально-экономическое благополучие местных жителей, если само государство неспособно или не желает

делать этого. Однако авторитет официальной власти при таком сценарии снижается: люди видят, что их проблемы решает неправительственная организация, а государственные институты второстепенны, поэтому в случае возникновения кризисной ситуации вероятность того, что они прислушаются к представителям НПО, достаточно велика. Эми Майерс Джаффе подчеркивала, что религиозные, этнические и культурные особенности непосредственно влияют на стабильность региона, однако предостерегала от военной поддержки каких-либо сил, вспоминая негативный опыт в Афганистане [16, р. 146]. Здесь мы видим, что вместо оружия были выбраны некоммерческие, неправительственные, религиозные и международные организации как акторы (а фактически инструменты в руках США и Великобритании) гибридной войны.

Как пишет М.А. Рахимов, российская политика в отношении Центральной Азии и каждой страны региона в отдельности не имеет четкой стратегии, а выстраивается ситуативно, как реакция на внешние события [19, р. 142]. И.А. Селезнев, анализируя роль ШОС и ОДКБ, отмечает, что в оборонной сфере процесс интеграции не всегда последователен и осложняется стремлением некоторых стран балансировать там, где это не совсем уместно (например, Казахстан, являясь членом ОДКБ и ШОС, тесно сотрудничает с НАТО по вопросам военного образования по стандартам Альянса, планирования, разработки доктринальных документов, технического оснащения вооруженных сил и тому подобного³⁷). Экстремистские формирования также продолжают быть угрозой [7]. Следовательно, чрезвычайно важный для национальной безопасности России регион требует внимания. Существующие противоречия внутри самих республик и между ними создают благоприятную среду для разжигания конфликта, чему в любой момент могут поспособствовать многочисленные прозападные неправительственные организации, имеющие богатый опыт в этой сфере. Как следует из вышеизложенных фактов, НПО имеют разветвленную сетевую структуру, способную влиять на политические процессы на разных уровнях.

Список литературы

1. Алексеева А.В. Роль Организации развития Ага хана в постконфликтном восстановлении Таджикистана // Пути к миру и безопасности. 2018. № 1(54).
2. Бартенев В.И. Блокирование помощи как элемент внешнеполитического инструментария США: de jure и de facto // Вестник МГИМО Университета. 2018. № 6(63).
3. Карпович О.Г. Центральная Азия: трудный путь политического развития // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. № 4.

³⁷ Казахстан – НАТО // Посольство Республики Казахстан в Королевстве Бельгия: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-brussels/activities/1678?lang.ru> (дата обращения: 15.09.2022).

4. Макфол М. Демократия на марше? // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9. № 4.
5. Манойло А.В. «Цветные» революции как отмычка для демократии // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 3.
6. Наумов А.О. Роль неправительственных организаций в «цветных революциях» // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 71.
7. Селезнев И.А. Роль ОДКБ и ШОС в обеспечении безопасности стран Средней Азии // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4.
8. Adinabay E. Changing media and politics in Tajikistan // Reuters Institute for the Study of Journalism, University of Oxford. 2013. 66 p.
9. Aga Khan Foundation (United Kingdom): Report of Council and financial Statements // Aga Khan Foundation UK: [сайт]. [2021]. [Электронный ресурс]. URL: <https://2p5e1o1szve347qz4f3042sx-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/2022/08/AKFUK-Financial-Statements-2021.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).
10. Aga Khan Foundation, Tajikistan: Annual Report 2020. Dushanbe: Aga Khan Foudation Tajikistan, 2021. 37 p.
11. Aga Khan Schools 2021: Annual Publication // The Aga Khan Academies: [сайт]. [2022]. [Электронный ресурс]. URL: https://d1zah1nkiby91r.cloudfront.net/s3fs-public/aks_annual_publication_2.pdf (дата обращения: 15.09.2022).
12. BBC Media Action annual report 2020/2021. London: BBC Media Action, 2021. 86 p.
13. BBC Media Action: Strategy 2018–2021. London: BBC Media Action, 2018. 18 p.
14. Conflict, Stability and Security Fund: Annual Report 2018/19. London: Foreign and Commonwealth Office, 2019. 43 p.
15. Conflict, Stability and Security Fund: Annual Report 2019/20. London: Foreign and Commonwealth Office, 2021. 40 p.
16. Jaffe A. US policy towards the Caspian region: can the wish-list be realized // The security of the Caspian Sea region. 2001.
17. McGlynn J. Rethinking Britain's Central Asia Strategy // The Diplomat: [сайт]. [2021]. [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2021/03/rethinking-britains-central-asia-strategy/> (дата обращения: 15.09.2022).
18. Olcott M.B. A new direction for U.S. policy in the Caspian region. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2009. 8 p.
19. Rakhimov M. Central Asia in the Context of Western and Russian Interests // L'Europe en Formation. V. 375. № 1. 2015.
20. Strengthening democracy around the world: Annual Review 2021–2022 // Westminster Foundation for Democracy: [сайт]. [2021]. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wfd.org/sites/default/files/2022-09/WFD%20Annual%20Review%202021-22_0.pdf (дата обращения: 15.09.2022).

О.А. ОВСЯННИКОВА

ЗНАЧЕНИЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА В ГЛОБАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аннотация. В статье анализируются значимые последствия украинского кризиса для мировой системы международных отношений, проявляющиеся на глобальном уровне. Раскрывается роль данного кризиса в трансформации мирового порядка, что повышает риск глобального вооруженного конфликта. Автором показываются последствия сложившейся критической ситуации на региональном уровне.

Ключевые слова: Украина, внешняя политика, кризис, внешнее управление, санкции; мировое сообщество, геополитическое и геостратегическое пространство, глобальный экономический кризис, трансформация мирового порядка.

THE SIGNIFICANCE OF THE UKRAINIAN CRISIS IN THE GLOBAL AND REGIONAL DIMENSION

Abstract. The article analyzes the significant consequences of the Ukrainian crisis for the world system of international relations, manifested at the global level. The role of the Ukrainian crisis in the transformation of the world order is revealed, which increases the risk of a global armed conflict. The author shows the consequences of the Ukrainian crisis at the regional level.

Keywords: Ukraine, foreign policy, crisis, external governance, sanctions, world community, geopolitical and geostrategic space, global economic crisis, transformation of the world order.

Украинский кризис, развязка которого, по всей видимости, еще не наступила, стал триггером глобальных изменений в политике, экономике и других основных сферах жизнедеятельности мирового сообщества. Наиболее остро и конфликтно процессы трансформации мирового порядка происходят на Украине, ставшей для Европы своего рода «пороховой бочкой», почти такой же проблемой, какой были Балканы на рубеже XIX–XX столетий. Сама же Европа стала тем геополитическим и геостратегическим пространством, в котором в настоящее время происходят столкновения позиций и интересов ведущих центров силы мирового сообщества.

ОВСЯННИКОВА Ольга Александровна — исполнительный директор Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, кандидат педагогических наук, доцент, г. Люберцы

Уже сейчас наиболее значимые следствия украинского кризиса для мировой системы международных отношений проявляются на глобальном уровне в виде:

- попыток США навязать свою волю в противостоянии России всему мировому сообществу;
- искусственном разделении мирового сообщества на сторонников и противников политики стратегического сдерживания России;
- консолидации сил противников политики американского диктата в мировой политике и глобальной экономике;
- противопоставления коллективного запада формирующемуся коллективному востоку;
- развития и углубления энергетического и экономического кризиса;
- формирования предпосылок к продовольственному кризису на глобальном уровне и увеличения населения стран, находящихся под угрозой голода.

На региональном уровне значение рассматриваемого кризиса проявляется в:

- последовательной дефрагментации постсоветского пространства;
- обострении борьбы за влияние на постсоветском пространстве ведущих мировых акторов;
- развитии кризиса европейского сообщества, дефрагментации европейского политического и экономического пространства;
- формировании предпосылок к развитию системного кризиса Европейского союза, усилении его зависимости от США;
- эскалации энергетического, экономического, продовольственного, миграционного, гуманитарного и других кризисов.

Все эти и другие последствия, как и формирующиеся тенденции трансформации мирового сообщества, в последние десятилетия обретают все более четкие очертания и свидетельствуют о кардинальной перестройке системы международных отношений и в целом современного мирового порядка.

Очевидным фактом является то, что эти процессы не носят спонтанного характера, а напротив, как показывают материалы Rand Corporation и других аналитических центров США, представляют собой некую разновидность четко выраженной стратегии, преследующей цель удержания лидерства на глобальном уровне. Об этом же свидетельствует и авторский анализ трансформации мирового порядка на протяжении последних десятилетий [1]. При этом очевидно, что речь идет об утверждении не столько американского, сколько англосаксонского глобального лидерства.

В последние десятилетия, особенно после выхода Великобритании из Евросоюза, ее роль в мировой политике чрезвычайно усилилась и обрела характер относительной самостоятельности. Более того, по ряду направлений она стала инициатором ряда внешнеполитических акций, осуществляемых совместно с США.

Тот факт, что в сентябре 2021 года был создан блок AUKUS с участием Австралии, являющейся членом Британского содружества наций, говорит о влиянии Великобритании на этот процесс, о возросшей роли которой в эскалации современных негативных процессов на глобальном уровне свидетельствует и развитие украинского кризиса. Примечательно также и то, что именно Великобритания долгое время являлась основным куратором и Украины, и ее руководства, в том числе в оснащении ее вооруженных сил и развитии военной инфраструктуры.

Тесные контакты президента Украины с руководством Британии и ее спецслужб являются следствием того, что США в период президентства Д. Трампа утратили ведущую роль в управлении украинским вопросом и только лишь с избранием президентом Дж. Байдена вновь вернулись к более активной позиции в управлении украинским антироссийским кризисом. Таким образом, важнейшим политическим следствием развития современной ситуации является восстановление активной внешнеполитической роли Великобритании и выход ее из-под опеки США.

Что же касается самих США, то они, как полагает И. Валлерстайн, постепенно утрачивают свое глобальное лидерство, так же, как Нидерланды (Соединенные провинции) в середине XVII века, а Великобритания (Соединенное Королевство) в середине XIX века. К числу явлений, присущих началу процесса упадка господства, по мнению ученого, относятся: возросший экономический потенциал «союзных» великих держав; валютная нестабильность; снижение значения мировых финансовых рынков при одновременном усилении роли новых центров принятия решений; финансовый кризис господствующей страны; снижение уровня организации (и стабилизации) мировой политической поляризации сил и напряженности; уменьшение степени готовности людей жертвовать жизнью ради поддержания власти господствующей державы [2, с. 32]. Все это очевидно для современной политической практики, что и подтверждает выводы И. Валлерстайна, сделанные им еще в 90-х годах прошлого столетия о неминуемой утрате США своей гегемонии.

Что же касается других союзников США по НАТО и иным организациям и структурам, то их роль в эскалации нынешнего украинского кризиса носит в значительной мере вынужденный и вспомогательный характер. В этом плане важнейшей политической целью Соединенных Штатов является мобилизация на противоборство с Россией членов НАТО, ЕС и некоторых других их ближайших союзников. Так, в частности, Япония и Австралия присоединились к антироссийской коалиции в качестве двух региональных держав.

В результате Германия, Франция и ряд других европейских государств, как члены НАТО и Евросоюза, реализуют политику по применению санкций в отношении России, а также осуществляют поставки вооружений и техники, оказывают всестороннюю помощь в силу своих союзнических

обязательств США. И именно эти страны и Евросоюз в целом должны, по замыслу американского и британского руководства, взять на себя основные риски антироссийских и ответных со стороны России акций. При этом очевидный ущерб от данных действий собственной экономике, социальной сфере и состоянию внутривнутриполитической стабильности руководством большинства европейских стран игнорируется, что свидетельствует об их ангажированности, неспособности и нежелании осуществлять суверенную политику.

* * *

Наиболее остро это проявляется в сфере энергетики. Именно в Европе энергетический кризис обрел практически катастрофический характер. Это было во многом обусловлено политикой руководства Евросоюза с его ставкой на возобновляемую энергетику и постепенный отказ от использования углеводородов.

Другим фактором, способствовавшим усугублению кризиса в энергетической сфере Евросоюза, стало реформа «газового рынка», заключавшаяся в увеличении до максимума доли спотовых договоренностей (быстрая покупка и оплата определенного количества газа на бирже с оговоренной датой поставки) и постепенном отказе от долгосрочных контрактов. Очевидно, что целью данной реформы было снизить зависимость европейских стран от долгосрочных контрактов, подписываемых как с Газпромом, так и с другими поставщиками газа в Европе. Последовавший за данными действиями европейцев рост цен на газ был обусловлен также и тем, что после отказа от угля, он являл собой главный ресурс европейских стран для производства электричества.

Во многом цели реформы были достигнуты, — более половины потребляемого Европой газа стало импортироваться по спотовым контрактам. Но результатом этого стал стремительный рост цен на газ: с августа по декабрь 2021 года фьючерсы на газ выросли более чем в четыре раза, — с 515 долларов до 2022 долларов за тысячу кубометров [3].

Именно об этом в свое время говорил Президент Российской Федерации В.В. Путин. По его словам, «Россия предупреждала европейских партнеров об опасности разрушения системы долгосрочных контрактов. Рекордный рост спотовых цен на газ был спровоцирован множеством факторов: неблагоприятной погодой, длинной и холодной весной в 2021 году, низким уровнем закачки газа в европейские подземные хранилища, неработающими ветряными электростанциями» [4]. Все это создало дефицит, ставший причиной резкого роста цен на газ на мировых рынках.

Эскалация украинского кризиса и начало Специальной военной операции стали поводом для введения против России комплекса антироссийских санкций, в том числе в сфере энергетики.

Самым сильным западным ограничением в рамках так называемого первого пакета санкций стало решение Германии остановить сертификацию «Северного потока-2». Кроме того, были введены персональные санкции против менеджмента российской компании, а также начата процедура частичной национализации некоторого имущества «Газпрома» в Европе и полного запрета на сотрудничество с североамериканскими предприятиями.

Помимо этого, были введены санкции в отношении нефтяных компаний, главные добывающие активы которых располагаются в России. Основными ограничениями первого пакета, в частности стали: договоренность стран ЕС о том, что с 2023 года морские поставки нефти из Российской Федерации в Европу будут запрещены. Таким образом, под ограничения попало 68 процентов российских энергоресурсов, поставляемых в ЕС, остальные 32 процента доставляются с помощью трубопроводов; запрет Еврокомиссии страховать танкеры с российской нефтью; персональные санкции против высшего руководства, которые заставили иностранных топ-менеджеров «Роснефти» уйти из компании; запрет европейским компаниям инвестировать в новые нефтяные проекты России.

Все это привело к росту цен на нефть на 50 процентов и к тому, что российские компании стали продавать больше энергоресурсов азиатским странам, в частности Индии и Китаю [5].

Санкции США и ЕС нанесли, конечно же, ущерб российской экономике и, непосредственно энергетическому сектору. Но все же цель, преследуемая руководством Евросоюза, достигнута не была. Санкции не разрушили российскую экономику, как это планировалось США и Евросоюзом.

Причиной этого стала переориентация Россией экспорта углеводородов с европейских потребителей на азиатские, в том числе на крупнейшие развивающиеся экономики Индии и Китая. Так, уже в июле 2022 года на индийские государственные нефтеперерабатывающие заводы пришлось порядка 60 процентов российского объема. Закупки Китаем нефти, нефтепродуктов, газа и угля с начала специальной военной операции России, по оценке агентства «Bloomberg», увеличились на 55 процентов по сравнению с аналогичным периодом 2021 года и составили порядка 35 миллиардов долларов [6].

В то же время для самой Европы введение антироссийских санкций в области энергетики обрело нежелательный характер. Так, только за 2022 год поток газа из России упал более чем на 82 процента. Если в январе 2021 года поставки из России составляли около 40 процентов газа, потребляемого в Европе, то к сентябрю 2022 года этот показатель не достигал и 10 процентов. Резкое снижение поставок газа, обусловленное антироссийскими санкциями, создало его искусственный дефицит и отразилось на ценах на электроэнергию и тепло.

В июле 2022 года в ряде стран Европы был отмечен стремительный рост цен на электроэнергию. По данным агентства «Rystad», наиболее резкий рост цен на электроэнергию был отмечен в Италии, Франции, Германии и Великобритании, то есть в наиболее развитых промышленных странах. При этом рынок Италии стал первым, на котором среднемесячная спотовая цена превысила 500 евро за мегаватт-час. Спотовые же цены на 2023 год во Франции и Германии превысили 1500 евро за мегаватт-час [7].

Все это отразилось на обеспечении жизнедеятельности жителей стран Евросоюза. С одной стороны, произошел практически 10-кратный рост тарифов на электроэнергию, с другой, — удорожание всех товаров, в том числе и продукции первой необходимости. Инфляция в странах Евросоюза к сентябрю 2022 года, по утверждению Евростата, стала рекордной за все время существования единой европейской валюты и составила порядка 9,1 процента в годовом исчислении. Самая высокая инфляция в августе 2022 года была зафиксирована в Прибалтике. Лидером роста цен в годовом исчислении стала Эстония — 25,2 процента. Следом идут Литва (21,1%) и Латвия (20,8%). В ключевых экономиках еврозоны — Германии и Франции — инфляция в августе составила 8,8 процента и 6,5 процента соответственно [8].

В этих условиях руководство Евросоюза вынуждено было ввести меры жесткой экономии электроэнергии и тепла, но вместо того, чтобы пересмотреть режим антироссийских санкций, начало поиски альтернативных российским поставкам углеводородов. Это, как показывает анализ развития событий, не способствует преодолению кризисных явлений в энергетике. Очевидно, что ситуация в энергетической сфере усугубляется, причем не только в странах Европейского союза, но и в Соединенных Штатах, во многом способствовавших его развитию.

Надо сказать, что в США кризисные процессы в энергетике хотя и проявились, но в меньшей степени. Причиной этого является то, что здесь индустрия производства сжиженного газа чрезвычайно развита. Кроме того, США обладают стратегическими запасами нефти, составлявшими порядка 656 миллионов баррелей (на ноябрь 2020 г.). Использование нефти из стратегического резерва осуществляется исключительно по распоряжению президента после одобрения Конгресса США. Дж. Байден воспользовался этим правом после начала специальной военной операции России по денацификации Украины и распорядился высвободить порядка 180 миллионов баррелей нефти в течение шести месяцев с тем, чтобы не допустить резкого роста цен на бензин и дизельное топливо в стране. Данное решение, по мнению американских экспертов, носит конъюнктурный характер и было вызвано стремлением предотвратить недовольство населения страны в преддверии выборов в Конгресс в ноябре 2022 года.

Энергетический кризис во многом является причиной обострения и экономического кризиса как в Европе, так и в ряде других регионов мира.

Так же как и энергетический, экономический кризис во многом был спровоцирован действиями США по принуждению своих союзников в рамках поддержки Украины, введения экономических санкций против нашей страны, а также других мер по нанесению ущерба ее экономике.

* * *

Антироссийские санкции, реализовывавшиеся на протяжении десятилетий как инструмент конкуренции, с началом специальной военной операции трансформировались в средство стратегического давления на Россию в качестве одного из важнейших элементов гибридной войны против нее. В рамках этого давления нарушаются все действующие договоренности и нормы как национального, так и международного права. Это особенно наглядно проявляется на примере давления на бизнес, в том числе транснациональных корпораций, большинство из которых вынуждено было расторгнуть контракты и выйти из совместных с российскими компаниями проектов, а также заморозки и изъятия российских финансовых и материальных активов (не менее 300 млрд долларов).

Эскалация украинского кризиса и его переход в вооруженную стадию способствовал усилению давления администрации США на своих союзников с целью их консолидации в борьбе против нашей страны. В результате Соединенным Штатам удалось мобилизовать коллективный запад на «тотальную экономическую и финансовую войну против России» [9].

Между тем, как показало развитие событий 2022 года, реализация санкционной политики против России обернулась обратным эффектом. Как оказалось, благополучие европейской экономики во многом базировалось на российских дешевых энергоресурсах и свободном доступе на российские рынки товаров европейских производителей. Введение санкций эти преференции аннулировало. Все это оказало чрезвычайно негативное влияние на развитие мировой экономики, которая, едва оправившись от ограничений, связанных с пандемией COVID-19, вступила в очередной кризисный виток.

В то же время особенностью современного этапа мирового экономического кризиса является то, что он в значительной мере носит локальный характер. Во многом это обусловлено тем обстоятельством, что экономические санкции не были поддержаны большинством стран, в том числе такими ведущими в экономическом плане государствами, как Индия, Китай, страны арабского Востока и другие.

По данным ведущего аналитического агентства в сфере финансовой и торгово-экономической деятельности «Bloomberg», общие потери экономики стран Евросоюза от энергетического кризиса, вызванного последствиями антироссийских санкций, составили к октябрю 2022 года порядка 500 миллиардов долларов [10]. К середине 2022 года пять ключевых европейских энергоемких отраслей переживали кризис. Переходить на растущие

издержки или закрывать заводы оказались вынуждены производители стали, алюминия, удобрений. В тяжелом положении находятся предприятия, производящие материалы для аккумуляторов электромобилей и выработки солнечной энергии. За один год Европа, по данным издания, утратила почти 50 процентов своих производственных мощностей [11].

Общим трендом для европейской экономики стала прогрессирующая рецессия. Так, в частности, по прогнозам «Deutsche Bank», реальный валовой внутренний продукт (ВВП) в еврозоне упадет примерно на 3 процента в годовом исчислении с середины 2022 года до середины 2023 года. При этом, как отмечают аналитики, не исключается и более жесткий сценарий развития кризиса [12].

Аналогичной позиции придерживаются и аналитики агентства «Barclays» в прогнозах по темпам роста в сторону снижения в Германии (в 2023 году минус 2,3%), Италии (минус 2,1%), Франции (минус 1,2%) и Испании (минус 1,6%). При этом Германии будет труднее всего из-за серьезной зависимости от российского газа и узких мест в цепочках транспортировки газа в Европе. Италия на втором месте после Германии, потому что она широко использует газ для выработки электроэнергии. Таким образом, у Германии и Италии больше шансов столкнуться с реальной нехваткой топлива, а Франции и Испании энергетический кризис в большей мере грозит ценовыми потрясениями [13].

В самих же США хотя и отмечаются признаки стагнации, но они не носят столь явного характера, как в Европе. Во многом это является следствием того, что Соединенные Штаты под предлогом необходимости оказания помощи Украине максимально загрузили заказами свои предприятия ВПК. При этом производимое оружие по завышенным ценам продается тем же европейским странам, а также самой Украине по условиям лендлиза и другим кредитным обязательствам [14]. Фактически США воспроизводят свой успешный опыт лендлиза периода Второй мировой войны, когда они не только укрепили свою экономику, но и сделали должниками значительную часть своих союзников из числа стран антигитлеровской коалиции. В последующем это облегчило США установление политического контроля над Западной Европой.

У большинства европейских стран, во многом вынужденных покупать вооружение у США, такой возможности нет. Вследствие этого они фактически финансируют развитие американского ВПК. В этом плане особую роль играет Украина и как основной потребитель американского и натовского вооружения, и как испытательный полигон для тестирования новейшего американского вооружения. Это состояние и качество Украины подтверждено и официальными заявлениями. Так, в частности, министр обороны А. Резников в рамках дискуссии, организованной в Атлантическом совете в июле 2022 года пригласил западных производителей вооружения использовать украинскую территорию как полигон для тестирования нового оружия [15].

Для предприятий военно-промышленного комплекса как Соединенных Штатов, так и некоторых других стран НАТО, подобного рода «испытательный полигон» в виде целой страны является, безусловно, привлекательным в том числе и с финансово-экономических позиций.

В этом заключается чрезвычайно значимая особенность украинского кризиса и его вооруженной стадии, способствующей разработке и испытаниям передовых видов вооружения и их применения в непосредственно боевой обстановке. Естественно, что основные выгоды в этой сфере достаются США, как основным производителям данных вооружений. Получают преференции они и в других отраслях промышленного производства. Из-за высоких цен на источники энергии значительная часть крупных промышленных предприятий переходит на сокращенный режим работы или переводит свои основные производственные мощности из Европы в другие страны. В частности, ввиду острого дефицита газа крупнейший европейский автомобильный концерн «Volkswagen AG» рассматривает планы по переносу заводов из Германии, Чехии и Словакии в США и Китай. Компания «Tesla» рассматривает вопрос о приостановке планов производства аккумуляторов в ФРГ с последующим его переносом в США. О сокращении производства в Европе заявил и один из крупнейших производителей стали компания «Arcelor Mittal», о расширении производства в США — химическая компания «OCI» [16]. В целом, очевидно, что для европейской экономики наметилась негативная тенденция, преодолеть которую в последующем придется длительное время со значительными капиталовложениями.

Таким образом, речь, по сути, идет об управляемом европейском экономическом кризисе, главным бенефициаром которого являются США, а целью — разрушение не только российской, но и европейской экономики. Для мировой системы еще более значимым по своим негативным следствиям, чем энергетической и экономической кризисы, может стать нехватка продовольствия.

* * *

Развитие кризисных явлений, по крайней мере их начало не имеет непосредственного отношения к событиям на Украине. По данным экспертов Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО) ООН, распространенность проблемы голода в мире в 2021 году составила около 10 процентов. Это затронуло от 702 до 828 миллионов человек. Меньше всего проблема касается стран Северной Америки и Европы. Чуть больше показатель у Океании (5,8%), Латинской Америки и стран Карибского бассейна (8,6%). В Азии от голода страдают 9,1 процента населения; в Африке — 20,2 процента. По прогнозам ФАО, к 2030 году масштабы голода в Африке увеличатся, а в других регионах — незначительно сократятся. Таким образом, большинство голодающих проживает в Азии, Африке и Латинской Америке и их количество постоянно растет.

Причины развития продовольственного кризиса разнообразны: от объективных факторов, связанных с климатической средой до искусственного формирования кризисной ситуации, посредством введения различного рода ограничительных мер. Исследователи полагают, что первый удар по продовольствию нанесла пандемия COVID-19, нарушив логистические цепочки, а засуха наряду с аномальной жарой негативно сказываются на урожайности, способствуя росту цен. Помимо этого, к факторам, провоцирующим продовольственный кризис, относятся также и различного рода конфликты, бедность, экономические потрясения и рост цен на сырьевые товары. Очевидно, существуют и другие проблемы, косвенно или непосредственно отражающиеся на ситуации с продовольственным кризисом в мире как в настоящее время, так и в перспективе.

Но все же в перечне факторов, влияющих на данную ситуацию, особое место занимает украинский кризис. По мнению руководства стран коллективного запада, именно специальная военная операция России спровоцировала продовольственный кризис, поскольку вследствие военных действий в черноморских портах Украины оказались заблокированы суда с экспортным продовольствием. Налицо, таким образом, попытки возложить ответственность на Россию за кризисное развитие продовольственной ситуации и противопоставить ее странам «бедного Юга». На самом же деле подобного рода измышления носят заведомо ложный, дискриминирующий Россию характер.

В общей сложности Россия и Украина производят почти четверть мировой пшеницы. Они же являются ключевыми поставщиками ячменя, масла из семян подсолнечника и кукурузы. Поэтому если экспорт из этих двух стран будет сокращен или прекращен, то восполнить этот объем производства будет непросто. Между тем, проблемы с экспортом продовольствия в нуждающиеся страны были обусловлены не военными действиями, а ограничительными мерами, введенными против России. Так, в рамках пятого и шестого пакетов санкций ЕС были введены меры, блокирующие доступ российской продукции на мировой рынок. При этом под санкции попала не сама экспортируемая продукция, а страхование судов и грузоперевозок, а также расчетов за поставляемую продукцию, связанные с санкциями в отношении российских банков, в том числе Россельхозбанка.

В рамках зерновой сделки, осуществленной при непосредственном участии генерального секретаря ООН А. Гуттериша, удалось согласовать положения о вывозе украинского зерна в беднейшие страны, а также снятия санкций в отношении российских судов с продовольствием. Как показало дальнейшее развитие событий, страны коллективного запада в очередной раз нарушили достигнутые договоренности, поскольку большая часть судов с украинским продовольствием направилась не в регионы с кризисной продовольственной ситуацией, а в порты европейских стран. Что же касается снятия санкций в отношении российских судов с продовольствием, то эта

проблема так и осталась нерешенной. Россию, как заявил на Восточном форуме Президент В.В. Путин, в очередной раз обманули [17].

* * *

Значение украинского кризиса на глобальном и региональном уровне также в значительной мере определяется трансформацией мировых финансов. Речь идет о развивающемся глобальном финансовом кризисе, провоцируемом в очередной раз США.

Масштабный экономический кризис 2008 года был вызван, по мнению специалистов, искусственно «раздутым» в Соединенных Штатах ипотечным рынком, высоким рейтингом ничего не стоящих бумаг, бездумной выдачей кредитов малоимущему населению и другими факторами безответственного финансирования ряда проектов [18]. В результате были сформированы «финансовые пузыри», нанешие ущерб всей мировой экономике.

Практически с этого же периода начинается неконтролируемый рост государственного долга США. Так, если в 2008 году он составлял порядка 10,699 трлн долларов, то к настоящему времени он превышает сумму в 30 трлн долларов, при том ВВП страны составляет чуть более 22 трлн долларов. Таким образом, только официальный государственный долг США составляет более 105 процентов ВВП. А это означает, что США, по сути, государство-банкрот, существующее за счет бесконтрольного печатания денег и «вбрасывания» их в экономику. Фактически создается очередной «мыльный финансовый пузырь», который рано или поздно должен будет лопнуть, вызвав еще один массовый финансовый кризис.

Важнейшим следствием развития украинского кризиса является повышение риска глобального вооруженного конфликта. Оснащение и подготовка украинских вооруженных сил, участие американских и натовских советников и инструкторов, а также наемников из стран коллективного запада свидетельствуют о непосредственной вовлеченности США и их союзников в противостояние России на Украине в рамках реализации концепции прокси-войны. При этом страны НАТО фактически балансируют на грани непосредственного вовлечения в конфликт.

Раскрывая значение украинского кризиса на глобальном и региональном уровне, следует акцентировать внимание и на специфике самой Украины. Очевидно, что для развязывания конфликта против России нужна была крупная и важная для нее страна. Выбор естественным образом пал на Украину, — политический климат в стране был подготовлен, стараниями американских госпрограмм и фондов НПО была сформирована агрессивная русофобская неонацистская группировка, пришедшая к власти в результате государственного переворота 2014 года. Именно она намерена в противостоянии с Россией идти до конца, невзирая на жертвы среди населения, а также политические риски для самой страны, связанные с возможностью разрушения государственности и окончательной утраты суверенитета.

При этом, очевидно, что сама по себе Украина не нужна ни США, ни другим странам коллективного запада. Как отмечает в этой связи советник при ООН и НАТО и Ж. Бод, «украинский проект», готовившийся со второй половины последнего десятилетия XX века и введенный в операционную фазу в 2013 году, служит ослаблению России. Концептуально З. Бжезинский давно писал о важности Украины для ослабления России. За ним последовали американские и британские теоретики, стратеги и аналитики. Все это позволяет расценивать «украинский кризис» как часть стратегии по контролю над евразийской континентальной массой и как политическую цель США и примкнувших к ним стран коллективного запада.

В политическом, экономическом и военном плане европейский континент снова разделился: Россия — на востоке, США, НАТО и ЕС — на западе, а Украина оказалась в центре противостояния.

Список литературы

1. Бочарников И.В., Овсянникова О.А. Трансформации мирового порядка в преддверии третьего десятилетия XXI века // Дипломатическая служба. 2020. № 6.
2. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003.
3. «Газпром» добыл рекордное количество газа в 2021 году. URL: <https://ria.ru/20220102/gaz-1766422443.html>.
4. Большая пресс-конференция В.В. Путина. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president>.
5. Санкции — 2022. Первые итоги: российский сырьевой сектор. URL: <https://journal.open-broker.ru/analitika/sankcii-2022-pervye-itogi-rossijskij-syrevoj-sektor>.
6. Доходы России от экспорта энергоносителей в 2022 году выросли на 38%. URL: <https://neftegaz.ru/news/finance/747770-dokhody-rossii-ot-eksporta-energonositeley-v-etom-godu-vyrosli-na-38/>.
7. Энергетический кризис в эту зиму будет похуже, чем нефтяные и газовые «шоки» 1970-х. URL: <https://inosmi.ru/20220831/krizis-255793123.html>.
8. Инфляция в еврозоне достигла рекорда за все время существования единой континентальной валюты. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/09/01/938600-inflyatsiya-v-evrozone>.
9. Евросоюз пригрозил России тотальной экономической и финансовой войной. URL: <https://ria.ru/20220301/sanktsii-1775761147.html>.
10. Europe's Deepening Energy Crisis Pushes Bill to \$500 Billion. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-09-21/europe-s-deepening-energy-crisis-pushes-bill-to-500-billion>.
11. Bloomberg: пять главных сырьевых отраслей переживают энергетический кризис. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5515015>.
12. Deutsche Bank: зимой Европе ждет более длительная и глубокая рецессия. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/09/22/18622957.shtml?updated>.

13. Рецессия в Европе: насколько все будет плохо. URL: <https://inosmi.ru/20220913/evropa-256059026.html>.
14. Американский ВПК обогащается на событиях вокруг Украины. URL: <https://rg.ru/2022/04/18/amerikanskij-vpk-obogashchaetsia-na-sobytiiah-vokrug-ukrainy.html>.
15. Резников пригласил Запад использовать Украину как полигон для тестирования нового оружия. URL: <https://russian.rt.com/ussr/news/1027792-reznikov-ukraina-poligon-ispytanie-oruzhie>.
16. «Фольксваген» станет «Пиплкарром», а «знаменитое немецкое качество» — «техасским». URL: <https://rusnext.ru/news/1663943036651667>.
17. Пленарное заседание Восточного экономического форума. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69299>.
18. Почему случился кризис 2008 года? URL: <https://wffw.info/pochemu-sluchilsya-krizis-2008-goda-prostymi-slovami-o-mirovom-krizise-2008>.

А.Д. НИКОЛАЕВА

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ПРОТИВ БЕЛОРУССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье рассмотрены три политических события последнего времени, в рамках которых против Республики Беларусь велась информационная война. Вместе с тем проведен сравнительный анализ инструментария и целей информационных оппонентов Минска в ходе попытки государственного переворота в Белоруссии в 2020 году, инцидента с «Ryanair» в 2021 году и в процессе специальной военной операции России на Украине в 2022 году. По итогам исследования автор пришел к выводу, что в общем плане технологии организации информационного воздействия на белорусский народ в рамках трех кейсов были фактически идентичными, однако отличались по степени масштабности и резонансности. Кроме того, динамика информационной войны против Белоруссии показала размывание к настоящему моменту моральных принципов и границ дозволенного ее организаторов.

Ключевые слова: информационная война, госпереворот в Белоруссии, инцидент с «Ryanair», специальная операция на Украине.

INFORMATION WAR AGAINST BELARUS: COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. The article considers three recent political events, within the framework of which information warfare was conducted against the Republic of Belarus. A comparative analysis of the tools and goals of information opponents of Minsk during the coup attempt in Belarus in 2020, the incident with Ryanair in 2021 and during the special military operation of Russia in Ukraine in 2022 was carried out. According to the results of the study, the author concluded that in general terms the technologies of organizing information influence on the Belarusian people within the framework of the three cases were actually identical, but differed in the degree of scale and resonance. In addition, the dynamics of the information war against Belarus has shown the blurring of moral principles and boundaries of the permitted by its organizers.

Keywords: information warfare, coup d'etat in Belarus, Ryanair incident, special operation in Ukraine.

Политический кризис в Белоруссии в 2020–2021 годах был связан с рядом факторов, в числе которых внутренние трансформации белорусского политического «режима»; накопление социально-экономических ошибок администрации А. Лукашенко, включая несвоевременный ответ

НИКОЛАЕВА Анастасия Дмитриевна — студент (бакалавр) факультета политологии, кафедры российской политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва

на пандемию; а также охлаждение отношений с Россией. В событиях до и после попытки государственного переворота в Республике Беларусь значительную роль сыграли внешние силы, а именно информационная война против Минска, которая разрослась до невиданных ранее масштабов на фоне обострения украинского кризиса.

Информационные методы управления протестной активностью

9 августа 2020 года после президентских выборов по всей Белоруссии стихийно вспыхнули массовые демонстрации. Согласно данным Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь, действующий президент А. Лукашенко набрал 80,10 процента голосов, С. Тихановская, которая считалась его основным соперником, — 10,12 процента¹. Однако она не признала результаты выборов, и сотни тысяч людей вышли на улицы, протестуя против якобы имевших место фальсификаций в ходе избирательного процесса.

Вскоре первые протесты были подавлены, протестующие были вытеснены с улиц, между тем сопротивление белорусской власти продолжалось до марта 2021 года. Основным лозунгом митингующих был тезис о том, что А. Лукашенко потерял народную легитимность, которой он пользовался на протяжении последних 26 лет [1]. На этом фоне сотрудники крупных предприятий проводили митинги, требуя новых выборов и проверки действий правоохранительных органов. Оппозиция создала координационный совет для содействия переходу власти. По оценкам государственного секретаря Совета Безопасности Белоруссии А. Равкова, в стране происходили процессы, аналогичные попытке государственного переворота в СССР в августе 1991 года [2, с. 34].

Сегодня при анализе белорусских протестов 2020–2021 годов многие исследователи задаются вопросом, почему митинги, которые обычно носят хаотичный характер, были так хорошо спланированы. В первые две ночи выступлений белорусские власти решительно подавляли попытки протестующих собраться на центральных площадях Минска, что привело к рассредоточению народа. Протесты продолжали вспыхивать одновременно в разных местах, от улицы к улице, от микрорайона к микрорайону.

Такой «рассеянный» протест имел для его организаторов важные преимущества. Во-первых, условия его проведения определяли сами граждане, а не государственные органы. Во-вторых, «разрозненные» выступления людей стали переходным этапом перед протестами на площади: через неделю, 16 августа, протестующим удалось мирно и без сопротивления добраться до Дома правительства в Минске. Позже к уличным митингующим присоединились коллективы фабрик и заводов. Протестная волна быстро поднялась и охватила широкую аудиторию.

¹ Портал ЦИК Белоруссии. Результаты выборов президента РБ в 2020 году. URL: <https://rec.gov.by/ru/vybory-presidenta-2020-ru/> (дата обращения: 07.10.2022).

Эксперты разделились во мнениях относительно организатора протестов. Одни усматривают в тех событиях срежиссированную Западом попытку госпереворота, которая управлялась посредством информационных технологий [2, с. 228]. Другие полагают, что действиями протестующих руководила белорусская оппозиция, а интернет-каналы сыграли здесь основную мобилизующую роль [3, с. 45]. Впрочем, в обеих версиях отчетливо прослеживается значимая роль информационных технологий, с помощью которых организаторы управляли протестной активностью.

В пользу этого мнения говорит также тот факт, что после начала митингов белорусское руководство применило тактику изолирования протестующих и перекрытия их каналов связи посредством блокировки Интернета. Исходя из этого, белорусские специалисты, отвечающие за информационную безопасность, пришли к аналогичным выводам насчет ведущей роли информационных технологий в протестной активности.

Также нелишним будет отметить высокий уровень цифровой грамотности населения Белоруссии, где в последние годы активно развиваются информационные технологии. Он позволил значительному количеству людей частично обойти блокировку Интернета и продолжить производить контент, связанный с инспирированием протестов.

Еще одной мерой, которую применило белорусское руководство в первые дни протестов, были политические и информационные технологии, направленные на дискредитацию и игнорирование митингующих. Имеется в виду, что в рамках публичного государственного протестного дискурса ключевым аспектом взаимодействия власти и протестующих являлась необходимость силового воздействия на представителей протеста, «принудительного их обращения к правильным ценностям», а также выявление и «битье по рукам» закулисных лидеров народных митингов [4, с. 25].

Есть неподтвержденные сведения, что такую политику Белоруссия вела вместе с Россией, попросив Москву о помощи в информационной войне с митингующими и их «вдохновителями». Согласно российским специалистам в области информационного противостояния [5], протестное движение представляется вертикальной структурой, в рамках которой, в частности, Интернет и социальные сети являются лишь инструментом воздействия лидеров на население, особенно на молодежь, более склонную к манипуляторному воздействию.

Еще одной технологией, которую использовало белорусское руководство, стал акцент на медиации. В российских СМИ, которые также активно вещали и в Белоруссии, а также в государственных белорусских медиа, много говорилось о посредничестве Москвы в деле урегулирования белорусского политического кризиса и последовавшего за ним миграционного кризиса на границах Белоруссии. Исходя из того, что подобные заметки попали также на страницы оппозиционных газет, можно предположить, что это тоже было частью плана белорусских усилий в информационной среде [6].

На самом же деле Москва последовательно выступала против вмешательства Запада во внутренние дела Белоруссии и «навязывания ей некоего международного посредничества» [7], о чем неоднократно заявляли российские власти. Россия исходит из того, что любые противоречия в обществе должны решаться путем конструктивного общественного диалога. Президент России В.В. Путин неоднократно призывал к диалогу оппозиции и власти Республики Беларусь с целью модернизации политического устройства [8].

Очевидно, что первые дни протестов стали наиболее показательными в плане тактики ведения информационной войны между сторонниками А. Лукашенко и митингующими. Со стороны западных СМИ в ход шли любые средства, начиная от формирования негативного образа «диктатуры» в Белоруссии и заканчивая обвинениями в адрес России в пособничестве «автократу» А. Лукашенко. Некоторые западные издания, чтобы сформировать негативный образ Москвы как сторонника «ненавистного белорусскому народу режима», публиковали «разоблачающие» материалы о том, что белорусские власти жестко пресекали попытки независимых СМИ снять репортажи с места событий. В свою очередь, российские каналы (например, Russia Today) безнаказанно освещали протесты под нужным Минску углом под защитой милиции [8].

По признанию самого А. Лукашенко, протесты явились следствием западного цифрового диктата: «И правят в этом мире откровенные ложь, хайп, хейт, буллинг, троллинг, боты и прочие коммуникативные новации. Сегодня они создают негативный эмоциональный фон в обществе, информационный шум. Самое печальное, что этот искусственный виртуальный мир влияет на принятие реальных фундаментальных политических решений на международной арене» [9].

По мнению политолога А. Лейковец, реакция России, ЕС и США на протестное движение 2020–2021 годов оказала решающее влияние на «продемократическое» восстание в Белоруссии и имела существенное значение для дальнейшего развития ситуации [11]. По ее словам, белорусские массовые протесты в августе 2020 года не увенчались успехом благодаря значительной поддержке Россией А. Лукашенко (этого на Западе не ожидали в силу охлаждения российско-белорусских отношений накануне) и отсутствия быстрой реакции со стороны ЕС и США.

В целом очевидно, что процесс зарождения протестной активности в Белоруссии был неслучаен. Минск был выбран западными политтехнологами для того, чтобы оказать максимально негативное воздействие на Москву, попытаться «оторвать» Белоруссию от России. Среди мотивов, которыми руководствовались западные инициаторы белорусской турбулентности, можно выделить лишение России влияния на постсоветском пространстве, а также создание взрывоопасной обстановки по периметру ее границ.

Сценарии расшатывания политической ситуации

Инцидент с самолетом «Ryanair» в мае 2021 года стал катализатором более активных действий стран Запада против А. Лукашенко. Они обвинили Белоруссию в «захвате» гражданского авиалайнера путем организации его вынужденной посадки в Минске из-за угрозы взрыва, чтобы арестовать видного оппозиционера. Когда рейс «Ryanair» был перенаправлен в Минск для экстренной посадки, он проходил через воздушное пространство Белоруссии, направляясь из Афин в Вильнюс. Белорусский истребитель был послан на перехват самолета и сопровождал его в аэропорт. На земле сотрудники службы безопасности арестовали Р. Протасевича, основателя новостного канала НЕХТА в социальных сетях, сыгравшего решающую роль в протестах 2020 года.

Этот инцидент вновь привел к усилению координации между ЕС и США и «вынудил» союзников принять несколько пакетов антибелорусских целевых санкций. Как считала в то время А. Лейковец, в ближайшем будущем ЕС и США намеревались и дальше использовать жесткие санкции в качестве базовой политики в отношении белорусского «режима», в то время как Россия продолжила бы оказывать свое влияние, стремясь к большей политической, экономической и военной интеграции с Белоруссией [11]. Как показало время, так и случилось.

Председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен назвала эпизод с посадкой самолета «совершенно неприемлемым» и предупредила, что виновные должны понести наказание. Другие страны, включая Францию и Британию, выступили с осуждением действий Белоруссии, и все чаще звучали призывы к принятию карательных мер в отношении А. Лукашенко. Премьер-министр Польши М. Моравецкий заявил, что «Ryanair» был «угнан», и осудил этот шаг как «акт государственного терроризма»; премьер-министр Ирландии М. Мартин назвал произошедшее «беспрецедентным»; посол США в Белоруссии Дж. Фишер подчеркнула, что перенаправление рейса свидетельствует о презрительном отношении А. Лукашенко к международному сообществу [12].

На фоне данного инцидента снова активизировалась белорусская оппозиция, — она развернула кампанию в западных СМИ в надежде еще сильнее рассорить официальный Минск и Брюссель. Основной целью активистов стало лишение белорусских властей, прежде всего силовых структур, доходов от экспорта белорусских товаров в Евросоюз (ЕС является вторым по величине торговым партнером Белоруссии, импортируя товаров и услуг на сумму 7 млрд долл. или чуть менее 12% ВВП страны) [13].

Противники А. Лукашенко энергично пытались привлечь внимание иностранного бизнеса к якобы многочисленным арестам, избиениям и нарушениям прав человека со стороны силовиков. Западные медиа и политологические центры охотно подхватили антиправительственную пропаганду,

публикуя на своих страницах информацию, очерняющую А. Лукашенко и белорусских силовиков.

В годовщину президентских выборов в Республике Беларусь (9 августа 2021 года) Великобритания, США и Канада ввели против нее секторальные санкции, направленные на ограничение реализации ключевых экспортных товаров (калий, сырая нефть и т.д.), а Лондон закрыл свои финансовые рынки для белорусских долговых обязательств и ценных бумаг.

А. Лукашенко в ответ заявил, что Лондон может «подавиться своими санкциями», в свою очередь западные эксперты сочли данное высказывание прямой угрозой не только в адрес Британии, но и ближайших соседей Белоруссии, — Литвы, Польши и Латвии. В западном информационном пространстве тут же принялись активно раскручивать тезис, что эта угроза может стать вполне реальной [14].

Администрацию Президента Республики Беларусь параллельно обвиняли в использовании беженцев из Ближнего Востока в качестве «оружия» на фоне миграционного кризиса на границе с Белоруссией, куда весной 2021 года прибыло слишком много выходцев из Ирака и Сирии в стремлении попасть на территорию ЕС. С подачи своих правительств западные СМИ называли действия А. Лукашенко на границе одной из форм гибридной войны с целью дестабилизации восточных границ ЕС и НАТО и нагнетания напряженности как внутри стран-членов, так и между союзниками.

Ряд экспертов назвали Минск, который «создает кризис мигрантов», еще одной «пешкой» в гибридной войне Кремля против западных либеральных демократий, полагая, что вряд ли эта тактика используется им без одобрения России. «Западники» считали, что все это играет на руку давним попыткам Москвы поощрять правые партии, которые могут ослабить ЕС и НАТО изнутри [15].

После введения последних санкций А. Лукашенко намекнул, что прекратит сотрудничество с США в борьбе с оборотом ядерных материалов. Последствия такого шага неясны, но западные комментаторы сочли это заявление еще одним способом ведения гибридной войны против Европы.

В июле 2022 года Совет Международной организации гражданской авиации после расследования инцидента с «Ryanair» осудил действия правительства Белоруссии по «совершению акта незаконного вмешательства» [16]. На протяжении всего расследования в западных СМИ разворачивалась кампания, направленная на очернение белорусского руководства и спецслужб за организацию посадки самолета под надуманным предлогом.

Информационная война против Белоруссии на фоне СВО

В том, что сегодня на фоне украинского кризиса Запад ведет ожесточенную информационную войну против России, никто не сомневается. Как показывают события, информационная война против России спланирована

тщательнее, чем собственно военные действия. Как заявил в марте 2022 года в интервью «Russia Today» министр иностранных дел России С.В. Лавров, «Нет никаких сомнений, что против России используются методы информационного терроризма. В настоящее время британские и американские СМИ лидируют в информационном поле, хотя качество производимой ими информации вызывает вопросы» [17].

Главной целью информационной войны, согласно мнению экспертов [18], является распространение в обществе недоверия к власти и армии и проведение «площадного переворота» с последующим упразднением суверенного развития страны. Причем западные политтехнологи говорят об этом даже устами президента США Дж. Байдена, обещая «отбросить Россию далеко назад». Еще одна задача из подобного ряда — это деморализация российского населения и власти, а также разрушение ментального образа государства, который каждый россиянин несет в своей голове.

Белоруссия тоже оказалась втянутой в информационное противоборство. Это выражается в том, что с началом СВО в Республику Беларусь хлынул поток ложных новостей и фейковой информации. Сотни тысяч снимков и видеороликов прошлых лет из разных стран «обрели второе дыхание» и стали выдаваться экстремистскими телеграм-каналами за актуальные и отражающие происходящее в Украине. «Липовые» повестки о призыве заполнили почтовые ящики многих белорусов, социальные сети оказались переполнены таргетированной и зачастую провокационной рекламой. Развернулся многогранный психологический прессинг белорусских матерей посредством фейков об участии белорусских военнослужащих в спецоперации Вооруженных сил России.

Причем создателями фальшивых новостей оказывались и официальные украинские структуры. Недавно пресс-служба командования воздушных сил Украины озвучила новость про российские самолеты, которые «нанесли авиаудар по белорусскому населенному пункту Копани, чтобы втянуть армию Республики Беларусь в войну с Украиной». Также отличился секретарь Совета национальной безопасности и обороны Украины А. Данилов. По его «неопровержимым» сведениям, белорусских военных хотят одеть в форму Вооруженных сил России, а всех несогласных «уговаривают» ФСБ и спецслужбы, которые находятся на территории Белоруссии [19]. Множатся сообщения о том, что Минск отправляет россиян призывного возраста в Москву под конвоем.

На этом фоне А. Лукашенко уделяет сегодня как никогда много времени заявлениям о важности реагирования на информационную войну со стороны недружественных стран. Он регулярно призывает граждан не отмалчиваться, а решительно отвечать на фальшивую информацию. Белорусские эксперты также подчеркивают особую агрессивность текущей информационной и психологической войны против белорусского народа, которая серьезно нарастила обороты за последние пару лет [20].

Итак, все три рассмотренных кейса имеют много общего, однако, можно выделить ряд особенностей в каждом из них. Рассмотрим выводы, сделанные на основе проведенного в статье сравнительного анализа.

1. Главной технологической особенностью попытки госпереворота в Республике Беларусь в 2020 году стала ее высочайшая степень виртуализации. В ходе белорусского кризиса, с самого начала носившего не просто медиатизированный характер, но еще и развивавшегося с максимальным использованием сетевизированных цифровых СМИ, возникла ситуация конкуренции «картинок». Мир на практике наблюдал попытки создания и удержания полностью виртуальной медийной картины.

При этом очевидно, что политические протесты здесь вспыхнули сразу после выборов не случайно, — их тщательно готовили в ходе предвыборной кампании. Инспираторы (будь то западные страны или белорусская оппозиция) вынесли уроки из украинского майдана. «Застрельщики» стали заранее нагнетать нужный им информационный фон в социальных сетях и оппозиционных СМИ. Основными лейтмотивами предвыборных публикаций стали тезисы об усталости населения от несменяемой власти, отсутствии объективности ЦИК Республики Беларусь при будущем подсчете голосов и убежденность в неизбежных фальсификациях и массовых нарушениях избирательного права.

Оппозиционные и западные журналисты начали активно привлекать внимание белорусских избирателей к изъянам политики властей в деле борьбы с пандемией. Они также отмечали «катастрофическое» состояние белорусской медицины и сектора здравоохранения, а также нарочито подсвечивали и раздували недочеты социальной и экономической политики А. Лукашенко. Именно в тот период были отмечены беспрецедентный рост числа и укрепление роли оппозиционных СМИ, создаваемых с «благодной» целью, — дать отпор провластной пропаганде. Вбрасывалась информация о преследовании со стороны официального Минска законной оппозиции и «свободных» журналистов [21]. Велась кампания по дискредитации белорусских силовых структур: распространялись мемы о «кровожадных людях в погонах», давались «утечки» о бедственном положении армии. Словом, инспираторы активно раскачивали и без того шаткую политическую ситуацию накануне выборов.

Большое значение также имело нагнетание антироссийской риторики в течение последних недель предвыборной кампании А. Лукашенко, которая ознаменовалась беспрецедентными скандалами, в том числе задержанием 33 российских граждан, якобы направлявшихся в Беларусь для дестабилизации обстановки и организации провокаций. Несмотря на то, что эти обвинения были дезавуированы российскими спецслужбами, предоставившими информацию о роли украинского СБУ в организации этой «подставы», в рядах оппозиции пришли к выводу, что Москва на сей раз «обиду не проглотит» и точно не поддержит А. Лукашенко.

Ближе к дате выборов к антибелорусской пропаганде присоединились западные правительства. В июле 2020 года Великобритания выпустила доклад о правах человека в Белоруссии, в котором были подробно расписаны претензии британцев к А. Лукашенко [22]. Все это сопровождалось массовой критикой в адрес белорусских властей в британских и американских авторитетных СМИ, которые читают по всему миру (Таймс, Вашингтон Пост, Нью-Йорк Таймс, Файнэншл Таймс). Повысили соответствующую активность и западные политологические центры, такие как лондонский Международный институт стратегических исследований (IISS) [23], Национальный исследовательский совет США (NRC) [24] и прочие.

Сама попытка осуществления цветной революции подверглась гибридизации, став «точкой сборки» для «лучших практик» организации цветных революций на постсоветском пространстве: так, общая схема организации цветной революции в Республике Беларусь точно копирует киевский майдан 2013–2014 годов (но без самого майдана, как постоянно действующего лагеря); технологии связи и координации протестных групп взяты из Гонконга 2019–2020 годов; технологии конфликтной мобилизации под неполитическую повестку заимствованы у ереванского «электромайдана» 2015 года; общая схема государственного переворота при этом является точной копией «Венесуэльского прецедента», точнее, технологии организации государственного переворота в Венесуэле в 2019 году. Собственно белорусского в минских протестах немного: своя аутентичная символика; фактическое отсутствие майдана (который можно было бы блокировать, накрыть и разогнать); и широкое использование нового средства протестной коммуникации — Telegram-каналов [25, с. 108].

2. Отличительной особенностью информационной войны, которая велась против Белоруссии после попытки государственного переворота и до начала СВО является ее вялотекущий, но непрерывный характер. Кампания по дискредитации руководства и усилия, направленные на раскол белорусского общества, велись волнообразно, то стихая, то вспыхивая с новой силой. Для этого использовались даже минимальные информационные поводы. Зачастую их попросту изобретали, как говорится, из воздуха, чтобы поддерживать на плаву тему «деспотичного» правления А. Лукашенко. Оппозиция «изобрела» новую цель: лишить дохода от экспорта в ЕС белорусскую казну, запустив кампанию по торговой «расцепке» Минска и Брюсселя.

3. Информационная война против Белоруссии на фоне СВО отличается от первых двух кейсов своими масштабами, интенсивностью и исключительной надуманностью (вплоть до абсурда) обвинений и новостей. Западные кампании ведутся по нескольким направлениям. Во-первых, осуществляется сбор информации через источники, которые сторонники Запада наработали с момента массовых протестов в 2020 году (несмотря на то, что такая деятельность сурово карается белорусским законом, недоброжелатели действуют открыто и напористо).

Во-вторых, предпринимаются попытки сформировать общественное мнение для иностранной аудитории о том, что белорусы считают Россию агрессором (с этой целью активисты прибегают к помощи белорусской диаспоры за рубежом, идут попытки формировать правительство в изгнании, а также подсвечивать «белорусские» незаконные вооруженные формирования в Украине).

В-третьих, используется чисто военная спецпропаганда, такая, как рассылка поддельных повесток, призывы к белорусским солдатам переходить украинскую границу, а к матерям — искать сыновей, сообщения о неких авиаударах, публикация списков военнослужащих, которые якобы погибли, и прочее.

При этом характерной особенностью этой информационной войны и ее отличительной чертой от предыдущих двух кейсов является то, что мишенью является не Белоруссия, а Россия. Очевидно, что Запад преследует две основные цели, — сформировать высокий градус русофобии у белорусов и рассорить официальный Минск с Москвой. Однако «побочным эффектом» такой деятельности может стать также обострение внутривосточной ситуации в Республике Беларусь.

Каналами «поставки» фальшивых новостей до конечного потребителя являются оппозиционные СМИ в Белоруссии, которые щедро финансируются США и ЕС, предоставленные С. Тихановской западные трибуны для призывов к белорусам свергнуть «авторитарный режим» А. Лукашенко, социальные сети, а также телефонные звонки матерям белорусских солдат, проходящих срочную службу в Вооруженных силах Республики Беларусь, с сообщениями мошенников об их смерти на Украине. Последнее, кстати, стало абсолютной «новинкой» текущей информационной войны против Белоруссии.

Таким образом, можно утверждать, что на протяжении последних двух лет информационная война набрала невиданные до 2020 года масштабы. Причем, Белоруссия была выбрана западными инициаторами в качестве мишени неслучайно. Они нацеливались, прежде всего, на Россию, а именно на создание в ее «подбрюшье» очага конфликта и нестабильности.

Подобный выбор не случаен. Во-первых, Минск является надежным партнером Москвы. Лишившись А. Лукашенко, Россия лишилась бы значительной поддержки. Во-вторых, поскольку Запад всегда стремился создать напряженность в соседних с нашей страной государствах, этот выбор был весьма значим с точки зрения блокировки российских западных рубежей. В-третьих, сменив белорусский режим, «застрельщики» государственного переворота и дальнейшего раскачивания внутренней ситуации в Республике Беларусь надеются привести к власти марионеточное правительство, которое позволило бы разместить вооружение НАТО на белорусской территории. При этом в ход идут все более нечистоплотные средства информационного противостояния, отличающиеся высокой степенью цинизма и отсутствием хотя бы минимальных моральных принципов.

Список литературы

1. Таиров Р. «Лукашенко потерял всякую легитимность»: Тихановская призвала ЕС не признавать выборы в Белоруссии. Форбс. 2020. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/407335-lukashenko-poteryal-vsyakuuyu-legitimnost-tihanovskaya-prizvala-es-ne> (дата обращения: 07.10.2022).
2. Данюк Н. «Цветные революции». От теории к практике. Litres, 2022.
3. Asmolv G. The path to the square: the role of digital technologies in Belarus' protests. 2021. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/path-to-square-digital-technology-belarus-protest/> (дата обращения: 07.10.2022).
4. Гаврилов С.Д., Панкратов С.А., Азизова Д.К. Условия и технологии минимизации протестной активности российской молодежи в контексте современного медиадискурса в цифровой среде // Конфликтология / nota bene. 2021. № 4. С. 24–34. DOI: 10.7256/2454–0617.2021.4.36896 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36896 (дата обращения: 07.10.2022).
5. Данилин П. По итогам круглого стола Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) на тему «Информационная война против России: технологии, реакция, результат». 2022. URL: <https://www.kp.ru/daily/27377.5/4570162/> (дата обращения: 07.10.2022).
6. Россия просится в посредники в разрешении кризиса на границе Беларуси с ЕС // Белорусский партизан. URL: <https://belaruspartisan.by/politic/552584/> (дата обращения: 07.10.2022).
7. Интервью заместителя министра иностранных дел России А.Ю. Руденко информационному агентству ТАСС. 2022. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1793137&lang=ru> (дата обращения: 07.10.2022).
8. Путин призвал Лукашенко и белорусскую оппозицию к диалогу. 2020. URL: <https://regnum.ru/news/3144358.html> (дата обращения: 07.10.2022).
9. The information war over Belarus hots up. The Economist. 2020. URL: <https://www.economist.com/europe/2020/09/03/the-information-war-over-belarus-hots-up> (дата обращения: 07.10.2022).
10. Выступление А. Лукашенко на встрече с журналистами в марте 2021 года. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-zhurnalistami-predstavitelnyami-obshchestvennosti-ekspertnogo-i-mediynogo-soobshchestva-bolshoy-razgovor-s-prezidentom> (дата обращения: 07.10.2022).
11. Leukavets A. Crisis in Belarus: Main Phases and the Role of Russia, the European Union, and the United States. Research Paper // Kennan Cable 2022. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/KI_220125%20Crisis%20in%20Belarus_Cable%2074-V1r1.pdf (дата обращения: 07.10.2022).
12. Reevel P. Ryanair flight forced to land in Belarus with top activist on board // ABC News. 24.05.2021. URL: <https://abcnews.go.com/International/ryanair-flight-forced-land-belarus-top-activist-onboard/story?id=77859336> (дата обращения: 07.10.2022).
13. Исаченко А. Белорусская оппозиция требует от западного бизнеса уйти из страны. К ней редко прислушиваются // BBC news. 2021. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-57532628> (дата обращения: 07.10.2022).

14. Bendern S. Belarus is new weapon in Putin's hybrid warfare arsenal // Chatham House. 2021. URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/08/belarus-new-weapon-putins-hybrid-warfare-arsenal> (дата обращения: 07.10.2022).
15. Astapenia R. Belarusians live in an increasingly divided country // Chatham House. 2021. URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/10/belarusians-live-increasingly-divided-country> (дата обращения: 07.10.2022).
16. Совет ИКАО осудил Беларусь в связи с угрозой взрыва и перенаправлением рейса Ryanair в 2021 году // ИКАО. 19.07.2022. URL: <https://www.icao.int/Newsroom/Pages/RU/ICAO-Council-strongly-condemns-Belarus-over-2021-Ryanair-flight-bomb-threat-and-diversion.aspx> (дата обращения: 07.10.2022).
17. Интервью С.В. Лаврова «РТ» 22 марта 2022 года. URL: <https://www.vesti.ru/hitech/article/2691099> (дата обращения: 07.10.2022).
18. Мартынов А. По итогам круглого стола Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) на тему «Информационная война против России: технологии, реакция, результат». 2022. URL: <https://www.kp.ru/daily/27377.5/4570162/> (дата обращения: 07.10.2022).
19. Егоров М. Война вышла на новый уровень цинизма // 2022 URL: <https://zhodinonews.by/2022/03/24/informacionnaya-vojna-vyshla-na-novyy-uroven-cinizma/> (дата обращения: 07.10.2022).
20. Богомаз О. Мнение: информационная война против Беларуси только набирает обороты // Белта. 22.09.2022. URL: <https://www.belta.by/society/view/mnenie-informatsionnaja-vojna-protiv-belarusi-tolko-nabiraet-oboroty-525611-2022/> (дата обращения: 07.10.2022).
21. Ераносян В. Зачем Москве кот в мешке вместо Батьки? URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/2020814719-4fAd2.html> (дата обращения: 07.10.2022).
22. Human Rights and Democracy Report 2019. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/human-rights-and-democracy-report-2019> (дата обращения: 07.10.2022).
23. Gould-Davies, N. Belarusian elections: Lukashenko's biggest test? Research Paper. July 2020. URL: <https://www.iiss.org/events/2020/07/belarusian-elections> (дата обращения: 07.10.2022).
24. Situation in Belarus before Elections. June 2020. URL: <https://www.nrc.gov/site-help/search.html?site=AllSites&searchtext=belarus> (дата обращения: 07.10.2022).
25. Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность (I) // Вестник МГОУ. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-vojna-i-novaya-politicheskaya-realnost-i> (дата обращения: 07.10.2022).

Е.И. ПОЗДНЯКОВ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК СУБЪЕКТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФЕЙК- НЬЮС В СИСТЕМЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И КИТАЯ

***Аннотация.** Китайская Народная Республика и Российская Федерация вступают в непростой период информационной войны со странами коллективного Запада, где основным механизмом воздействия на общество противника выступает относительно новый феномен фейк-ньюс. Оба государства сумели выработать качественные системы противодействия распространению ложных новостей путем законодательного регулирования интернет-пространства, однако существенной недоработкой как России, так и Китая является низкая вовлеченность представителей гражданского общества к мерам ответа на вражеские информационные кампании. Между тем гражданское общество обладает огромными перспективами как субъект противодействия фейк-ньюс, имея важные преимущества, к числу которых можно отнести высокую скорость реагирования на появления фейк-ньюс, а также относительно низкую бюрократическую загруженность. В данной статье автор рассматривает успешные формы взаимодействия с гражданским обществом в сфере противодействия фейкам, а также описывает потенциальные механизмы участия представителей гражданского общества в системе информационной безопасности в России и Китае.*
Ключевые слова: фейк-ньюс, кибердружинники, цифровое ополчение, факт-чекинг, медиа-грамотность.

CIVIL SOCIETY AS A SUBJECT OF COUNTERACTION TO FAKE NEWS IN THE INFORMATION SECURITY SYSTEM RUSSIA AND CHINA

***Abstract.** The People's Republic of China and the Russian Federation are entering a difficult period of information warfare with the countries of the collective West, where the relatively new phenomenon of fake news is the main mechanism for influencing the enemy's society. Both states have managed to develop high-quality systems to counteract the spread of false news through legislative regulation of the Internet space, however, a significant flaw in both Russia and China is the low involvement of civil society representatives in response to enemy information campaigns. Meanwhile, civil society has great prospects as a subject of counteracting fake news. It has important advantages over official structures and state*

ПОЗДНЯКОВ Евгений Игоревич — аспирант факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва

media, which include a high speed of response to fake news, as well as a relatively low bureaucratic workload. In this article, the author considers in sufficient detail the successful forms of interaction with civil society in the field of counteracting fakes, and also describes in detail the potential mechanisms for the participation of civil society representatives in the information security system in Russia and China.

Keywords: *fake news, cyber vigilantes, digital militia, fact-checking, media literacy.*

Несмотря на то, что сводки новостей с фронта уже стали привычным делом для миллионов жителей нашей страны, немногие осознали тот факт, что прямо в их смартфонах происходят не менее важные баталии, являющиеся частью информационной войны, развязанной странами запада против России и Китая. Отдельное место в «конфликте журналистов» занимают фейк-ньюс — заведомо ложные факты, выброшенные в пространство СМИ с целью расчеловечить противника, а также деморализовать его общество [1, с. 37–45]. Тема фейк-ньюс является относительно новой не только для отечественной политологии, но и для западной. Данный феномен стал предметом активного изучения специалистов только в 2016 году, когда общий информационный фон вокруг президентских выборов США впервые указал на всю серьезность, казалось бы, безобидных вбросов, вводящих граждан в заблуждение [2, с. 98–109]. Тем не менее за несколько лет пристального изучения российская наука сумела сделать существенный прогресс в деле анализа происхождения и механизмов работы фейк-ньюс. К сожалению, малоизученным остается фактор взаимодействия гражданского общества с ложными новостями. Практически не занимаются этим вопросом наши коллеги из Китайской Народной Республики, в то время как на западе исследователи достигли определенных успехов в изучении данного аспекта.

Гражданское общество — важный субъект в деле противодействия фейк-ньюс. Интернет-пользователи, сплоченные духом патриотизма и обладающие способностью к самоорганизации, могут стать существенной опорой для государственных структур в вопросах защиты общества от пагубного влияния злоумышленников. В силу специфики гражданского общества оно способно «залатать» те дыры, которые существуют в системе информационной безопасности как у нас в стране, так и в Китайской Народной Республике. В ситуации большого числа атак со стороны западных государств необходимо использовать все возможные средства, с помощью которых можно улучшить нашу способность противостоять информационному давлению. Таким образом, данная статья посвящена изучению роли гражданского общества в противодействии феномену фейк-ньюс на примере России и Китая.

* * *

Прежде всего, необходимо охарактеризовать специфику действия механизмов работы фейк-ньюс. Ложный информационный посыл ставит своей целью воздействовать на аудиторию «вирусным способом», то есть

пытается вызвать эффект «эмоционального заражения». Фейк чаще всего написан в нехарактерном для публицистического жанра формате, — в нем используются эмоционально нагруженные эпитеты и приводятся хорошо понятные метафоры, задача которых — вызвать у человека чувство сильного раздражения или удивления, способное заставить его поделиться с близким окружением. Чаще всего, цепочку «передачи» новости запускают неординарные люди, обладающие статусом «неформального лидера» в компании, что помогает злоумышленникам преодолеть «фактологический барьер» — отсутствие прикрепленных доказательств [3, с. 80–83]. Доверие к лицу, от которого был получен фейк, перераспределяется на саму информацию, что способствует ее восприятию как чего-то верного и корректного. Организация или субъект, запускающие ложную информацию в сеть, рассчитывают на эксплуатацию двух факторов: силу эмоциональной реакции потенциального читателя и скорость распространения, вызванную положительным отношением в коллективе к представителю группы, начавшему цепь передачи фейка.

Описанные особенности распространения ложной информации способны нанести существенный урон любой стране. Выстроенная как в России, так и в Китае система информационной безопасности способствует практически нулевой вероятности попадания иностранных фейк-ньюс в ведущие СМИ страны, в то же время, потребность регулярного ожидания «методички по описанию события» сверху затормаживает процесс предоставления собственного взгляда на какое-либо событие, что ставит и Россию, и Китай в положение оправдывающихся стран. Ведь описание картины произошедшего происходит постфактум, то есть после того, как пользователи уже успели получить часть сведений из интернет-источников. «Залатать» подобные пробелы способно именно гражданское общество, которое в силу отсутствия бюрократических процедур, способно четко и быстро отреагировать на то или иное событие, дав любопытным пользователям ответы на интересующие их вопросы.

Таким образом, гражданское общество способно занять важную роль в двух тактических схемах противодействия фейкам:

- перехват информационной повестки: быстрое предоставление читателю подлинной картины произошедшего события и последующее насыщение информационной повестки доказуемыми фактами и цифрами;
- внедрение собственной информационной повестки: ввод в массовое сознание граждан собственной трактовки событий, что может привести к началу «игры по нашим правилам» [2].

В отечественной политологии сложился консенсус вокруг понимания того, что реализация данных схем на практике может быть делом исключительно государственных структур. К сожалению, в условиях разворачи-

вающейся информационной войны подобное восприятие нельзя назвать абсолютно правильным. В силу бюрократии, присущей каждому правительству в мире, официальные органы России и Китая не способны оперативно отреагировать на то или иное резонансное событие, в то время как «западные коллеги из СМИ» часто пользуются вакуумом сведений для удовлетворения информационного голода жителей наших стран.

Между тем, гражданское общество России уже продемонстрировало «боевую готовность» к отражению фейк-ньюс со стороны недоброжелателей. Появилось множество независимых проектов, чья основная задача состоит в борьбе с фейками, которые получают особое хождение по российскому сегменту Интернета¹.

* * *

Продолжая тему опровержения фейк-ньюс, стоит обратиться к опыту других государств, где подобные формы защиты в информационной войне в значительной степени отданы на откуп гражданскому обществу. Так, например, тайваньская платформа CoFacts создала чат-бот, который использует систему краудсорсинга для проверки тех или иных сомнительных новостей внутри приложения Line. Когда пользователь сталкивается с информацией сомнительного содержания, он пересылает ее в чат-бот, где происходит проверка содержимого с уже полученными запросами. Пользователь получает ответ в формате «можно верить» или «нельзя верить» на основе того, как бот соотносит ключевые слова в тексте с уже имеющимися статьями. Если в бот попал абсолютно новый запрос, то содержимое сообщения рассматривает редактор-доброволец, который и выставляет оценку материалу [4]. Таким образом, платформе CoFacts удалось создать уникальный проект, способный на достаточно гибкое и масштабное взаимодействие с новостями в режиме реального времени. Подобная инициатива гражданского общества существенно осложняет деятельность злоумышленников, пытающихся воздействовать на эмоциональное состояние неподготовленного пользователя.

Не менее интересным является другой проект специалистов из Тайваня — Watchout. Данная инициатива исходит от добровольцев, желающих уберечь своих сограждан от ложных заявлений политиков в период предвыборных дебатов. Коллективу проекта выделяются отдельные «баннеры» в период трансляций событий, на которых осуществляется процедура фактчекинга (проверка достоверности сведений в Интернете) в реальном времени. Наиболее сомнительные высказывания появляются прямо на экране пользователя, после чего команда Watchout пишет собственный вердикт

¹ Война с фейками: сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80aaenqccitej3b1b.xn--p1ai/> (дата обращения: 24.10.2022).

словам кандидата с указанием конкретной статистики [4]. Подобный опыт можно считать достаточно специфическим и слабо применимым в российских или китайских реалиях, однако принципиален сам формат взаимодействия граждан с потенциально ложной информацией. В принципе, при должной работе по адаптации подобная система может хорошо зарекомендовать себя и в наших странах. В качестве примера можно сказать, что инициативные граждане могут запускать отдельные каналы с прямой трансляцией заседаний Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности ООН, где в прямом эфире разбираются сомнительные заявления тех или других сторон.

* * *

Указанные выше проекты, разумеется, не могут принимать на себя весь груз ответственности по борьбе с фейк-ньюс. Тем не менее они служат хорошим подспорьем для правительств или государственных СМИ в деле развенчания ложной информации. Именно совокупность деятельности двух сторон способна подарить нашим странам куда более сильную защиту от внешнего воздействия. Гражданское общество обладает рядом конкурентных преимуществ, делающих его представителей важными «боевыми единицами» в деле информационной войны. В первую очередь, оно заведомо обладает большей степенью «покрытия» определенной территории, что позволяет ему быстрее оказывать воздействие на замеченные фейки. Состоящее из людей с разными компетенциями, оно способно предоставить качественный и полный взгляд на ту или иную ситуацию в кратчайшие сроки [5].

Немалую роль играет и тот фактор, что у представителей гражданского общества руки в большей степени «развязаны», чем у политиков или профессиональных журналистов. Им не приходится ожидать долгих ответов редакции и согласовывать текст с вышестоящим руководством. Это делает их более мобильными, а также позволяет развенчать ложную и выдавать правдивую информацию на порядок быстрее. Работа по схеме «мнение гражданского общества + подтверждение со стороны официальных органов» представляется наиболее эффективной практикой противодействия фейк-ньюс.

Кроме фактчекинга гражданское общество также способно выполнять функцию цифровой криминалистики, то есть осуществить деятельность по выявлению не только самих фейк-ньюс, но и недобросовестных организаций, чьими руками создаются цепочки передачи недостоверной информации. Так, например, в преддверии парламентских выборов в Молдавии организация Trolless указала администрации Facebook на 100 аккаунтов и страниц, чьи действия в Интернете регулярно сопровождалось распространением сомнительной информации [6].

Подобная практика присутствует и в Российской Федерации. Еще в 2018 году депутат Государственной Думы Олег Быков выступал с законопроектом, регулирующим деятельность «кибердружников» — добровольцев, которые самостоятельно изучают фейки и способствуют адекватному восприятию тех или иных ситуаций у населения [7, с. 46–70]. Надо сказать, что уже тогда предложение вызвало некоторое неприятие у коллег инициатора обсуждения. Так, Леонид Левин высказал мнение, что принятие подобного закона может уничтожить «добровольность» благого начала, что во многом сказывается на сути данной деятельности. Действительно, в желании политиков России преобладает некоторая тенденция к налаживанию контроля над представителями гражданского общества, занимающимися противодействием фейкам. Это исходит из многолетней практики, когда основными организациями, занимавшимися организацией подобных инициатив были Лига безопасного Интернета и Молодежная служба безопасности. Они формально принадлежали числу НКО, но были невероятно сильно аффилированы с государством. Это не позволяло заключить, что гражданское общество России в полной мере взаимодействует с официальными органами в вопросах информационной безопасности [7, с. 46–70].

В настоящее время в отечественной политологии появляются уникальные термины, способные отразить роль, которую должны взять на себя инициативные граждане в деле борьбы с ложной информацией. В частности, в статье А.А. Малькевича к уже упомянутому термину «кибердружники» прибавляется «информационное ополчение», обозначающее группу, которая на добровольных началах занимается распространением достоверной информации [8, с. 156–171].

* * *

Не менее важным становится и другое направление деятельности, которое гражданское общество потенциально может взвалить на свои «плечи». Таковым является ведение интернет-кампаний по повышению медиа-грамотности населения. К примеру, в Индонезии действует сайт SekFakta, администрируемый ведущими общественными организациями страны. Задача проекта заключается не только в том, чтобы осуществлять фактчекинг, но и в том, чтобы активно знакомить граждан с правилами самостоятельной проверки информации, что значительно повышает степень устойчивости граждан в ситуации начала информационной атаки посредством фейк-ньюс [5].

Данное направление легко перетекает в следующее, не менее важное: составление надежных сетей источников для получения точной информации. В данной сфере особенно важна работа представителей гражданского

общества. Как уже было сказано, один из критериев успеха запуска фейка — это эмоциональное «заражение» лидера определенной группы, доверие к которому может автоматически распространиться на доверие к пересылаемому им материалу. Личный знакомый или просто иной гражданин твоего государства, не занимающий высокого поста в органах власти, автоматически становится фигурой, к которой можно прислушаться. К сожалению, сохранять некоторую предвзятость по отношению к информации, распространяемой государством, — практически естественная черта людей всего мира. Потому так важно задействовать потенциал гражданского общества, — о «своих» плохого не подумаешь.

* * *

Таким образом, можно выделить четыре функции, которые гражданское общество способно выполнять в сфере противодействия фейк-ньюс:

- независимый фактчекинг;
- независимое выявление потенциально вредоносных организаций в Интернете;
- обучение населения медиа-грамотности;
- составление списков достоверных каналов получения информации.

Необходимо учесть, что в связи с потребностью в большой скорости при выполнении указанных форм действий единственной площадкой, на которой возможна их реализация, может быть интернет-пространство. Для последних лет характерна тенденция стремительного роста новостного контента во Всемирной сети. Китайский исследователь Чжан Фан ссылается на статистику, что около 80 процентов всего новостного контента приходится именно на Интернет [9, с. 36–38]. Этот факт приводит к необходимости принятия не совсем утешительной реальности: в современном мире каждый является «журналистом», что временами чуть ли не полностью дискредитирует систему информационной безопасности России и Китая, которые практически не используют потенциал гражданского общества в информационной войне.

Мы оказались в реальности, где противодействие фейк-ньюс без включения активистов из гражданского общества практически невозможно. Основная проблема как нашей страны, так и Китая заключается в постоянной тяге «покрыть» инициативных представителей киберпространства официальными рамками. Если в России подобное поведение власти все же не сумело помешать появлению способных и амбициозных «кибердружников», то в Китае чрезмерная зачистка интернет-пространства не дала возможности появиться интересным проектам, направленным на устранение фейк-ньюс. Между тем китайские эксперты подчеркивают, что все больше граждан Поднебесной предпочитают находить новости в Интернете, а это

означает, что они зачастую пребывают в потенциально недружественной информационной среде частных новостных каналов, которые чаще всего и выступают в роли распространителей фейк-ньюс [10, с. 20–31].

* * *

И Россия, и Китай сумели создать достаточно впечатляющую базу законодательного регулирования обращения фейков в интернет-пространстве обеих стран. Тем не менее, действующие системы информационной безопасности необходимо дополнять качественным взаимодействием с гражданским обществом, без которого выдержать удары недоброжелателей будет достаточно сложно. Обоим государствам необходимо увидеть в инициативных гражданах верных партнеров, чьи желания защиты интересов страны соотносятся с задачами руководства. Опыт таких проектов, как WatchOut и Line демонстрирует, что «кибердружинники» нуждаются не только в правовом регулировании своих действий, но и в своеобразной «опеке», выражающейся в предоставлении определенных ресурсов. Таким образом, гражданское общество является важной частью стратегии защиты в информационной войне, а его умелое вплетение в общую систему государственной безопасности поможет существенно усилить степень защищенности наших стран перед ударами недоброжелателей.

Список литературы

1. Манойло А.В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления / А.В. Манойло // Вестник Московского университета. Политические науки. 2019. № 2.
2. Стригунов К.С., Манойло А.В., Го Ф. Фейковые новости и технология превентивной делегитимизации выборов / К.С. Стригунов, А.В. Манойло, Ф. Го // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 2(24).
3. Зырянова М.О. Способы противодействия распространению фейковой информации / М.О. Зырянова // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 6.
4. Davis R. Civil Society: A Key Player in the Global Fight Against Misinformation [Electronic resource]: text. Kennedy school review: [website]. — Mode of access: <https://ksr.hkspublications.org/2020/02/07/civil-society-a-key-player-in-the-global-fight-against-misinformation/> (date of access: 24.10.2022).
5. Studdart A. Building civil society capacity to mitigate and counter disinformation [Electronic resource]: text. Countering disinfo: [website]. — Mode of access: <https://counteringdisinformation.org/topics/csos/complete-document-civil-society> (date of access: 24.10.2022).
6. Berzina L. Together We Are Stronger: Social Media Companies, Civil Society, and the Fight against Disinformation [Electronic resource]: text. Freedom House: [website]. — Mode of access: <https://freedomhouse.org/article/together-we-are-stronger-social-media-companies-civil-society-and-fight-against> (date of access: 24.10.2022).

7. Досэ Ф., Ловлюк Б., Остромухова Б., Зайцева А. От гражданских следователей к киберпатрулям: волонтерское регулирование интернета в России / Ф. Досэ, Б. Ловлюк, Б. Остромухова, А. Зайцева // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2019. № 3.
8. Малькевич А.А. Информационная война XXI века: фабрики фейков, центры силы и информационное ополчение / А.А. Малькевич // *Российская школа связей с общественностью*. 2022. № 25.
9. Фан Ч. Фейковые новости и онлайн-политическое участие в эпоху пост-правды / Ч. Фан // *Журнализм и коммуникации*. 2018. № 5.
10. На В. Как общественность Китая воспринимает журналистов, СМИ и фейковые новости / В. На // *Журнал исследований СМИ Шанхая*. 2019. № 9.

ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ВЫБОРОВ

***Аннотация.** В рамках статьи рассматривается современное состояние института защиты интеллектуальной собственности в информационном обеспечении выборов. В исследовании приводится анализ актуальной судебной практики по рассматриваемой проблеме. Выделяются существующие проблемы законодательства об информационном обеспечении выборов, связанном с нарушением прав на результаты интеллектуальной деятельности. Приводятся предложения по совершенствованию действующего законодательства в части изменения вида ответственности за рассматриваемые правонарушения, привлечению правообладателя к рассмотрению судебного спора, введению обязательного досудебного порядка для данной категории дел.*

***Ключевые слова:** интеллектуальная собственность, выборы, агитация, нарушение, ответственность.*

PROBLEMS OF COMPLIANCE WITH INTELLECTUAL PROPERTY LEGISLATION IN THE INFORMATION SUPPORT OF ELECTIONS

***Abstract.** The article examines the current state of the institution of intellectual property protection in the information support of elections. The study provides an analysis of current judicial practice on the issue under consideration. The existing problems of the legislation on information support of elections, connected with the violation of the rights to the results of intellectual activity, are highlighted. Proposals are made to improve the current legislation in terms of changing the type of responsibility for the offenses under consideration, the mandatory involvement of the copyright holder in the consideration of a litigation, the introduction of a mandatory pre-trial procedure for this category of cases.*

***Keywords:** intellectual property, elections, agitation, violation, responsibility.*

Свободные выборы — неотъемлемая часть любого демократического государства. Актуальность рассмотрения вопросов, возникающих в сфере избирательного права, очевидна, поскольку ежегодно на территории нашей страны проходят десятки выборов на различных уровнях, будь то выборы федерального уровня, уровня субъекта Российской Федерации или выборы в рамках отдельно взятого муниципального образования.

Законодательство об избирательном праве интенсивно развивается в последние годы. Законодателем предпринимаются меры по выявлению и устранению проблем правовых пробелов, негативно сказывающихся на правоотношениях, связанных с избирательным правом и процессом. Тем не менее, проблемы законодательства об интеллектуальной собственности в рамках информационного обеспечения выборов до сих пор недостаточно изучены.

Необходимость исследования проблем в указанном институте объясняется тем, что действующие редакции правовых норм, регулирующих соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности в информационном обеспечении выборов, позволяют недобросовестным кандидатам в депутаты отстранить своих конкурентов по формальным основаниям. Подобные действия могут привести к нарушению прав и законных интересов участников избирательного процесса.

Правовые основы информационного обеспечения выборов как стадии избирательного процесса

Избирательное право, прошедшее огромный путь развития и преобразования от античности до наших дней, никак не могло не получить необходимых правовых гарантий в современном отечественном законодательстве. В частности, в статье 32 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция) закреплена основная гарантия избирательного процесса: граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления¹. Кроме того, говоря об избирательном процессе и правовых гарантиях, связанных с его проведением, нельзя обойти стороной Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»² (далее — Закон об основных гарантиях).

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.

² Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 04.06.2021) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».

Начнем с того, что статья 2 данного закона закрепляет дефиницию выборов на законодательном уровне. Так, под выборами понимается форма прямого волеизъявления граждан, осуществляемого в соответствии с Конституцией, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований в целях формирования органа государственной власти, органа местного самоуправления или наделения полномочиями должностного лица.

Трудно переоценить всю важность проведения выборов в любом государстве, которое позиционирует себя как правовое и демократическое. Именно выборы гарантируют гражданам сменяемость органов власти, назначение на избираемую должность кандидата, сумевшего завоевать большее доверие у избирателей, нежели его конкуренты. Очевидно, что для проведения честных и прозрачных выборов необходим тщательный и чуткий контроль за всеми этапами избирательного процесса, а также отлаженный механизм проведения голосования. Не стоит забывать, что важным является и донесение до избирателя информации о порядке проведения выборов и о лицах, выдвигающих свои кандидатуры на избираемый пост.

Неотъемлемой стадией избирательного процесса выступает его информационное обеспечение. Согласно статье 44 Закона об основных гарантиях, целью информационного обеспечения выборов является способствование осознанному волеизъявлению граждан и гласности выборов. В рамках информационного обеспечения выборов принято выделять две его составляющие: информирование избирателей и предвыборную агитацию.

Законодатель в тексте Закона об основных гарантиях закрепляет лишь определение понятия «предвыборная агитация», оставляя без внимания понятие «информирование избирателей».

Согласно уже упомянутой статье 2 Закона об основных гарантиях, предвыборная агитация — это деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них). Таким образом, под понятие «предвыборная агитация» попадает любая информация, доносимая непосредственно до избирателя и каким-либо образом влияющая на его дальнейшее волеизъявление в рамках процедуры выборов. Существует множество различных видов агитации. Плакаты и листовки, содержащие лозунги с призывом голосовать за определенную партию или кандидата, они являются примером наглядной агитации. Агитация может производиться при помощи средств массовой информации, например, через статью в газете или с помощью информационного сюжета на телевидении.

Исходя из сущности понятия «предвыборная агитация», вполне логичным видится предположение о том, что информирование избирателей в свою очередь представляет из себя объективную, достоверную информацию об избирательном процессе, доносимую непосредственно

до избирателя и никоим образом не побуждающую избирателя голосовать за того или иного кандидата.

Аналогичной позиции по данному вопросу придерживается и А.Г. Головин, который определяет понятие «информирование избирателей» как «осуществляемую в период избирательной кампании систематическую деятельность по доведению до сведения избирателей объективной и достоверной информации, связанной с выборами, не носящей агитационного характера» [1, с. 64]. В своей совместной работе С.В. Большаков и А.Г. Головин относят к информированию избирателей «информацию о дне голосования, о кандидатах (о списке кандидатов), их программах, о сроках и порядке совершения избирательных действий, о ходе избирательной кампании, об итогах голосования и результатах выборов» [2, с. 43]. Данная деятельность, исходя из ее содержания, а также положений статьи 45 Закона об основных гарантиях, осуществляется органами государственной власти, органами местного самоуправления и избирательными комиссиями.

И все же в рамках изучения вопроса о нарушении законодательства об интеллектуальной собственности в информационном обеспечении выборов более пристальное внимание, на наш взгляд, следует уделить именно предвыборной агитации. Кандидаты на избираемые должности зачастую возлагают на предвыборную агитацию значительные надежды, связанные с привлечением как можно большего количества голосов избирателей. Буклеты, ручки, календари, плакаты — все это стало обыденными атрибутами, изготавливаемыми и распространяемыми в период предвыборной агитации.

Как верно подмечает М.А. Коваленко, «объекты интеллектуальной собственности не помещаются [в агитационные материалы] ради получения коммерческой выгоды» [3, с. 5]. С данным утверждением сложно поспорить, поскольку при изготовлении агитационных материалов кандидаты действительно не ставят в качестве своей основной цели извлечение прибыли. Чаще всего агитационные материалы распространяются на безвозмездной основе, и главной целью их распространения является склонение избирателя к предоставлению в последующем своего голоса за того или иного кандидата.

Нередки ситуации, когда кандидаты на избираемые должности при изготовлении агитационных материалов делают ставку на образы и выражения, вызывающие у избирателя определенные ассоциации. Отрывки из литературных и музыкальных произведений, изображения архитектуры и изобразительного искусства, крылатые фразы и цитаты известных общественных деятелей и многое другое можно встретить в различных агитационных материалах, представляемых в период предвыборной кампании кандидата. Указанные объекты зачастую являют собой результаты интеллектуальной деятельности, права на которые подлежат охране в установленном законом порядке.

Статья 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) содержит в себе закрытый перечень продукции умственного труда,

которым предоставляется правовая охрана. В нем можно обнаружить результаты интеллектуальной деятельности, наиболее часто встречающиеся в агитационных материалах. Это и научные и литературные работы, произведения искусства, фирменные наименования, товарные знаки, знаки обслуживания и многое другое³. По мнению А.Б. Никишова и Л.В. Цитовича, «использование в предвыборной кампании результатов интеллектуальной деятельности (объектов авторского права, смежных прав) и приравненных к ним средств индивидуализации (товарных знаков, знаков обслуживания, фирменных наименований и коммерческих обозначений) играет большую роль в формировании общественного мнения о кандидате» [4, с. 2].

Данная позиция представляется оправданной, поскольку, как выше было отмечено, основная цель агитации — привлечение максимального количества голосов избирателей. Знакомые большому кругу граждан результаты интеллектуального труда, правомерно включенные в агитационные материалы кандидата, с большой долей вероятности положительно скажутся на его статусе, что может позволить ему получить преимущество над своими соперниками по предвыборной гонке. Однако использование подобных предметов и объектов кандидатами в рамках проведения избирательной кампании, в частности, предвыборной агитации, не всегда может являться правомерным.

В 2006 году путем внесения изменений в пункт 1.1 статьи 56 Закона об основных гарантиях был введен запрет на предвыборную агитацию, которая нарушает законодательство Российской Федерации об интеллектуальной собственности. Законодатель установил конституционно-правовую ответственность за нарушение данного правила, выражаемую в отмене регистрации кандидата, нарушившего при проведении агитации нормы о защите прав на интеллектуальную собственность.

Здесь уместно будет отметить, что самым очевидным и часто встречающимся видом нарушения законодательства об интеллектуальной собственности на стадии информационного обеспечения выборов является использование объектов интеллектуальной собственности без согласия на это правообладателя.

Пункт 1 статьи 1233 ГК РФ устанавливает, что правообладатель может распорядиться принадлежащим ему исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации любым не противоречащим закону и существу такого исключительного права способом, в том числе путем предоставления другому лицу права использования соответствующих результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации в установленных договором пределах. Вполне обыденна практика предоставления кандидату правообладателем права

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 24.11.2006 № 318-ФЗ (ред. от 11.06.2021) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».

пользования определенным результатом интеллектуальной деятельности для проведения предвыборной кампании.

Возможна и другая ситуация. Согласно статье 1282 ГК РФ, произведение науки, литературы или искусства после срока охраны исключительного права на него переходит в общественное достояние, что, в свою очередь, позволяет любому лицу свободно использовать такое произведение без чье-либо согласия. Кандидаты зачастую используют такие труды в собственных агитационных материалах. Это во многом связано с тем, что такого рода работы знакомы широкому кругу лиц, а также с возможностью их свободного и безвозмездного использования в силу прямого указания Закона.

А.П. Уханова отмечает, что «нарушение кандидатом при проведении агитации законодательства Российской Федерации об интеллектуальной собственности как форма злоупотребления свободой массовой информации является специальным основанием только для отмены регистрации кандидата. Оспорить по этому основанию итоги голосования или результаты выборов невозможно» [5, с. 14]. Данный вывод исходит из системного толкования действующего избирательного законодательства и представляет собой оправданное решение законодателя, поскольку не позволяет оспаривать результаты выборов по формальным основаниям, которые вряд ли существенно повлияли бы на итоговое распределение голосов.

Исходя из вышеизложенного можно считать очевидным, что законодательное регулирование вопросов по поводу использования результатов интеллектуальной деятельности на стадии информационного обеспечения выборов охватывает как основные акты, связанные с избирательным правом во главе с Конституцией и Законом об основных гарантиях, так и нормы, закрепленные в части четвертой ГК РФ.

Тем не менее, при применении указанных норм на практике зачастую возникают вопросы, связанные с правомерностью использования тех или иных объектов интеллектуальных прав при их включении в агитационные материалы. Для выявления и дальнейшего разрешения возникающих вопросов, целесообразно обратиться непосредственно к судебным актам, вынесенным по результатам рассмотрения дел, связанных с нарушением законодательства об интеллектуальной собственности на стадии информационного обеспечения выборов.

Обзор судебной практики

Судебное разбирательство всегда являло собой важнейшую часть реализации правовых норм. Недостаточно правильно сформулировать норму закона — ее необходимо так же правильно применять.

Разъяснения высшей судебной инстанции играют огромную роль в установлении единообразия правоприменительной практики на территории нашего государства. Именно с помощью актов Верховного Суда Российской

Федерации формируются основные позиции по спорным вопросам, на которые следует ориентироваться судам нижестоящих инстанций.

В контексте исследования судебной практики по рассматриваемой теме нельзя обойти стороной раздел 6 Обзора судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации от 20.12.2017 (далее — Обзор)⁴, посвященного вопросам, связанным с нарушением законодательства об интеллектуальной собственности в рамках информационного обеспечения выборов.

Обзором были сформированы позиции сразу по нескольким спорным моментам, возникшим при применении законодательных норм об интеллектуальной собственности в рамках рассмотрения дел по исковым заявлениям об отмене регистрации кандидата на выборную должность. Например, пунктом 6.2 Обзора разъяснено, что зарегистрированные товарные знаки социальных сетей могут быть использованы кандидатом в агитационных материалах с согласия правообладателей этих товарных знаков.

Из материалов одного из дел, представленных в Обзоре, следует, что истец обратился в суд с административным исковым заявлением об отмене регистрации ответчика в качестве кандидата в депутаты. В обоснование исковых требований истцом заявлено, что в период проведения избирательной кампании ответчиком допущены нарушения избирательного законодательства, выразившиеся в использовании без согласия правообладателей в своем агитационном материале объектов интеллектуальной собственности: логотипов и названий социальных сетей «ВКонтакте» и «Twitter», зарегистрированных в качестве товарных знаков. Ответчик в свою очередь предоставил доказательства правомерного использования данных результатов интеллектуальной деятельности в виде лицензионного договора с компанией «Twitter» и письма правообладателя товарного знака «ВКонтакте». Данные материалы свидетельствуют, что правообладатели предоставляют ответчику возможность использования товарных знаков в агитационных материалах. Вынося решение по существу, суд не усмотрел нарушения законодательства об интеллектуальной собственности и отказал в удовлетворении заявленных исковых требований.

В другом деле⁵ истец (зарегистрированный кандидат в депутаты Верховного Совета Республики Хакасия) обратился в суд с административным исковым заявлением об отмене регистрации ответчика (кандидата в депутаты по тому же одномандатному округу), ссылаясь на проведение ответчиком

⁴ Обзор судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 декабря 2017 г. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/26261/> (дата обращения: 20.11.2021).

⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 17.09.2018 № 55-АПГ18-32 // URL: <https://legalacts.ru/sud/apeliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-17092018-n-55-apg18-32/> (дата обращения: 20.11.2021).

агитации с нарушением законодательства об интеллектуальной собственности, которое выразилось в использовании в изготовленном кандидатом печатном агитационном материале без согласия правообладателей логотипов социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники», являющихся зарегистрированными товарными знаками. Кроме прочего, истец ссылался и на приведенные выше разъяснения Верховного суда, указывая на тот факт, что использование и распространение товарных знаков без согласия их правообладателей является нарушением законодательства об интеллектуальной собственности.

Верховный Суд Республики Хакасия, а в дальнейшем и Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд), признали доводы истца необоснованными, так как по итогам рассмотрения дела было установлено, что логотипы товарных знаков в совокупности с данными об адресах ответчика в социальных сетях, размещенные на лицевой странице агитационной листовки, не являются объектом агитации. Суды определили, что указанные данные носят исключительно информационный характер и не имеют цели побудить избирателей голосовать за определенного кандидата или против него. На основании этого судебные инстанции отказали истцу в удовлетворении заявленных требований.

Следовательно, в предмет доказывания по делам о нарушении законодательства об интеллектуальной собственности также входит установление характера информации, которая по мнению истца нарушает законодательство. Если такая информация не содержит в себе признаков агитации, то ее использование в агитационном материале не будет являться нарушением избирательного законодательства в контексте пункта 1.1 статьи 56 Закона об основных гарантиях.

Д.В. Коваль выделяет в качестве «общей проблемы, связанной с использованием объектов интеллектуальной собственности в период предвыборной агитации проблему разграничения агитации и информирования избирателей в СМИ» [6]. Данная проблема коррелирует с представленными судебными актами, согласно содержанию которых, установленные законодателем санкции в виде отмены регистрации не должны применяться к кандидату, нарушившему законодательство об интеллектуальной собственности в рамках информирования избирателей, а не в процессе предвыборной агитации. За подобные деяния правонарушителя следует привлекать к гражданско-правовой, а не к конституционной ответственности.

Другим разъяснением, представленным в пункте 6.4 Обзора, является правовая позиция о том, что использование при изготовлении агитационных материалов произведения, перешедшего в общественное достояние в соответствии с требованиями гражданского законодательства, не является нарушением законодательства об интеллектуальной собственности. В качестве иллюстрации данной позиции в Обзоре приведено судебное

разбирательство по административному исковому заявлению об отмене регистрации кандидата в депутаты. В данном споре истец обосновывал свой иск тем, что ответчиком было допущено нарушение законодательства Российской Федерации об интеллектуальной собственности, которое выразилось в незаконном использовании отрывков из романа Н.А. Островского «Как закалялась сталь». В процессе рассмотрения дела было установлено, что по заказу ответчика был изготовлен агитационный печатный материал под названием «Как закаляется сталь», в котором были использованы отрывки из романа Островского с указанием имени автора. Отказывая в удовлетворении исковых требований об отмене регистрации кандидата, суд сослался на переход произведения Н.А. Островского в общественное достояние. Вследствие указанного перехода данное произведение может свободно использоваться любым лицом без чье-либо согласия или разрешения и без выплаты авторского вознаграждения.

Аналогичный спор⁶ был рассмотрен высшей судебной инстанцией еще до закрепления указанной правовой позиции в Обзоре. Согласно материалам дела, истец обратился в суд с административным исковым заявлением об отмене регистрации кандидата. По его мнению, ответчик во время проведения собственной предвыборной кампании допустил нарушение законодательства об интеллектуальной собственности, изготовив и выпустив агитационный материал, в котором без согласия правообладателя использовалась картина французского художника Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ» или «Свобода на баррикадах», написанная в 1830 году.

Судом было установлено, что подобный материал действительно был издан ответчиком в рамках предвыборной агитации. Однако истец не учел, что представленная в нем картина перешла в общественное достояние и не находится под защитой и правовой охраной. Исходя из этого, Московский городской суд в удовлетворении заявленных исковых требований отказал, а позже данное решение суда было оставлено без изменения Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда.

Анализ судебной практики по вопросу нарушения законодательства об интеллектуальной собственности в информационном обеспечении выборов позволяет прийти к следующим выводам. Из 104 судебных актов Верховного Суда по рассмотрению вопроса об отмене регистрации кандидата, представленных в информационной базе справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», исковые требования были удовлетворены лишь в пяти случаях. В абсолютном большинстве рассмотренных дел истцами и ответчиками являлись кандидаты на выборную должность по одному и тому же одномандатному округу.

⁶ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 17.09.2016 № 5-АПГ16-76 // URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatcionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-17092016-n-5-apg16-76/> (дата обращения: 20.11.2021).

По нашему мнению, институт защиты интеллектуальной собственности в рамках информационного обеспечения избирательного процесса на практике не отвечает целям, ради достижения которых изначально был введен законодателем. Кандидаты зачастую пытаются неправомерно использовать данный способ защиты избирательных прав, желая отменить регистрацию своих соперников в качестве кандидатов по формальным основаниям.

Аналогичной позиции придерживаются Д.С. Рымарев и А.Н. Литвиненко, отмечающие, что «действующие механизмы оспаривания решений избирательных комиссий о регистрации кандидатов и существующий перечень оснований отмены их регистрации используются исключительно в качестве надуманных оснований для обращения с административным иском в суд» [7, с. 2]. Однако очевидна необходимость наличия подобного способа защиты прав и законных интересов участников избирательного процесса, поскольку в случае действительного нарушения законодательства об интеллектуальной собственности на стадии информационного обеспечения выборов именно этот институт призван обеспечить законность проведения процедуры выборов и привлечение к ответственности виновных лиц.

Проблемы нарушения права интеллектуальной собственности в рамках проведения избирательной кампании

На основе анализа законодательной базы и практики ее применения в рамках судебных разбирательств по вопросам нарушения прав на интеллектуальную собственность в информационном обеспечении выборов нами выделены три основные проблемы.

1. *Несоответствие объема установленной законом ответственности за нарушение законодательства об интеллектуальной собственности самому правонарушению.* Правовое регулирование интеллектуальной собственности всегда опиралось в первую очередь на гражданское право, в котором зачастую применяется диспозитивный метод правового регулирования. Тем не менее в качестве меры ответственности за нарушение законодательства об интеллектуальной собственности в предвыборной агитации предусмотрена отмена регистрации кандидата.

Уголовное законодательство так же содержит нормы об ответственности, наступающей в случае нарушения исключительных прав правообладателя. Рассмотрим санкции, предусмотренные частью 1 статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В рамках настоящего исследования части 2 и 3 нас не интересуют, поскольку они сопряжены со сбытом и извлечением дохода из нарушения законодательства об интеллектуальной собственности. Что касается нашего интереса к части 1, то она предусматривает следующие варианты уголовно-правовой

ответственности за нарушение авторских прав: штраф, обязательные работы, исправительные работы, арест⁷. За совершение данного преступления лишение свободы не предусмотрено.

Это — важный момент, так как ранее упомянутая статья 32 Конституции закрепляет право граждан избирать (активное избирательное право) и быть избранными (пассивное избирательное право). Основания для лишения гражданина пассивного и активного избирательного права предусмотрены пунктом 3 статьи 4 Закона об основных гарантиях. К таковым основаниям законодатель относит признание гражданина недееспособным по решению суда или содержание гражданина в местах лишения свободы. В результате в правовом поле создается противоречивая ситуация: лишение гражданина права быть избранным, то есть лишение его пассивного избирательного права, возможно только в случае признания его недееспособным или отбывания им наказания в виде лишения свободы в исправительном учреждении. Однако осуществить отмену регистрации кандидата, фактически лишив его пассивного избирательного права, можно в случае нарушения им законодательства об интеллектуальной собственности в рамках информационного обеспечения выборов. Повторимся, но при этом за преступное деяние с аналогичным составом преступления УК РФ такой вид наказания, как лишение свободы, не предусмотрен.

Р.А. Загидулин и А.М. Борзунова также предлагают изменить вид конституционно-правовой ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации об интеллектуальной собственности в рамках предвыборной агитации на гражданско-правовую. Однако авторы допускают возможность лишения граждан права быть избранными в ряде случаев, — например, если «использование объектов интеллектуальной собственности привело избирателей в заблуждение» [8, с. 9].

По нашему мнению, закрепление подобной концепции в тексте законодательных актов не возымеет должного результата. Как нами было установлено, большинство административных исковых заявлений, связанных с отменой регистрации кандидата ввиду нарушения им исключительных прав в рамках своей предвыборной кампании, изначально являются необоснованными и подаются лишь с целью «выбить» кандидата-соперника из предвыборной гонки. Если установить в тексте закона подобное основание для отмены регистрации кандидата, заявители будут ссылаться в исковом заявлении на то, что нарушение интеллектуальных прав привело к введению избирателей в заблуждение. Нагрузка, возлагаемая на суды, останется прежней. Следовательно, подобное изменение законодательства оказывается лишь полумерой, недостаточной для приведения в со-

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».

ответствие института защиты интеллектуальной собственности в рамках предвыборной агитации тем целям, которые в него изначально закладывал законодатель.

Исходя из вышеизложенного скажем, что следует изменить предусмотренный на настоящий момент вид ответственности за нарушение законодательства об интеллектуальной собственности, исключив санкцию в виде отмены регистрации кандидата. Правильным решением в данном случае видится установление гражданско-правовой ответственности по правилам, закрепленным статьей 130¹ ГК РФ, а именно — путем выплаты правообладателю нарушителем денежной компенсации за нарушенное исключительное право.

Введение подобной ответственности положительно скажется на обоснованности исковых заявлений по рассматриваемой категории дел, поскольку другие кандидаты перестанут видеть в таких заявлениях возможность устранения своих соперников по формальным основаниям.

2. Непривлечение правообладателя в рамках судебного разбирательства о нарушении его исключительных прав. Путем проведенного нами исследования было установлено, что в рамках рассмотрения судами изучаемой категории дел практически никогда не привлекаются к спору правообладатели, права которых на объекты интеллектуальной собственности были нарушены.

И это несмотря на то, что правообладатель является ключевой фигурой при рассмотрении данной категории дел, поскольку именно он вправе распоряжаться своими исключительными правами на результат интеллектуальной деятельности. Непривлечение правообладателя в качестве третьего лица в рамках рассмотрения подобных дел может привести к не полному и не всестороннему рассмотрению судебного спора.

Более того, из анализа судебной практики следует вывод, что рассмотрение подобных дел направлено не столько на восстановление справедливости и нарушенных прав правообладателя объекта интеллектуальной деятельности, сколько на устранение соперников кандидата, подающего такое административное исковое заявление.

В случае непривлечения правообладателя нарушенного исключительного права в судебный процесс, он в дальнейшем может и не узнать о нарушении его прав. Привлечение правообладателя в качестве третьего лица гарантирует его осведомленность о возможном посягательстве на его права. А в случае если в судебном разбирательстве будет доказан факт нарушения законодательства об интеллектуальной собственности, то преюдициальный факт, установленный решением суда, во многом упростит для правообладателя дальнейшее взыскание компенсации с лица, нарушившего его исключительное право.

Следовательно, привлечение в судебный процесс в качестве третьего лица правообладателя, чье исключительное право было нарушено на стадии информационного обеспечения выборов, является разумным шагом для улучшения действующего законодательства.

3. Излишняя загруженность судов делами, возбужденными по формальным обстоятельствам и направленными на оказание давления на кандидатов-конкурентов. Проведенный нами анализ судебной практики еще раз подтвердил актуальность рассматриваемой темы, поскольку судебные споры по вопросу нарушения законодательства об интеллектуальной собственности на стадии информационного обеспечения выборов рассматриваются повсеместно и на данный момент нет тенденции к сокращению общего количества судебных споров о подобных правонарушениях.

Действующий порядок рассмотрения дел о нарушениях законодательства об интеллектуальной собственности в период предвыборной агитации ведет к излишней загруженности судов исками, большинство из которых изначально подаются без цели восстановления справедливости, поскольку сам факт нарушения исключительных прав отсутствует. Таким образом, рассматривая подобные формальные административные иски, судам приходится принимать на себя дополнительную нагрузку.

Исходя из этого можно полагать, что рациональным решением может быть установление правового механизма, предоставляющего возможность выявлять необоснованные требования об отмене регистрации кандидата еще до момента обращения в суд с административным исковым заявлением.

С целью устранения данной проблемы предлагаются следующие способы ее решения:

а) Введение обязанности для кандидатов прилагать документы с подтверждением права на использование результатов интеллектуальной деятельности к своим агитационным материалам, содержащим какие-либо результаты интеллектуальной деятельности, принадлежащие иным правообладателям.

Пункт 3 статьи 54 Закона об основных гарантиях закрепляет положение о том, что экземпляры печатных агитационных материалов, экземпляры аудиовизуальных агитационных материалов, фотографии, экземпляры иных агитационных материалов до начала их распространения должны быть представлены кандидатом в соответствующую избирательную комиссию. Кроме того, кандидату необходимо представить в избирательную комиссию сведения об адресе организации, изготовившей эти материалы и копию документа об оплате изготовления предвыборного агитационного материала из соответствующего избирательного фонда. В случае закрепления предлагаемой обязанности вместе с подачей указанных агитационных материалов и документов кандидаты будут обязаны также представлять документы,

подтверждающие право использования ими результатов интеллектуальной деятельности в представленных агитационных материалах.

К числу подобных документов могут относиться: лицензионный договор, договор об отчуждении исключительного права, письменное согласие правообладателя на использование результатов его интеллектуальной деятельности и так далее.

Исходя из анализа судебной практики по рассматриваемому вопросу, заметим, что кандидаты, добросовестно использующие результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц, и тем не менее являющиеся ответчиками по рассматриваемой категории дел, самостоятельно представляют в суд доказательства правомерности использования того или иного результата интеллектуальной деятельности в изготовленных агитационных материалах. Подобная положительная динамика позволяет говорить о действенности и необременительности предлагаемого порядка.

Помимо прочего, предлагаемая обязанность также будет осуществлять превентивную функцию защиты прав и законных интересов правообладателей, чьи результаты интеллектуальной деятельности были неправомерно использованы при изготовлении агитационных материалов. Так, в случае непредставления всех необходимых документов, подтверждающих право использования тех или иных результатов интеллектуальной деятельности, избирательная комиссия будет вправе не допускать к распространению подобные агитационные материалы до момента представления кандидатом всех необходимых правоустанавливающих документов. Таким образом, подобные агитационные материалы не будут распространяться среди избирателей, а значит, нарушения законодательства об интеллектуальной собственности не произойдет.

Однако установление подобного требования вряд ли само по себе сократит количество безосновательных обращений в органы судебной власти. В связи с этим предлагается также установить обязательный досудебный порядок урегулирования спора, выражающийся в обращении заявителя в избирательную комиссию соответствующего избирательного округа.

б) Введение обязательного досудебного порядка обращения в избирательную комиссию с целью урегулирования спора о возможном нарушении законодательства об интеллектуальной собственности в рамках информационного обеспечения выборов.

Установление процедуры досудебного урегулирования для рассматриваемой категории дел позволит в значительной мере распределить нагрузку по рассмотрению подобных споров между судами и избирательными комиссиями.

Введение для кандидатов обязанности, выражаемой в предоставлении документов, подтверждающих право на использование результатов

интеллектуальной деятельности в своих агитационных материалах, позволит избирательным комиссиям обладать достаточным уровнем осведомленности о правомерности использования кандидатом тех или иных результатов интеллектуальной деятельности в рамках предвыборной кампании. В случае, если по мнению кандидата-соперника имеет место нарушение законодательных норм об интеллектуальной собственности, он будет обязан обратиться в избирательную комиссию для получения разъяснений по данному вопросу. Получив подобное заявление, избирательная комиссия будет обязана рассмотреть подобное заявление по существу в течение трех дней с момента его поступления и предоставить для ознакомления заявителю материалы, подтверждающие право другого кандидата на использование результатов интеллектуальной деятельности в изготовленных агитационных материалах. Только после этого и в случае отсутствия каких-либо правоустанавливающих документов или несогласия с решением избирательной комиссии заявитель будет вправе обратиться в суд с заявлением об отмене регистрации кандидата.

Данный досудебный порядок в связке с предлагаемой обязанностью по предоставлению документов, подтверждающих право использования кандидатом тех или иных результатов интеллектуальной деятельности, будет способствовать получению предварительного ответа о нарушении либо отсутствии нарушения исключительных прав еще до обращения заявителя в суд, а также позволит установить истинные мотивы заявителя.

Применение указанных положений позволит существенно сократить нагрузку на судебные органы, вынужденные рассматривать необоснованные заявления об отмене регистрации кандидата на выборную должность.

Заключение

Информационное обеспечение выборов представляет собой важнейшую стадию избирательного процесса, поскольку в рамках этой стадии кандидаты ведут между собой борьбу за голоса избирателей. Неотъемлемой частью информационного обеспечения выборов является предвыборная агитация. С целью привлечения максимального количества голосов избирателей кандидаты могут использовать в собственных агитационных материалах результаты интеллектуальной деятельности, принадлежащие иным правообладателям. С целью соблюдения прав правообладателей и общей процедуры соблюдения законности при проведении выборов законодателем была введена конституционно-правовая мера ответственности за нарушение законодательства об интеллектуальной собственности в рамках предвыборной агитации, выраженная в отмене регистрации кандидата, совершившего указанное правонарушение.

Однако при действующем правовом регулировании данный институт защиты прав участников избирательного процесса не отвечает тем целям,

ради которых законодателем и были введены соответствующие правовые нормы. В настоящий момент административные иски подаются другими кандидатами на избираемую должность по формальным основаниям. Рассмотрение указанных споров не приводит к восстановлению нарушенных прав правообладателя ввиду отсутствия самого факта нарушения установленного порядка ведения предвыборной агитации, а также возлагает на суды дополнительную нагрузку, связанную с рассмотрением необоснованных административных исковых заявлений.

В целях решения выявленных проблем, содержащихся в отечественном законодательстве об избирательном процессе, мы предлагаем меры по его совершенствованию путем внесения изменений в соответствующие законодательные акты. В частности, считаем необходимым заменить существующую конституционно-правовую ответственность за нарушение законодательства об интеллектуальной собственности на стадии информационного обеспечения выборов, выражаемую в виде отмены регистрации кандидата, на гражданско-правовую ответственность, которая будет представлять собой выплату денежной компенсации правообладателю нарушенного исключительного права.

Также предлагается привлекать в рамках судебного процесса по рассмотрению подобных споров в качестве третьих лиц правообладателей, чьи исключительные права подверглись нарушению.

Кроме того, на наш взгляд, целесообразно ввести обязанность по предоставлению кандидатами в избирательную комиссию вместе с экземплярами агитационных материалов и правоустанавливающих документов, подтверждающих право кандидата на использование результатов интеллектуальной деятельности в изготовленных агитационных материалах. Вместе с этим предлагается введение обязательного досудебного порядка по урегулированию споров о нарушении законодательства об интеллектуальной собственности на стадии информационного обеспечения выборов.

Считаем, что приведенные в исследовании предложения по совершенствованию действующего законодательства положительно отразятся на общем уровне защиты прав и законных интересов правообладателей, а также повысят общий уровень доверия избирателей к процедуре выборов.

Список литературы

1. Головин А.Г. Эволюция системы избирательного законодательства в Российской Федерации: тенденции и перспективы // М.: Московское бюро по правам человека; Academia, 2008. 212 с.
2. Большаков С.В., Головин А.Г. Информационное обеспечение выборов и референдумов в Российской Федерации // М.: Весь мир, 2007. 300 с.
3. Коваленко М.А. Правомерное использование объектов интеллектуальной собственности во время предвыборной агитации // Концепт. 2019. № 12.

4. Никишов А.Б., Цитович Л.В. Нарушение интеллектуальных прав субъектами избирательного процесса // Имущественные отношения в РФ. 2018. № 4(199).
5. Уханова А.П. Информационное обеспечение выборов как гарантия реализации избирательных прав граждан в Российской Федерации // Дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02. МГУ, Петрозаводск, 2015.
6. Коваль Д.В. Применение конституционно-правовых санкций за нарушения законодательства об интеллектуальной собственности в период предвыборной агитации // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 7.
7. Рымарев Д.С., Литвиненко А.Н. Оспаривание регистрации кандидатов в судебной практике по избирательным спорам (на примере избирательной кампании по выборам депутатов Законодательного Собрания Иркутской области третьего созыва 9 сентября 2018 года) // Избирательное право. 2019. № 1(39).
8. Загидулин Р.А., Борзунова А.М. Правовые основы использования интеллектуальной собственности в информационном обеспечении выборов // Ученые заметки ТОГУ. 2016. № 2(7).

Р.Р. САДЫКОВ

НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ «ИЗБИРАТЕЛЬНОГО БЛОКЧЕЙНА»

Аннотация. В статье рассматривается понятие электронного голосования, анализируется опыт его использования в зарубежных странах и в Российской Федерации. Делается вывод о том, что его дальнейшее развитие возможно с помощью технологии блокчейн. Автором раскрываются основные характеристики данной технологии, делается вывод о перспективности ее использования в избирательном процессе.

Ключевые слова: блокчейн, электронное голосование, избирательный процесс, выборы, подсчет голосов, распределенные системы.

DIRECTIONS OF ENSURING THE SECURITY OF THE «ELECTORAL BLOCKCHAIN»

Abstract. The article deals with the concept of electronic voting, the experience of its use in foreign countries and in the Russian Federation is analyzed. The conclusion is made that its further development is possible with the help of blockchain technology. The author reveals the main characteristics of this technology, the conclusion is made about the prospects of its use in the electoral process.

Keywords: blockchain, electronic voting, electoral process, elections, vote counting, distributed systems.

Активный процесс цифровизации в Российской Федерации и мировом пространстве коснулся не только экономической деятельности, — в настоящее время он определяет развитие практически всех составляющих жизни общества.

«Цифровая лихорадка» оказывает влияние на все направления жизни человека: на доступ граждан к государственным цифровым платформам, дающим возможность получения множества государственных услуг в режиме онлайн, развитие Интернета вещей, электронной идентификации личности (к примеру, возможность «платить лицом» в московском метро), использование искусственного интеллекта для постановки диагнозов в медицинских учреждениях (распознавание минимальных изменений мимики, свидетельствующих о начале болезни). Появляются новые бизнес-модели применения информационных технологий; современное общество переходит

САДЫКОВ Рамиль Риназович — студент ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ», г. Казань

от документоцентричной модели к датацентричной. Формируется система совместных услуг на уровне государства (интегрирование в государственные сервисы различных субъектов некоммерческого сектора — волонтеры, благотворительные организации и др.), которая ранее была характерна только для бизнес-структур и домашних хозяйств [1].

Современные государства заинтересованы во внедрении цифровых новшеств в систему управления, однако они придерживаются разных подходов в подобной цифровизации: для англо-американской модели свойственен стратегический, архитектурный подход; для азиатской — создание высокотехнологичных решений; для континентально-европейской — трансграничность оказания услуг; для российской — интеграция унаследованных систем и низкие темпы преобразований [1].

Современные преобразования более ориентированы на ожидания «цифрового поколения», не представляющего свою жизнь без мобильных устройств и привыкшего к быстрому получению необходимых товаров и услуг.

Развитие цифровых технологий сократило «расстояние» между гражданином и государством. Появилась возможность участия людей в нормотворческой деятельности, притом не только через непосредственное обсуждение законодательных проектов, но и посредством выступления с инициативой принятия того или иного нормативного акта, онлайн-обращения с заявлениями в органы государственной власти и управления. Ряд руководителей исполнительных органов общаются с гражданами в социальных сетях, постепенно внедряется онлайн-голосование.

По оценкам экспертов [2], переход на цифровые услуги населения Великобритании привел к значительной экономии государственных средств: перевод 30 процентов контактов «фронт-офиса» сократил расходы правительства на более чем 1,3 млрд фунтов стерлингов, а перевод 50 процентов контактов — более чем 2,2 млрд фунтов стерлингов.

Между тем, эксперты отмечают, что максимальный эффект от цифровизации достигается только при 100-процентном переводе управленческого процесса на «цифру», то есть все процессы должны быть перепроектированы на полное исключение «бумажных» операций на всех стадиях взаимодействия [2].

В настоящее время Российская Федерация уже имеет опыт цифровизации избирательного процесса в рамках избирательной кампании 2021 года. До этого появились специальные комплексы обработки избирательных бюллетеней и веб-камеры на избирательных участках [3].

Основная технология, используемая в избирательном процессе — это блокчейн, который ряд авторов называют «избирательный блокчейн». Электронное голосование в той или иной мере применялось рядом стран и до России. К первому прототипу электронного голосования можно отнести голосование по перфокартам (избиратель пробивал свой бюллетень

в специальном устройстве, а подсчет голосов осуществлял компьютер) в 1964 году в штате Джорджия (США) во время первичных президентских выборов. Ряд стран использовал голосование по почте. При проведении электронного голосования (выборы президента страны) в 2018 году в Сьерра-Леоне и в 2019 году в Эстонии (выборы национального парламента) уже был использован избирательный блокчейн.

Внедрение электронного голосования в Российской Федерации началось с разработки Государственной автоматизированной системы «Выборы», которая была апробирована в 2000 году. В 2003 году появился комплекс обработки избирательных бюллетеней. В 2008 году было реализовано тестирование электронного голосования в Новомосковске посредством выдачи диска, с помощью которого голос можно было отдать в любом месте, где есть Интернет. В 2007 году и в 2008 году в ряде городов России были применены комплексы электронного голосования, на дисплее которых можно было осуществить выбор, — бумажные бюллетени при этом не использовались. В 2009 и 2010 годах впервые в нашей стране на региональных выборах был апробирован избирательный блокчейн с применением системы Polys, реализованной «Лабораторией Касперского» [4].

В 2009 году в соответствии с ежегодным посланием Президента Российской Федерации начинается техническое переоснащение избирательной системы. В 2011 году в Республике Татарстан 5 процентов избирательных участков было переведено на электронное голосование. В 2012 году в семи регионах Российской Федерации было организовано 337 избирательных участков, позволяющих реализовать электронное голосование [5].

Планируется, что в скором времени произойдет полный переход Центральной избирательной комиссии Российской Федерации на новую цифровую платформу взамен Государственной автоматизированной системы «Выборы».

Эксперты [5] отмечают как положительные, так и отрицательные аспекты электронного голосования. К положительным особенностям данной системы они относят: экономию времени и возможность голосовать из любого места; автоматизированная система подсчета голосов обходится государству дешевле, чем использование традиционных форм за счет экономии как на бумажных бюллетенях, так и на организации избирательных участков, включая оплату труда; подсчет голосов осуществляется быстрее, чем при традиционном варианте; избирательный процесс более прозрачен, что позволяет привлекать к голосованию граждан, которые традиционно не верят в результаты выборов и игнорируют их.

Отрицательными аспектами считаются: возможные взломы и технические неисправности системы; «слив» личных данных избирателей в свободный доступ в Интернет или продажа данных в Даркнете; к значительным недостаткам электронного голосования относится отсутствие тайны голосования как базового принципа избирательного права, поскольку граждан

должен авторизоваться в системе. Одним из самых сложных для решения задач в сфере организации этой системы является обеспечение безопасности избирательного процесса и ее ясности для всех участников выборов.

17–19 сентября 2021 года на выборах депутатов Государственной Думы восьмого созыва было апробировано частичное дистанционное электронное голосование, были использованы платформы Департамента информационных технологий города Москвы и «Лаборатории Касперского». Первый опыт с использованием блокчейн-системы был реализован, однако при этом возникли вопросы по поводу прозрачности выборов [6, с. 9–21].

По окончании выборов КПРФ выразила претензии, согласно которым без учета электронного голосования данная политическая партия вышла на первое место по партийным спискам в Москве, а после учета электронного голосования — на второе [7].

Рабочая группа Общественного штаба по наблюдению за выборами в Москве объяснила изменение результатов тем, что граждане избрали различные паттерны поведения, — кто-то проголосовал один раз, кто-то менял свое решение, что могло быть связано с желанием увеличить свои шансы на победу в программе «Миллион призов» [7].

Основной целью работы была попытка определить — является ли блокчейн надежной системой, которую можно использовать в выборах различного уровня, начиная от федерального, заканчивая муниципальными.

* * *

Блокчейн — привлекательная альтернатива обычным системам электронного голосования с такими функциями, как децентрализация и защита [8]. Изначально представляя собой цепочку блоков, он представляет собой постоянно растущий список блоков в сочетании с криптографическими соединениями.

Блокчейн создает серию блоков, реплицированных в одноранговой сети. Любой блок цепочки имеет криптографический хэш и временную метку, добавленные к предыдущему блоку. Все записанные данные делятся на блоки, каждый из которых содержит хэш всех данных из предыдущего блока как часть своих данных [9].

Целью использования такой структуры является достижение доказуемой неизменяемости. Если часть ее содержания изменена, необходимо пересчитать хэш блока [10]. Блокчейн-данные, хранящиеся в блоках, формируются из всех подтвержденных транзакций во время их создания. Это означает, что незаметно вставлять, удалять или изменять транзакции в уже подтвержденном блоке невозможно.

Архитектура блокчейна включает в себя:

1. Узел — пользователи или компьютеры в схеме блокчейна (каждое устройство имеет отдельную копию полной бухгалтерской книги из блокчейна);

2. Транзакцию — наименьший строительный блок системы блокчейн (записи и детали), который использует блокчейн;

3. Блок — набор структур данных, используемых для обработки транзакций по сети, распределенных по всем узлам;

4. Цепочку — серию блоков в определенном порядке;

5. Майнеры — соответствующие узлы для проверки транзакции и добавления этого блока в систему цепочки блоков;

6. Консенсус — набор команд и организаций для выполнения процессов блокчейна.

Преимущества технологии блокчейна заключаются в том, что:

1. Транзакции блокчейна аутентифицируются и точны благодаря вычислениям и криптографическим свидетельствам между участвующими сторонами;

2. Вся распределенная база данных может быть доступна для всех участников сети блокчейн. Алгоритм консенсуса позволяет управлять системой, как показано в основном процессе;

3. Любые документы блокчейна не могут быть изменены или удалены;

4. Участник сети блокчейн генерирует адрес, а не идентификацию пользователя. Он сохраняет анонимность в публичной системе блокчейна;

5. Нет возможности манипулировать сетью блокчейн, поскольку для ее удаления требуются огромные вычислительные ресурсы;

6. Каждую транзакцию можно отслеживать в реестре цепочки блоков.

Благодаря блокчейн-технологии уже достигнуты следующие результаты:

1. Технология блокчейн исправила недостатки сегодняшнего метода выборов, сделала механизм опроса понятным и доступным, остановила незаконное голосование, усилила защиту данных и проверила результаты опроса [11, р. 59, 183–189];

2. Взлом всех узлов и изменение данных невозможны. Таким образом, невозможно уничтожить или эффективно проверить голоса путем подсчета с другими узлами [12];

3. Если технология используется правильно, блокчейн представляет собой цифровой, децентрализованный, зашифрованный, прозрачный реестр, который может противостоять манипуляциям и мошенничеству.

Электронное голосование на основе блокчейна будет работать только тогда, когда система онлайн-голосования не будет подлежать контролю со стороны какой-либо организации, органа, включая правительство.

Требования безопасности к системе электронного голосования состоят из следующих компонентов:

1. Анонимность. На протяжении всего процесса голосования сведения о явке избирателей должны быть защищены от внешнего толкования. Какая-либо корреляция между зарегистрированными голосами и личностями избирателей внутри избирательной структуры недопустима [13, р. 4, 17];

2. Точность. Заявленные результаты должны точно соответствовать результатам выборов. Это означает, что никто не может изменить голосование других граждан [14, р. 19, 303–310];

3. Сингулярность. Только один голос может быть отдан за каждого зарегистрированного избирателя [15, р. 161–176];

4. Прозрачность. Это означает, что до официальных результатов подсчета никто не может узнать подробности [16];

5. Доступность. В период голосования системы голосования должны быть доступны. Системы голосования не должны ограничивать место голосования.

Целесообразность использования блокчейна вызвана следующим:

1. Уровень риска настолько велик, что электронное голосование само по себе не является жизнеспособным вариантом. Если система электронного голосования будет взломана, последствия будут негативными;

2. Голосование в цепочке блоков будет представлять собой зашифрованный фрагмент данных, который полностью открыт и публично хранится в распределенной сети цепочки блоков, а не на одном сервере. Процесс консенсуса в механизме блокчейна проверяет каждое зашифрованное голосование, а общедоступные процессы регистрируют каждое голосование в распределенных копиях реестра блокчейна;

3. Система голосования на блокчейне децентрализована и полностью открыта, но при этом обеспечивает защиту избирателей. Это означает, что любой гражданин может подсчитывать голоса с помощью электронного голосования на блокчейне, но никто не может знать, кто за кого голосовал [17, р. 16, 1–21].

Таким образом, можно констатировать, что при организации дистанционного электронного голосования самое сложное заключается в обеспечении безопасности избирательного процесса и полноценного информирования всех его участников.

Список литературы

1. Акаткин Ю.М., Ясиновская Е.Д. Цифровая трансформация государственного управления. Датацентричность и семантическая интероперабельность / Препринт/ – М.: ДПК Пресс, 2018. 48 с. URL: <https://www.rea.ru/ru/news/SiteAssets/prepint-monografii.pdf>.
2. Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность [Текст]: докл. к XX апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Д.Ю. Двинских, Н.Е. Дмитриева, А.Б. Жулин и др. под общ. ред. Н.Е. Дмитриевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 43 с. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178006122F.pdf>.
3. Государство как платформа: люди и технологии. М.: РАНХиГС, 2019. 112 с. URL: https://gspm.ranepa.ru/uploads/files/2019/01/17-01-2019_0.pdf.

4. Зикеев В. Цифровизация избирательного процесса. // URL: https://zakon.ru/blog/2019/1/25/cifrovizaciya_izbiratel'nogo_processa.
5. Алексеев Р.А., Абрамов А.В. Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом // *Гражданин. Выборы. Власть.* 2020 № 1(15).
6. Вбросы или особенности блокчейна? Разбор главных вопросов к электронному голосованию Москве // URL: <https://rtvi.com/news/vbrosy-ili-osobennosti-blokcheyna-rtvi-otvechaet-na-glavnye-voprosy-k-elektronnomu-golosovaniyu-v-mo/>.
7. Современные выборы и блокчейн // URL: <http://www.inteeu.com/2020/04/26/sovremennye-vybory-i-blokchejn/>.
8. Gao S., Zheng D., Guo R., Jing C., Hu C. An Anti-Quantum E-Voting Protocol in Blockchain with Audit Function. *IEEE Access* 2019, 7, 115304–115316.
9. Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. Available online: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf>.
10. Nofer M., Gomber P., Hinz O., Schiereck D. Blockchain. *Bus. Inf. Syst. Eng.* 2017.
11. Xiao S., Wang X.A., Wang W., Wang H. Survey on Blockchain-Based Electronic Voting. In *Proceedings of the International Conference on Intelligent Networking and Collaborative Systems, Oita, Japan, 5–7 September 2019*.
12. Imperial, M. The Democracy to Come? An Enquiry into the Vision of Blockchain-Powered E-Voting Start-Ups. *Front. Blockchain* 2021.
13. Zhou Y., Liu Y., Jiang C., Wang S. An improved FOO voting scheme using blockchain. *Int. J. Inf.S Secur.* 2020.
14. Sadia K.; Masduzzaman M.; Paul R.K.; Islam, A. Blockchain-based secure e-voting with the assistance of smart contract. In *IC-BCT 2019*; Springer: Berlin/Heidelberg, Germany, 2020.
15. Adeshina S.A., Ojo A. Maintaining voting integrity using Blockchain. In *Proceedings of the 2019 15th International Conference on Electronics, Computer and Computation (ICECCO)*, Abuja, Nigeria, 10–12 December 2019.
16. Poniszewska-MaraCda A., Pawlak M., Guziur J. Auditable blockchain voting system—the block chain technology toward the electronic voting process. *Int. J. Web Grid Serv.* 2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ OUR AUTHORS

АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна, доктор политических наук, профессор, директор Научно-образовательного центра политических исследований Пятигорского государственного университета; ASTVATSATUROVA Maya Artashesovna, doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Scientific and Educational Center for Political Studies, Pyatigorsk State University (PSU); maya.astv@gmail.com

БОГАТЫРЬ Никита Валерьевич, студент частного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский юридический университет»; BOGATYR Nikita Valerievich, Student of the Private Educational Institution of Higher Education «Siberian Law University»; bogatyr.nikita@mail.ru

ВАХРАМЕЕВ Евгений Юрьевич, преподаватель сектора среднего профессионального образования кафедры административного, финансового и корпоративного права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИИХ», аспирант кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия; VAKHRAMEEV Evgeny Yurievich, Teacher of Sector of Secondary Vocational Education of the Chair of Administrative, Corporative and Financial law of Novosibirsk State University of Economics and Management, Graduate Student of the Chair of Constitutional Law named after N.V. Vitruk of the Russian State University of Justice; vahramev@yandex.ru

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); VEDENEEV Yuri Alekseevich, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); yuravedeneev@yandex.ru

ГОНЧАРЕНКО Анна Романовна, старший аналитик Ассоциации специалистов по информационным операциям; GONCHARENKO Anna Romanovna, Senior Analyst of the Association of Information Operations Specialists; annagoncharenko3@yandex.ru

ЕРЫГИН Алексей Алексеевич, кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина; ERYGIN Alexey Alekseevich, Candidate Of Political Science, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilina; ery-aleks@mail.ru

ЕРЫГИНА Виктория Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, преподаватель Инжинирингового колледжа Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; ERYGINA Victoria Ivanovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilina, Lecturer of the Engineering College of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod State National Research University»; erygina@list.ru

ИБРАГИМОВ Ибрагим Джавпарович, кандидат педагогических наук, доцент, директор Института переводоведения, русистики и многоязычия; заведующий кафедрой восточных языков и культур Пятигорского государственного университета; IBRAGIMOV Ibragim Dzhavparovich, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Director of the Institute of Translatology, Russian Studies, and Multilingualism (ITRSM), Head of Department of Oriental Languages and Cultures, Pyatigorsk State University (PSU); andi-ibragim@mail.ru

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления; MAKARTSEV Andrei Alekseevich, Candidate of Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Public Sector, Novosibirsk State University of Economics and Management; makarzew@mail.ru

НИКОЛАЕВА Анастасия Дмитриевна, студент факультета политологии, кафедры российской политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; NIKOLAEVA Anastasia Dmitrievna, Student of the Faculty of Political Science, Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; a.d.nikolaeva@gmail.com

ОВСЯННИКОВА Ольга Александровна, исполнительный директор Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, кандидат педагогических наук, доцент; OVSYANNIKOVA Olga Aleksandrovna, Executive Director of the Research Center for National Security Problems, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor; ovsyannickowa@yandex.ru

ПОЗДНЯКОВ Евгений Игоревич, аспирант факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; POZDNIAKOV Evgenii Igorevich, PhD of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Pozdnyakovev@mail.ru

САДЫКОВ Рамиль Риназович, студент ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева–КАИ»; SADYKOV Ramil Rinazovich, Student, Kazan

National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI;
ramilsadykov00000@icloud.com

СЕМЕНОВ Евгений Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент, директор НОЦ «Центр анализа социально-политических процессов и экспертного обеспечения публичного управления» НГЛУ им. Н.А. Добролюбова; SEMENOV Yevgeny Yevgenyevich, Candidate of Political Science, Associate Professor, Director REC «Center for Analysis of Socio-Political Processes and Expert Support of Public Administration», Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University; k762@mail.ru

СЕННИКОВА Дарья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент Западно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доцент Томского государственного университета; SENNIKOVA Daria Vladimirovna, PhD in Law, Senior Lecturer of West-Siberian branch of Russian State University of Justice, Senior Lecturer of Tomsk State University; daria.sennikova88@gmail.com

УХАНОВ Антон Дмитриевич, ассистент кафедры теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса; UKHANOV Anton Dmitrievich, Assistant of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Law, Vladivostok State University of Economics and Service; vin-chun.95@list.ru

ЦАРЬКОВ Виталий Викторович, Заместитель Постоянного представителя Российской Федерации при Региональной антитеррористической структуре Шанхайской организации сотрудничества, советник Посольства Российской Федерации в Республике Узбекистан; TSARKOV Vitaly Viktorovich, Deputy Permanent Representative of the Russian Federation to the Regional Anti-Terrorist Structure of the Shanghai Cooperation Organization, Adviser to the Embassy of the Russian Federation in the Republic of Uzbekistan; tsar1976@mail.ru

ЧИСТОБОРОДОВ Илья Григорьевич, доктор юридических наук, начальник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России; CHISTOBORODOV Ilya Grigorievich, Doctor of Law, Head of Research Center, Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia; I.Chistoborodov@mail.ru

ЮСУБОВ Эльман Сулейманович, кандидат юридических наук, доцент, профессор Западно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доцент Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; YUSUBOV El'man Suleimanovich, Candidate of Law, Senior Lecturer, Professor of West-Siberian branch of Russian State University of Justice, Senior Lecturer of Tomsk State University, Honored Lawyer of the Russian Federation; elman1958@yandex.ru

Правила направления, рецензирования и опубликования статей

Направляемые для публикации в журнале «Гражданин. Выборы. Власть» статьи должны соответствовать следующим требованиям.

Тема и содержание статьи должны соответствовать профилю, научному уровню и тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов. Специфика издания — освещение наиболее важных аспектов избирательного процесса, современных достижений юридической и политической науки.

Статьи, ранее опубликованные или переданные в другие издания, в журнале не публикуются.

Объем статьи должен составлять не менее 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), для раздела «Рецензии» — 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Материалы, объем которых превышает 1 авторский лист (40 тыс. знаков), рассматриваются Редколлегией только в порядке исключения. При этом оптимальным вариантом, которому отдается предпочтение, является статья с отклонениями от указанного максимального объема не более 5 тысяч знаков.

Название статьи должно соответствовать ее содержанию. Название печатается заглавными буквами на русском и английском языках, и не должно превышать трех строк.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Microsoft Word for Windows (версии 6.0 и выше, в формате *.doc) с использованием стандартного шрифта Times New Roman размером № 14 через полтора межстрочных (компьютерных) интервала на русском языке для основного текста.

Все фактические данные, а также цитаты, приводимые в статье, должны иметь точные и исчерпывающие ссылки на источник. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначенной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Сноски на литературу размещаются по тексту статьи в ручных квадратных скобках: [1], [2], [3] и т.д.... Номер страницы цитируемого источника или их интервал указываются через запятую при необходимости [1, с. 15]; [1, с. 15–20] ... Библиографическое описание цитируемой литературы размещается в разделе «Литература» в конце текста статьи в порядке ее упоминания в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, с нумерацией без квадратных скобок: 1,2,3 и т.д.... В раздел «Литература» включаются только те публикации (монографии, научные статьи и т.д.), на которые есть ссылки в тексте статьи. Авторам рекомендуется избегать цитирования учебных изданий. Ссылки на нормативные правовые акты, статистические данные и результаты опросов приводятся в подстрочнике (в случае необходимости) или в тексте статьи. В разделе «Литература» указанные источники не упоминаются. Авторские пояснения приводятся в подстрочнике или в тексте статьи. Текст направляемого материала должен соответствовать стилистическим, орфографическим, синтаксическим и другим нормам русского языка. Сокращения слов не допускаются. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены и подтверждены ссылками.

Особые требования предъявляются к иллюстративному материалу. Таблицы должны быть пронумерованы, озаглавлены и иметь сноску на источник, а рисунки, кроме этого, подписаны. Весь графический материал должен быть выполнен в черно-белом цвете, интегрирован в файл формата *.doc и представлен в виде, доступном для редактирования, а также иметь отсылки в тексте. Если диаграмма недоступна для редактирования, то необходимо сопроводить ее таблицей данных. Графический материал должен сопровождаться надписями на русском языке. Авторам рекомендуется избегать интеграции в текст статьи большого количества таблиц, рисунков и диаграмм.

Согласно требованиям ВАК России, к статье обязательно прилагаются: аннотация (не более 5 предложений на русском и английском языках), список ключевых слов (5–8 на русском и английском языках), сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью, официальное место работы, занимаемая должность, ученая степень, звание (аббревиатуры расшифровывать), адрес места работы (или домашний адрес) с указанием почтового индекса, телефон и адрес электронной почты). Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных сносках.

Невыполнение любого из указанных требований является поводом для отказа в приеме материала.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации.

Все статьи, поступившие в редакцию и отвечающие настоящим требованиям, рецензируются. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию журнала соответствующего запроса. Редакция оставляет за собой право редактировать текст публикации (изменять название, сокращать объем, представлять числовые данные в графической форме и пр.).

Перепечатка материалов допускается только при наличии ссылки на журнал «Гражданин. Выборы. Власть».

Электронный вариант статьи необходимо направлять посредством электронной формы отправки статей на странице издания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или по электронному адресу gvv@tcoit.ru с пометкой «статья в журнал».

Направление автором текста статьи в редакцию означает его добровольное согласие и безвозмездное предоставление редакции права на использование его произведения и любой его части в печатной и электронных версиях (в том числе, включение в различные базы данных, информационные системы и системы научного цитирования), а также согласие на обработку персональных данных автора и прочие работы с привлечением третьих лиц в целях популяризации произведения. Редакция рассматривает факт получения статьи как передачу авторами исключительных прав на их использование в соответствии указанными выше условиями.

Плата за публикацию с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Журнал распространяется по подписке и по списку рассылки.

Журнал выходит раз в три месяца.

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

**№ 4(26)
2022**

ОКТАБРЬ–ДЕКАБРЬ

*Подписаться на журнал можно на официальном сайте
каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru
и на сайте интернет-магазина «Пресса по подписке» www.akc.ru.
Подписной индекс журнала — 85482*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 30.11.2022.

Формат 70x100 1/16.

Печать офсетная.

Печ. л. 13.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Пресса ИПФ»
394006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, д. 143